

РУССКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Выпуск 1

**Нижний Новгород
2020**

ББК 663.3(2)-6.36

Анатолий Абрашкин

А16 Русское междуречье. – Нижний Новгород, «Дятловы горы», 2020. – 208 с.

В духовной жизни российского народа, начиная со времен Перестройки, наметилась очень важная тенденция – интерес к своему прошлому. Причём, он не ограничивается традиционной историей, отсчитывающей время Руси, образно говоря, от Рюрика. Наш народ заинтересовался глубинными пластами своего “доисторического” бытия. Невероятное дело, но полки магазинов до сих пор полнятся разнообразными реконструкциями древностей русского народа. Академические историки пытаются замолчать этот всплеск национального самосознания, но это факт, с которым следует считаться.

ISBN 978-5-90522-653-3

© А.А. Абрашкин, 2020

© Издательство «Дятловы горы», 2020

ОБ АЛЬМАНАХЕ (слово редактора)

Идея историко-публицистического альманаха пришла давно. Так же, как и его название. Ока и Волга – две важнейшие “артерии” Русской равнины, на их берегах возникла и развивалась многотысячелетняя русская цивилизация. Волго-Окское междуречье включает Золотое кольцо России, и его по праву можно назвать Русским Междуречьем. Это “сердце” России. Здесь живет дух Китежа, дух Святой Руси. Нижегородский край раскинулся вдоль берегов обеих рек и служит важнейшей частью Междуречья. Поэтому издание задумано как сборник самых разных по жанру произведений, восстанавливающих историю края и славные деяния нижегородцев. Это главная линия, но она допускает множество вариаций и импровизаций.

Первый номер альманаха посвящен 800-летию Нижнего Новгорода. Его материалы охватывают время с VIII тыс. до н.э. (первые археологические сведения об обитателях края на территории Нижегородского кремля) до наших дней. Читатель встретится с очень неожиданными версиями и оригинальными трактовками. Это наша позиция. Какие этносы населяли Нижегородскую отчину с древнейших времен? С какого времени можно говорить о присутствии здесь русов? Как развивались их отношения с угрофинскими народами? Что это за загадочная Пургасова Русь, с которой воевал основатель Нижнего Новгорода? Как нижегородцы участвовали в возрождении Дня народного единства? Вот далеко не полный перечень вопросов, которые затрагиваются в предлагаемых статьях.

К этому чисто историческому направлению примыкает тема истории нижегородской науки. Мы хотим освещать отдельные эпизоды ее развития и рассказывать о выдающихся земляках-ученых. У нас будет правило: не писать о членах-корреспондентах и академиках РАН, они свою долю известности всегда получают в других изданиях. В данный выпуск вошли рассказы о математиках Н.А. Дмитриеве, В.И. Плотникове и химике М.Н. Бочкареве, а также статьи об этапах становления горьковской радиофизики и открытии стволовых клеток Г.Н. Кауровой и ее сыном Ярославом.

И наконец, художественная составляющая альманаха: стихи, прозаические опыты, воспоминания и т.д. Это будет его обязательная “начинка”.

Приглашаем к сотрудничеству новых авторов. Рукописи рецензируются. Адрес для предоставления материалов: aabrashkin@hse.ru.

Выражаем благодарность АО ИК “АСЭ” (Инжиниринговый дивизион госкорпорации “Росатом”) за предоставление гранта в рамках конкурса благотворительных проектов.

Анатолий Абрашкин

СТИХИ

Анатолий Абрашкин

ПАМЯТЬ РОДА

* * *

С молодых ногтей и с юных лет
Коплю я доблести примеры,
И неподдельный пиетет
Испытываю к офицерам.

Отдав свою судьбу во власть
Воинственного педантизма,
Осознаешь себя как часть
Несмазанного механизма.

Но командир с живой душой,
С природным даром руководства
Для подчиненного – герой,
Оплот ума и благородства!

Я помню статного отца,
Его полковничью папаху,
Сталь непреклонного лица,
В делах не ведавшего страха.

Вникая в суть вещей до дна,
На первом месте видя дело,
Он сеял смысла семена
Тактично, непреложно, смело.

Он жизнь лелеял как мечту,
Проросшую на Лобном месте,
Как бескорыстность, доброту
И гимн товарищеской чести...

Коплю на сердце с юных лет
Отцовской доблести примеры,
И неподдельный пиетет
Испытываю к офицерам.

Александр Прокопьевич Абрашкин (1922–2004)

* * *

Лишь седины приняв венец,
Я внял, как значим был отец,
Как он не знал предела
В настрое делать дело.

Мы все созданы мамины,
Лелеем детства ссадины,
И, только став отцами,
Вдруг понимаем сами,

Что наша суть мятежная,
Как небеса, безбрежная,
Закваска жизни кровная,
Любовь к отцу сыновняя.

* * *

Отец всегда смотрел парад,
Лелея честь мундира,
Светлел тогда суровый взгляд
Седого командира.

Громокипящее “Ура!”
Парило над страной...
Всё это было как вчера,
И это всё со мною.

Надеюсь, лет чрез пятьдесят
Припомнит сын душою:
Отец всегда смотрел парад,
И это всё со мною.

* * *

Я отмечаю мамин день рождения,
Хотя ее уже на свете нет.
Пусть поздно, но опять прощу прощенья,
Глядя на сохранившийся портрет.

Мы в юности все заняты собою,
Всё за мечтой туманною спешим,
Советы старших отвергаем с боем,
Покою их ничуть не дорожим...

Уходят зимы, пролетают лета,
Я опыта порядком накопил,
И маме, нежно смотрящей с портрета,
Шепчу: “Меня никто так не любил...”

* * *

Мы живем под защитой святынь,
Воплощающих дух человечности,
Призывая их кратким “аминь”,
Обращаясь к космической вечности.

Сын седой поминает мать
Рюмкой горькой в утраты годину,
И не сможет никто разорвать
Связи их родовой пуповину.

Татьяна Григорьевна Абрашкина (1925–1991)

* * *

Моя история простая,
Как дважды два, как сердца крик:
Обид на мать родную стаю
Скопил в себе один мужик.

И он, закон родства нарушив,
Отринул смело отчий дом
И променял живую душу
На десять соток за бугром.

Теперь профессор он британский,
И с положеньем, и с брюшком,
Легко вписался в рай мещанский
И выплатил кредит за дом.

Живет мужик, забот не зная,
Гордыню теша и холя,
И уж не снится мать родная,
Сырая Родины земля...

Страны российской эмигранты,
Простите прямодушный стих:
Вы есть и были маркитанты
В своем обозе среди чужих.

* * *

Кто принял другое гражданство
И родиной пренебрег,
Тот будет тоски постоянство
Копить, как пожизненный срок.

И Бульбы-полковника повесть
В груди его будет гореть,
И взлета молящая совесть
Уже не сумеет взлететь.

* * *

Люди двойного гражданства,
Вечного Жида приятели,
Нет в вас огня постоянства,
Вы по натуре предатели.

Пыль по дороге метут,
И с ней уходит когорта
Граждан и там, и тут
Третьеразрядного сорта.

* * *

С. Козлову

Есть общее, дружище,
Что равно близко нам:
Родное пепелище
И Свято-Русский храм.

Открытость и душевность
С рожденья в нас живут.
Прекрасна повседневность,
Коль смыслом полон труд,

Коль радужной дорожкой
Общаются друзья,
Коль пьют не понарошку
Настойку бытия.

Не ведаем итога,
Но путь маячит нам:
Вселенская дорога
Во Свято-Русский храм.

МЫЗА

Край могучих холмов над Окой
Исходил я от верха до низа.
Каждой клеточкой связан с тобой,
Моя малая родина – Мыза.

Тут высоты пока не в чести,
Люди ближе к земле и природе.
И счастлив, кто сумел обрести
Уважение в местном народе.

Улиц ласковый колорит
И строенья минувшего века.
Ненавязчиво всё говорит
Про душевность труда человека.

Летом – поле, зимою – каток –
Украшения стадиона.
Здесь журчит ребятишек поток
Независимо от сезона.

Парк – созвучие светлых чувств
Со швейцарскими пейзажами:
Посильнее всяких искусств
Дружбе гимн и любви адажио!

Мыза, Мыза! Храни, неси
Память предков чрез поколения,
Как частицу Советской Руси,
Как нижегородцев творение.

* * *

Мой Керженец, привет, дружище,
Я вновь плыву в твоих волнах,
Любовь к родному пепелищу
Живет во мне не на словах.

Кусочек девственной России,
Протока мировых начал,
Мое родное место силы
И перед вечностью причал.

* * *

Мерно катится Волга-река,
Наблюдая людей поколения.
Город мой, возраст твой – не века,
Счет ведется на тысячелетия.

Ты – древнейший из городов,
И порукой тому Фемида,
Ты в короне семи холмов
Был столицей Атлантиды.

Волга шире была стократ,
Повзволнованней на просторе,
И взирал допотопный град
На великодержавное море.

А внутри него – райский сад,
Древо улиц и сеть каналов,
Схему их отмечает взгляд
У оврагов и древних валов.

Земляки, станьте в полный рост,
Прозревая времен течение,
Мой посыл до смешного прост:
Наших мест высоко значение!

Мерно катится Волга-река,
Знай и помни, мое поколение,
Наше прошлое – не века,
Счет ведется на тысячелетия...

* * *

Л. С.

Майское солнце утюжит без устали,
В бликах теряется Керженца край.
Знаю доподлинно, что здесь был исстари
Остров любви – человеческий рай.

Верьте – не верьте, но это желанное
Наше приютище, наш хуторок,
Самое ценное, самое главное,
Мира вселенского нежный глоток.

* * *

Берег Керженца. Молодцем дом,
Подбоченясь, глядит в два окошка.
Я люблю с ним остаться вдвоем
И о жизни подумать немножко.

Город – словно большой муравейник,
Человек в нем – простой муравей,
Пусть он даже великий затейник
На просторах квартиры своей.

Только домик в деревне – другое,
Это с миром космическим связь,
Что-то близкое, дорогое,
Как дороги проселочной вязь.

И, приветствуя звездные стаи,
Наблюдая их вечный парад,
Я душою туда улетаю
И с трудом возвращаюсь назад.

* * *

Когда я буду умирать,
Я вспомню керженский закат
И деревцев зеленых рать,
Что в зеркале воды лежат.

Моя земля, мой вечный дом,
Я в нем всецело растворен,
И будет колоколом в нем
Моей души последний стон.

Виктор Блинов

МОНОЛОГ СЫНА

Дома фото на стене –
Это память о войне:
Прадед мой через века
Улыбается слегка.

Молодой совсем, красивый,
Кладезь и ума, и силы,
Для меня важней всего –
Быть похожим на него!

В сорок первом том проклятом
Стал он Родины солдатом,
Чтобы мирно, веселó,
Жило русское село,

Чтобы колосилось поле,
Чтобы я учился в школе,
Чтоб под сводами добра
Подрастала детвора.

Я – Филипп Блинов от роду,
Чту семейную породу.
Предками гордись своими,
Прадеда ношу я имя!

Филипп Блинов

К 800-летию Нижнего Новгорода

Анатолий Абрашкин

О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРЯЯ

В преддверии юбилея города самое время вспомнить прошлое края: как он выглядел в незапамятные времена, какие народы и племена его населяли, каковы были их деяния. Погружаться совсем уж в древнейшие слои человеческой истории не отважимся, оставляя это для более смелых и информированных исследователей. Нашей точкой отсчета станет конец последнего оледенения, или эпоха мезолита – средний каменный век (X–VI тыс. до н.э.).

К числу памятников мезолитического века относятся стоянки у сел Старая Пустынь, Наумовка (Арзамасский район), в устье речки Велетьмы и у села Угольного (Навашинский район), на берегах рек Кусторки и Подборицы (Павловский район), на юго-восточной окраине города Володарска и в Балахнинской низине, по берегам рек Оки и Волги. Они датируются VII–VI тыс. до н.э. Более древняя стоянка в 2007 году была обнаружена на месте строительства Дома правительства в Нижегородском кремле. Мезолитический слой VIII тыс. до н.э. располагался на площади порядка 20 кв. м. В нем было найдено большое количество нуклесов – кусков камня, от которых отбивались или отжимались отщепы для изготовления вкладышей для костяных или деревянных орудий. Исследователи предположили, что здесь располагалась мастерская по изготовлению каменных наконечников стрел. Правда, сами наконечники оказались уже в более близких к нам по времени слоях, что подразумевает некие катастрофические обстоятельства. Ученые зафиксировали, что стоянка, существовавшая здесь 10 тысяч лет назад, потом подверглась запустению.

Историки удивило, что стоянка находится на одной из самых высоких точек местности. Ранее в районе Дмитровской башни был пруд, а территория Кремля изобиловала ручьями, которые стекали по оврагу в реку Почайну, а затем – в Волгу. В связи с этим исследователи предположили, что место стоянки соседствовало с одним из таких ручьев. Такое объяснение следует признать разумным, но еще остаются вопросы. Во-первых, хочется предположить, что, помимо мастерской, существовали также землянки, где жили обитатели стоянки со своими семьями. Эти жилища должны были бы тогда находиться ближе к реке, на более низких горизонтах. Надо полагать, что обитатели стоянки были рыболовами, и ловили рыбу они, надо думать, не в кремлевских ручьях, а в Волге. Почему же все-таки стоянка находилась не у самой реки? И еще надо понять причину запустения стоянки. Почему мезолитические слои перемешались с другими, более поздними по времени образованиями? Не является ли это следствием природного катаклизма?..

1. Евразийские потоки и археологические культуры

Каждый дачный сезон, приезжая в деревню, во множестве наблюдаю огромные камни и валуны. Есть аллея из камней, украшающая дорогу к дому, есть отдельные мегалиты, лежащие у перекрестка или непосредственно у калитки во двор, обозначая

начало хозяйских владений, есть и отдельные кучи камней, свезенные по преимуществу из близлежащих к полям оврагов. Эти груды камней предназначены для строительных нужд и выставлены на продажу. В собственном огороде нашел несколько таких гигантов, служивших фундаментом для некогда стоявших здесь домов. То, что они попали в наши края с ледником, знаю давно, но сам механизм этой “транспортровки” давно не давал мне покоя. Традиционная ледниковая теория учит, что ледник напознал на материк и тащил за собой вмержшие в него валуны и камни. Верить в такого тяни-толкая как-то нет никакого желания. А уж то, что ледник доходил до берегов Керженца, где стоит моя деревня, и возвышался стеной льда в 400–500 метров, всегда представлялось мне насилием над здравым смыслом. Такие камни мог принести стремительный поток, но не еле ползущая ледяная “гусеница”. К счастью, не так давно появилась теория, подтвердившая мои интуитивные предположения.

В 1999 году тиражом всего в 1000 экземпляров вышла книга Михаила Григорьевича Гросвальда “Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики”. Она осталась незамеченной специалистами и неизвестной широкому кругу читателей. Но ее научное значение огромно. Доктор геолого-минералогических наук Владимир Павлович Полеванов отмечает: “Теория Гросвальда убрала многочисленные геологические “нестыковки” в изучении последнего ледникового периода, объяснила, почему так широко распространена легенда о потопах. Я не сомневаюсь, что ее время еще впереди. Эта теория выходит далеко за рамки геологии. Она объясняет происхождение иранских солевых пустынь, резкие колебания уровня Каспия, тайну нахождения в одних захоронениях мамонтов и китов, откуда взялись Аральское море и озеро Балхаш, как возникли проливы Босфор и Дарданеллы...”

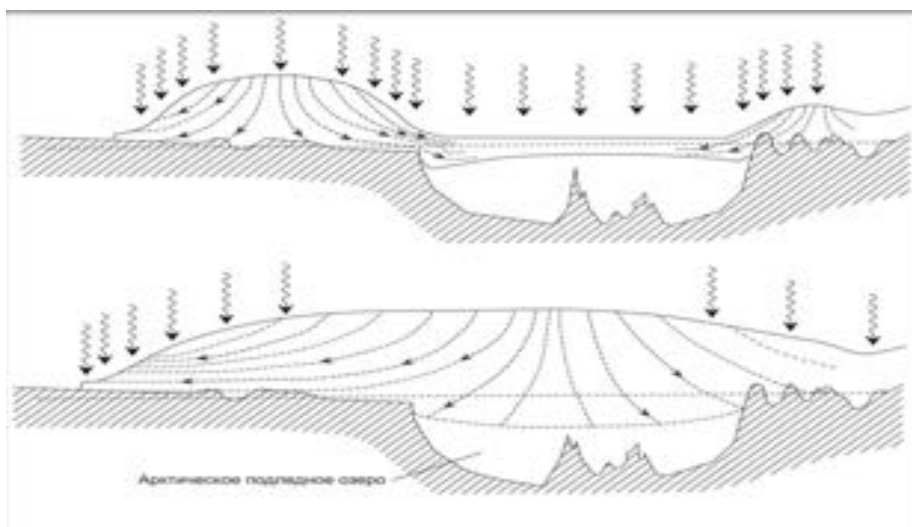

Рис. 1. Эволюция Панарктического ледяного покрова
Вверху – начало роста Центрально-Арктического шельфового ледника;
внизу – стадия сверхщита с вершиной у Северного полюса. Высота – 4–5 км

Суть этой теории в том, что во время существования континентального ледника на территорию Евразии обрушивались страшные потопа, когда воды Северного Ледовитого океана неслись с севера на юг, сметая всё на своем пути. Гросвальд называет шесть дат: 19,4; 18; 14,2; 11,5; 9,6; 7,6 тыс. лет назад. В.П. Полеванов, один из наиболее авторитетных экспертов в этой области, пишет: “Нельзя сказать, что о гидросферных катастрофах ничего не было известно и до открытия Гросвальда. И наши, и американские геологи изучили следы прорывов ледниково-подпрудных озер в горных районах

мира. Полигоном в России является Горный Алтай. Цифры, которые там были получены, впечатляли, особенно в сравнении с крупнейшими реками мира. Что значат жалкие цифры расхода воды 370 тыс. куб. м/с реки Амазонки по сравнению с 18 млн куб. м/с Чуйско-Курайского озера на Алтае или 17 млн куб. м/с озера Миссула в США! Российские ученые пришли к выводу, что минимум пять раз за последние 25 тыс. лет катастрофически осушались ледниково-подпрудные озера Горного Алтая. За день-два в предгорья вырывались объемы воды в 10–20 тыс. куб. м. Гидросферные катастрофы, установленные Гросвальдом, объяснили шесть катастрофических подъемов уровня Мирового океана за те же 25 тыс. лет! В зарубежной геологической литературе эти события так и были обозначены – catastrophic rising extent (CRE); во времена некоторых CRE уровень всего Мирового океана поднимался до 30 м... Воды горно-озерных катастроф явно не хватало (для объяснения потоков. – А. А.). Гросвальд со своей теорией подоспел очень вовремя. Необходимая вода для “апокалипсиса” нашлась. Такие гигантские запасы могли скопиться только в подпрудном Северном Ледовитом океане”.

Режим “подпрудного озера” в Ледовитом океане возникал в определенный момент ледникового периода, когда растущие год от года льды перекрывали на западе пролив Фрама (между Гренландией и Шпицбергенем), а на востоке – Берингов пролив (см. рис. 1). Льды препятствовали оттоку воды в соседние океаны, и, как результат, океан начинал “вспухать” единым Центрально-Арктическим ледником (он накрывает Северный полюс). За 2–3 тысячи лет ледник поднимался до высоты 800–1300 метров. Давление его на воду, находившуюся под ледяной “шапкой”, становилось огромным. В период потепления климата, когда континентальный ледник начинал подтаивать, вода вырывалась из-под него, образуя стремительно несущуюся “стену” потопа. На его конечной стадии, когда обрушивалась ледяная шапка-гора, поток представлял водно-ледяную “кашу”.

Рис. 2. Катастрофа. Прорыв Арктического подледного озера. Сброс миллионов кубометров воды и льда в Атлантический или Индийский океаны вследствие разрушения Панарктического ледникового покрова. Направления движения потоков указаны стрелками (ширина полос в масштабе)

Согласно Гросвальду, на протяжении 5–7 тысяч километров поток воды шириной до 1000 км и глубиной 200–500 м несся со скоростью 120 км/ч. Вместе с объемом

1–3 млн куб. км воды переносилось 2–5 млн куб. км льда (см. рис. 2). “Вздыбленная стена воды с миллионами кубометров льда рвалась в океан, разрушая всё на своем пути. Более того, при такой глубине и скорости потока возникает так называемое холодное кипение воды – кавитация. В бурлящем потоке пузырьки от высокого давления схлопываются, излучая ударную волну. Это явление многократно увеличивает и без того гигантскую разрушительную силу потока. Вода буквально приобретает свойства динамита. В минуты и часы прорезаются самые твердые горные породы, в дни образуются проливы – Босфор и Дарданеллы, мгновенно заполняются моря и озера – Черное, Аральское, Каспийское, Балхаш... Дальше вода уже хлещет через европейскую Россию и в зависимости от того, какой ледниковый щит коллапсировал первым, рвется к Атлантике. Это происходит либо северным путем между югом Балтийского моря и Альпами, либо южным – через Черное море, Босфор – Дарданеллы, не щадя Грецию, Турцию и соседние территории. При прорыве Карского ледника эти миллионы кубокилометров воды со льдом мчались на юг через Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Иран в Персидский залив и Аравийское море”, – писал В.П. Полеванов.

Гросвальдовские потоки, как пушинки, переносили камни и валуны, которыми усеяна Русская равнина. И не подходили к нашему городу ледяные горы высотой в сотни метров. Иногда и академики выступают в роли андерсенов, это не первый и не последний раз. Правда, пока они и их ученики еще возглавляют институты и кафедры, теория Гросвальда будет замалчиваться. Но, главное, мы получаем дополнительный ключ к пониманию перемен, которые происходили на территории Русской равнины. Как видно из рис. 2, через нее прокатывались три рукава потока. Уберечься от катаклизма можно было только на горах и отдельных возвышенностях. Но спасшимся еще нужно было выжить в новых условиях. Исследователи-историки, как правило, отслеживают изменение климата и связанных с этим условий обитания человека на данной территории. Фактор евразийских потоков не принимается ими в расчет. А он в финальной стадии палеолита и мезолите имел колоссальное значение.

На территории Владимирской области (стоянки Сунгирь, Русаниха, Карачарово) древние люди жили непрерывно с 28 по 20 тыс. до н.э. В 23,5–19 тыс. до н.э. зафиксированы их стоянки в южных и центральных областях России, а для периода 22–21 тыс. до н.э. в Липецкой, Курской, Тульской и Московской областях. Но затем в истории археологических культур на Русской равнине наступает пробел, который длится ни много ни мало четыре тысячелетия. Конечно, отчасти это связано с максимумом Валдайского оледенения и понижением средней температуры. Но ведь отсутствуют следы археологических культур того времени и в южных областях. В чем дело? Может, в первых двух гросвальдовских потоках, которые уничтожили эти следы, смыв верхние культурные слои вместе с их обитателями?

Но двинемся по временной шкале дальше, по направлению к нам. Приведем известные данные о стоянках верхнего палеолита в виде таблицы.

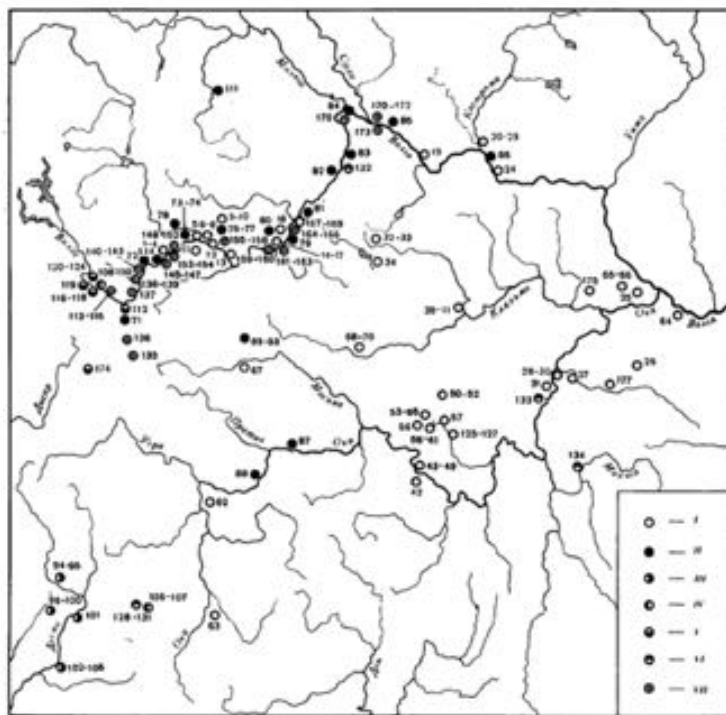
Таблица 1. Стоянки верхнего палеолита на Русской равнине

Название	Время	Местоположение
Быки 1, 5, 7	16 000–14 000 до н.э.	Левый берег реки Сейм, юг Русской равнины
Юдиново	14 000–13 000 до н.э.	Брянская область
Авсергово	14 000–13 000 до н.э.	Тверская область, правый берег реки Волги
Красная Горка 1	14 000–13 000 до н.э.	Тверская область, правый берег реки Волги
Красная Горка	14 000–13 000 до н.э.	Тверская область, правый берег реки Нерли
Поповка	14 000–13 000 до н.э.	Тверская область, левый берег реки Волги
Троицкое	14 000–13 000 до н.э.	Тверская область, правый берег реки Щербихи

Время существования этих стоянок укладывается в промежуток между вторым (18 тыс. лет назад) и третьим гросвальдовскими потопами (14,2 тыс. лет назад). Разумеется, приведенный перечень открытых стоянок — лишь малая часть всех из них, поскольку были и более поздние потопа, но общая тенденция расселения людей вполне ясна. Восстановившиеся после удара стихии люди с юга Русской равнины пришли в Волго-Окское междуречье и благополучно существовали здесь до прихода нового катаклизма.

В период между третьим и четвертым потопами (13 000–10 000 до н.э.) древние памятники зафиксированы лишь в центральных областях России и Московской области (рессетинская археологическая культура), а между четвертым и пятым (9500–7600 до н.э.) — еще одна (вторая) “черная дыра” в археологической истории Русской равнины. Нам не остается ничего другого, как предположить, что четвертый евразийский потоп был столь же разрушительным, как и первые два. Обсуждению этой темной “лакуны” нашего прошлого будет посвящен следующий раздел, а теперь вернемся к мезолитической стоянке на территории Нижегородского кремля.

Обратимся к карте “Мезолитические стоянки Волго-Окского междуречья” из книги “Мезолит СССР”. Поскольку книга написана в 1989 году, “кремлевской” стоянки на ней еще нет, и нам следует мысленно добавить у места слияния Оки и Волги на карте еще один кружок (обозначение памятников бутовской культуры — см. подпись к карте).

Мезолитические памятники Волго-Окского междуречья

I — памятники бутовской культуры: 1–4 — Бутово I, Кожеево II, Жидарово, Кулатино I; 5 — Дмитровское II; 6–8 — Калинин I–III; 9–10 — Пешалкино, Лукино I; 11 — Красново; 12 — Староностритавское III; 13 — Заборье II; 14–17 — Соболево I, III, V, VII; 18 — Тихоново; 19 — Устье (Ярославская обл.); 20–23 — Некрасово, Огарино, Кострома, Саметь; 24 — Гомонка; 25 — Горьшля; 26 — Пустьки; 27 — Новошье; 28–30 — Валетинская IX, Угловское I, III; 31 — Елки Бор (средний слой); 32–33 — Ивановское III, VII; 34 — Березинцево III; 35–41 — Мордовское I–VI, Алакиновское; 42 — Борки; 43–49 — Шувалки, II, Керостово I–V; 50–52 — Петрушино I, II, Макушино; 53–55 — Острова I, Белково III, Дуново I; 56 — Русаново I; 57–61 — Совка III, Задне Палево I, II, IV, VIII; 62 — Гремичье I; 63 — Жабыки; 64 — Безводнянские стоянки; 65–66 — Утрехтинские стоянки; 125–127 — Исток I, Борново I, Завод; 167–169 — Скитяно I–III; 67 — Устье (Московская обл.); 68–70 — Сауровские стоянки; 71 — памятники левинской культуры: 71 — Высокое VI; 72 — Журавки; 73–74 — Чудная гора I, Дмитровское I; 75–77 — Немцево II, Староностритавское IV, VI; 78 — Новельки II; 79 — Татоево I; 80 — Тихоново; 81 — Амсарово II; 82 — Алтыново; 83 — Боговадино; 84 — Коприно; 85 — Пельзос; 86 — Сальдо III; 87 — Бражки; 88 — Ла-

дыкин; 89–92 — Дальний Остров, Николаевская I, Троицкая стоянки; 111–112 — Усть-Коза I, II; 144 — Тихоминцево II; 111 — памятники типа Песочного Рва: 94–95 — Черастово I, II; 96–100 — Комжигино 2А, 2Б, 2В, 3, 4; 101 — устье р. Рязни IV; 102–105 — Желево I–III, Железная протока; 114 — памятники рессетинской культуры: 106–107 — Ресета 2, 3; 108–110 — Сукошино 2, 3, 9; V — памятники верхневолжского мезолита: 112 — Высокино II; 113–115 — Хрипалево I, II, Сукошино VII; 116–118 — Усть-Тудовка I, IV, IX; 119 — Дорки III; 120–124 — Фалатово V, VI, Петришино VII, IX, XI; 174 — Настыльино; VI — памятники с лесной культурой принадлежности: 128–131 — Красная I, III, VIII, X; 132 — Золоторучье III; 133 — Елки Бор (нижний слой); 134 — Пуресово III, V, VII; VII — памятники с гравийной культурой принадлежности: 135 — Копыльино; 136 — Остапово; 137 — Подол II; 138–139 — Чуриуново I, II; 140–143 — Гольшино I, II, IV, V; 145–147 — Валуйки II, Ивакиши III, Лопатино III; 148–152 — Бутово II, IV, Нестерово I, II, Кожеево I; 153–154 — Яхшино I, II; 155–158 — Староностритавская I, II, V, Судлимира II; 159–160 — Пенуново I, II; 161–163 — Приволо III–V; 164–166 — Сухова, Савелово I, Новосельская I; 167–169 — Фуралево, Городища I, II; 170 — Задлады; 171–172 — Фал лесо I, II; 173 — Фомкинское

Рис. 3. Мезолитические памятники и их культурная принадлежность

Принадлежность стоянки к бутовской археологической культуре (7500–5500 гг. до н.э.) объясняется как ее датировкой, так и наличием однотипных памятников по соседству (их номера 27–31, 64–66, 133, 175, 177). Время существования бутовской культуры в точности приходится на промежуток между двумя последними grosvalдовскими потопами. Это обстоятельство уже не должно удивлять читателя. Выше приведено достаточное число указаний на исключительно важную роль евразийских потоков на жизнь (и смерть) обитателей Русской равнины. Впрочем, теория Гросвальда пока еще не овладела массами. Приведем в качестве дополнительного аргумента датировки ряда мезолитических стоянок бутовской культуры в Волго-Клязьминском междуречье (из автореферата кандидатской диссертации В.А. Аверина “Мезолит Волго-Клязьминского междуречья”, Институт археологии РАН, 2008).

Таблица 2. Датировка мезолитических стоянок в Волго-Клязьминском междуречье

Стоянка	Время существования, лет назад
Ивановское 7	9700–9600
Сахтыш 14	9550–9320
Становое 4	9300–8900
Сахтыш 9	9200–9000
Сахтыш 14 (третий культурный слой)	9010–8800
Малая Ламна 3	8710–8890
Нушполы 11 (нижний культурный слой)	8600–8480
Становое 4 (культурный слой III)	8700–8500
Ивановское 7 (шлейф III)	8700–8500
Сахтыш 14 (культурный слой II)	8310–8240
Сахтыш 2а (культурный слой IIIб)	8110–8010
Замостье 2 (нижний слой)	7900–7800
Окаемово 5	7900–7700
Берендеево 3	7870–7670
Подстилающий стоянку торф	8900–8700
Ивановское 3	7480–7310
Замостье 2	7400–7300
Окаемово 4	7540–7440
Ивановское 7 (культурный слой IIа)	7530–7320
Сахтыш 2а (культурный слой IIIа)	7430–7350
Нушполы 11 (культурный слой III)	7350–7270
Окаемово 18а	7470–7370 или 7110–7010
Сахтыш 14 (культурный слой Iб)	7260–7180

К периоду 8000–7000 лет назад относят целый ряд памятников, не имеющих радиоуглеродных датировок: стоянка Становое 4 (III культурный слой), стоянки Утрех 3 и 5, Боровское 3 и 18. Многие из приведенных в таблице стоянок исследовались в последние десятилетия. Как и нижегородская стоянка в Кремле, они не присутствуют на вышеприведенной карте. Табл. 2, таким образом, в значительной степени дополняет данную карту и доказывает, что бутовская культура на территории Волго-Клязьминского междуречья непрерывно существовала в промежуток между пятым и шестым grosvalдовскими потопами. Судя по отдельным датировкам (восемь нижних строк), бутовцы на отдельных стоянках пережили потоп, произошедший 7600 лет назад, и возобновили хозяйственную деятельность на прежних местах.

Наряду с бутовскими стоянками (карта на рис. 3) на берегах Волги и Оки локализуются также стоянки пришлой с запада иеневской культуры (вторая половина VII тыс. до н.э.). Интересно отметить также наличие памятников более древней рессетинской культуры (номера 108–110), памятников с невыясненной культурной принадлежностью и памятников верхневолжской культуры. Верхневолжская археологическая культура (сер. VI до н.э. – IV тыс. до н.э.) сформировалась на Верхней и Средней Волге на основе бутовской культуры. Ее оформление происходило уже после последнего гросвальдовского потопа в 5600 г. до н.э.

Таким образом, в Волго-Окском междуречье наблюдается преемственность трех культур: рессетинской, бутовской и верхневолжской. Каждая их смена совпадает по времени с одним из евразийских потопов (в данном случае пятым и шестым). Возобновление культур каждый раз было связано с притоком населения из мест, наименее пострадавших от потопа (или вовсе им не затронутых). Новые поселенцы могли приносить с собой и новые навыки хозяйства и производства, как в случае с иеневцами. Но факт родства сменявших друг друга культур и их существование на одной и той же территории доказывают и антропологическую однородность их представителей.

Бутовская стоянка в Нижегородском кремле погибла в результате евразийского потопа приблизительно 7600 лет назад. Смещение слоев разных археологических культур, надо полагать, связано именно с этим катаклизмом. Верхняя часть Нижнего Новгорода до сих пор включает множество оврагов, но в прежние времена их было значительно больше. После потопа все они были заполнены водой, и территория верхнего города представляла собой край мелких речушек и озер. Видимо, это обстоятельство и стало причиной запустения древнейшей (на данный момент) стоянки в Нижегородской области. Неолитические стоянки верхневолжской археологической культуры возникали в более удобных для проживания местах – в Балахнинской низине и Поочье, а в истории нынешней столицы Волго-Окского междуречья наступила пауза.

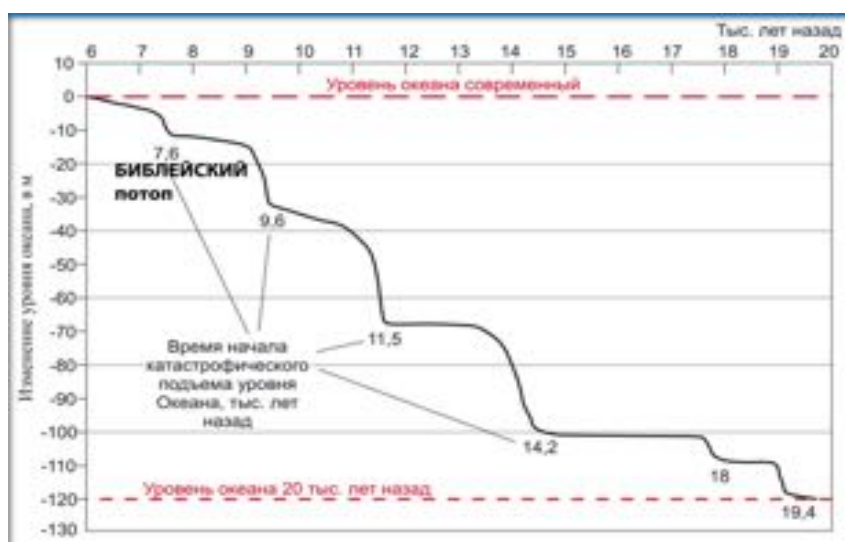

Рис. 4. Подъем уровня Мирового океана после шести гидросферных катастроф

Мы привыкли думать сегодняшними реалиями, но гидрологическая ситуация в бассейнах рек на протяжении тысячелетий менялась. Особенно это касается начальных и заключительных фаз ледниковых периодов, когда шло образование или разрушение ледяного покрова планеты. На рис. 4 показано изменение уровня Мирового океана в финальной стадии последнего оледенения. Каждый скачок уровня был связан

с определенным евразийским потопом. Потопы 14,2 и 11,5 тыс. лет назад приводили к повышению уровня соответственно на 30 и 35 метров. Очевидно, они были более мощными катаклизмами, чем остальные потоны, происходившие раньше и позже. Помимо переноса воды и льда, потоны, разрушая ледяной континентальный щит и промывая новые русла для потоков, формировали систему циркуляции поверхностных вод. Так, при последней трансгрессии Каспийского моря 15–10 тыс. лет назад воды моря поднимались по долине Волги до устья Камы (их максимальный уровень был 50 метров). Самара находится ниже устья Камы, и, значит, уровень вод там доходил до 50 метров. Но в настоящее время уровень реки в Самаре всего 28 метров (на 22 метра меньше). К Самаре Волга течет сверху, и ее уровень в Нижнем Новгороде составляет сегодня 62 метра. Если предположить, что на отрезке Нижний Новгород – Самара нынешнее течение примерно такое же, каким оно было 15–10 тыс. лет назад, то высота Волги у Нижнего Новгорода должна была бы равняться 84 м (62+22) метрам. Очевидно, что в этой своей части Волга уже превращалась в море (достаточно сказать, что уровень Горьковского водохранилища сегодня на два метра меньше).

Конечно, наша оценка очень грубая, но из нее с неотвратимостью следует, что вблизи Нижнего Новгорода существовала огромная пресноводная акватория. Впервые на ее существование указал Дмитрий Квашнин в 2012 году, который обрисовал контуры водоема и предложил называть его Русским морем. Квашнин определил и сумел обосновать абсолютный уровень существовавшего водоема. Исходный посыл исследователя был предельно прост: почему многие поселения Нижегородского края поставлены не на самом берегу Волги или другой реки, а несколько выше? Изрядно поколесив по родной отчине и досконально изучив особенности ее рельефа, Квашнин обнаружил удивительную закономерность: поселения основывались на высотах, превышающих абсолютный уровень 85–90 метров (в полном согласии с нашей оценкой). Изучение данных других областей подтверждало это наблюдение. На этом основании исследователь сделал вывод, что максимально стабильный подъем вод соответствовал 85–90 метрам над уровнем океана. Кстати, неолитические стоянки в Балахнинской низине (VI–V тыс. до н.э.) имеют высоты более 86–88 метров, что доказывает факт существования Русского моря в то время.

Теперь самое время вновь вспомнить о стоянке в Кремле. Ее абсолютная высота более 150 метров. Но давайте представим уровень, на котором Волга подходила к берегу во времена мезолита. Вся Нижневолжская набережная была затоплена, вода подходила к самой низко расположенной башне Кремля – Зачатьевской (86 метров). Что же получается? Кремлевская мезолитическая стоянка находилась на вершине крутой прибрежной горы. Устраивать стоянку на склоне было и небезопасно (из-за наличия грунтовых вод и связанных с ними оползней), и неудобно для передвижений. Вот и вся разгадка. Рельеф местности и высоко стоящая в водоеме вода предопределяли оптимальное положение стоянки.

2. Откуда есть пошли нижегородцы?

«Вы узнаете и осознаете, что именно отсюда, с берегов Дона, началось заселение Европы, что здесь, на этой земле, находится колыбель европейской, цивилизации. Откуда бы вы ни пришли, знайте – ваши корни тут».

Надпись на стенде у входа в Государственный археологический музей-заповедник “Костёнки”

Палеоантропологи в большинстве своем определяют бутовцев и верхневолжцев как европеоидов. Если перевести это определение на понятный всем язык, то бутовцы принадлежали к белой расе. Ни к монголоидной (желтой), ни к малайской (коричне-

вой), ни к негроидной (черной), ни к американоидной (красной), а к белой. Предупреждая улыбку читателя относительно столь очевидного заключения, укажем, что существует широко известная и растиражированная в разных изданиях реконструкция черепа верхневолжца с ярко выраженными монголоидными чертами (ее легко найти в Интернете). Она, признаемся, шокирует и сшибает с толку. Отчего после этого не поверить, что прародина человека – Африка, что пигментация вторична и что цветной человек может эволюционировать в белого? Но это мы уже проходили. Это ошибка из той же серии, что и у Блока про скифов “с раскосыми глазами”. Нет, слава богу, и скифы, и бутовцы с верхневолжцами монголоидами не были.

Но на каком языке разговаривали первые нижегородцы? Были они индоевропейцами или угро-финнами? В силу полного отсутствия каких-либо письменных источников главное слово тут за палеоантропологами. Восстановленные черепа разных культур сравниваются и классифицируются. В Волго-Окском междуречье наряду с черепами безусловных европеоидов были также обнаружены и черепа с уплощенной верхней частью (лапоноидный тип). Носителей данного антропологического типа соотносят с льяловской археологической культурой, пришедшей с Валдайской возвышенности. Лапоноидные черты носителей этой культуры поначалу и толковали как “смягченно монголоидные”. Но в настоящее время льяловцев принято причислять к угро-финскому миру.

Вот здесь в рассмотрение следует включить один важнейший фактор, который не учитывался антропологами, они о нем просто не знали. Это потоп! “Островками” выживания были горы и возвышенности, центры притяжения самых разных этнических групп. Валдайская возвышенность была одним из таких центров. Как в русской сказке о теремке, на ней спасались и угро-финны, и индоевропейцы. Безусловно, их контакты привели к смешению (подчеркнем, вынужденному, поскольку в первые послепотопные века территория для обитания была крайне ограниченной) и появлению лапоноидных черт у валдайцев-льяловцев. Но, во-первых, влияние этого фенотипического признака на верхневолжцев было незначительным. Не случайно ДНК-исследования не подтверждают столь раннего присутствия здесь угро-финнов. Во-вторых, говорить о каком-либо угро-финском влиянии на индоевропейцев в неолите и опрометчиво, и бессодержательно. Угро-финские племена появились в Волго-Окском междуречье лишь в I тыс. до н.э. Что же касается более ранних времен, то все догадки об их доминировании основаны только на одном священном для академических историков постулате об отсутствии здесь индоевропейцев в мезолите.

Обратимся к карело-финскому эпосу “Калевала”. Его главный герой – Вяйнемейнен, или, по-нашему, Ваня-муж. Вяйнемейнен – прародитель людей Лапландии (северного края, включающего часть Кольского полуострова и север Финляндии, Швеции и Норвегии). Когда один из более юных богатырей Еукахайнен – “тощий молодой лапландец”, “юноша дрянной лапландский” – попробовал оспорить право старшинства у Вяйнемейнена, тот ему резко возразил:

*Лжешь ты выше всякой меры!
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глубли
И как рыбам ямы рыли,
Дно у моря опускали,
Простирали вишь озера,
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы.*

Вяйнемейнен – создатель мира, он “построил свод небесный”, “вширь Медведицу раздвинул и рассыпал звезды в небе”, и никаких еукахайненов во времена творения в Лапландии не видел. Вяйнемейнен, тем самым, олицетворяет русских первопоселенцев в этих краях. Еукахайнен же представляет племя финнов, пришедшее на эти земли позже. Эпос создавался самими финнами, и заподозрить их в предвзятости никак нельзя. Ну и, наконец, появились финны на Русском Севере уж никак не раньше рубежа I тыс. до н.э. – времени, о котором, как считается, повествует “Калевала”. (На основании ДНК-исследований А.А. Клёсов предлагает датировать это событие I тыс. н.э.)

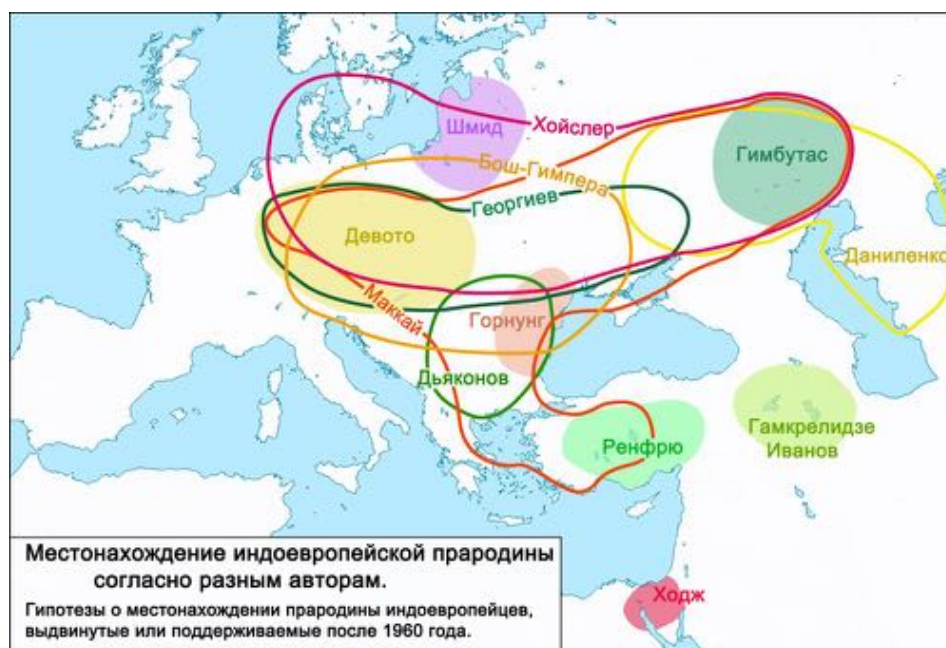

Рис. 5. Локализация прародины индоевропейцев разными авторами

Итак, у нас есть основания нарушить табу академических историков и рассмотреть вопрос об индоевропейском происхождении бутовцев, предшественников верхневолжцев. Правда, следует держать в уме еще вариант, что бутовцы и верхневолжцы могли быть (гипотетическим) неиндоевропейским народом, покоренным индоевропейцами. Такое тоже могло быть. Но это тем более обращает нас к истории индоевропейцев.

Семья индоевропейских языков включает индоарийские (индийские), иранские, славянские, германские, романские, балтские, армянский, албанский, греческий, кельтские, итальянские, тохарские (существуют на территории Китая), фракийский, фригийский, иллирийский, венецкий и анатолийские (хеттский, лувийский, ликийский языки). Все они восходят к одному общему праязыку, или, по-другому: некогда индоевропейцы, т.е. люди, разговаривающие на индоевропейских языках, составляли единый пранарод, который со временем “расслоился” на различные племена и народности. Его носители проживали и проживают в самых разных странах: Индии, Иране, Малой Азии, Европе и даже Китае. В связи с этим у исследователей вполне закономерно возник вопрос о конкретном месте расположения прародины индоевропейцев – области их изначального проживания, откуда они начали движение по планете. Ученые высказывали самые разные гипотезы по этому поводу. Пространственно прародину размещали от Северного полюса до Южного и от Атлантического океана до Тихого, а хронологически датировали, начиная с 100 000 г. до н.э. и до 1600 г. до н.э., приблизительного времени распространения боевых колесниц из Малой Азии.

В этом смысле проблема индоевропейской прародины схожа с поисками Атлантиды. Единственное ее отличие заключается лишь в том, что все без исключения исследователи убеждены в ее существовании.

Таблица 3. Основные гипотезы расположения индоевропейской прародины

№	Название гипотезы	Время возникновения	Предшествующий потоп (дата)
1.	Балтийско-причерноморская (+ прикаспийская)	Мезолит, IX тыс. до н.э.	Мезолитический (9,5 тыс. до н.э.)
2.	Анатолийская (Малоазийская)	7000–6000 гг. до н.э.	1-й Неолитический (7,6 тыс. до н.э.)
3.	Балканская	5000 г. до н.э.	2-й неолитический (5,6 тыс. до н.э.)
4.	Причерноморско-прикаспийская	4500 г. до н.э.	2-й неолитический (5,6 тыс. до н.э.)

На рис. 5 указаны ареалы вероятной прародины, предложенные разными исследователями после 1960 года. Обилие точек зрения впечатляет. Впрочем, “все они могут быть сведены к четырем основным моделям” (Дж.П. Мэллори. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 61–82). В табл. 3 эти гипотезы приводятся в хронологическом порядке.

На родство индоевропейских языков ученые указывали еще в середине XVIII века (в их числе был и Михаил Васильевич Ломоносов). Особым потрясением для лингвистов стало осознание связи индоевропейских языков с санскритом. Отдавая ему приоритет в древности, Ф. фон Шлегель в 1806 году первым отчетливо сформулировал идею единой (индийской) прародины индоевропейцев. Эта концепция оставалась доминирующей в научной среде вплоть до конца XIX века. Достаточно сказать, что знаменитый музыкальный критик Стасов, опираясь на нее, доказывал, будто бы русские былины целиком заимствованы с Востока и не прибавили ничего самостоятельного к иноземной своей основе, а потому не должны рассматриваться как оригинальные источники древности нашего народа. Теория Стасова вызвала массу возражений со стороны отечественных ученых, но показателен сам факт ее возникновения. Он отражает сложившуюся в XVIII–XIX вв. и поддерживаемую в Новейшее время тенденцию наших исследователей излишне полагаться на мнение зарубежных коллег и преуменьшать роль и значение наших корневых начал.

К счастью, открытия сравнительного языкознания потребовали решительного пересмотра иерархии древних языков. Как результат, санскрит перестал рассматриваться в качестве праязыка, а доказательство большей архаичности литовского языка XIX века по сравнению с санскритом, зафиксированным письменной традицией в I тыс. до н.э., указало на Европу как более подходящий, чем Азия, регион для локализации там прародины индоевропейцев. Спор между европейскими и азиатскими адресами прародины продолжился в XX веке. Теперь к нему активно подключились археологи и историки, которые предложили варианты соотнесения носителей индоевропейского языка с определенными археологическими культурами. Но это, к сожалению, не помогло решению вопроса. Сегодня на дворе XXI век, а спор еще далеко не закончен. Более того, имеющийся список гипотез в табл. 3 не вызывает ничего, кроме глубокого уныния. Дж.П. Мэллори, подробно проанализировав все плюсы и минусы этих теорий, так заключает свою статью: “Раннеиндоевропейский мир включал различные субреги-

оны, разбросанные в пространстве от Прибалтики до Анатолии, а на востоке захватывающие степные районы; во времени он помещался между тем, что обозначается как индоевропейская общность, и появлением основных групп индоевропейских языков. **Возможность объединения этих разрозненных географических элементов в единую “теорию поля”, похоже, так же далека от индоевропейцев, как и построение сходной теории в физике”** (выделено авт. – А. А.).

Сопоставление кризисных ситуаций в истории индоевропейцев и теоретической физике представляется крайне примечательным. И там, и тут мы имеем дело с более чем вековым застоём. Правда, слабое место современного естествознания очевидно. Когда физики вслед за Эйнштейном осознали, что распространение света можно описывать без эфира (то есть субстанции, переносящей колебания), они решили “избавиться” от него. Жертва казалась разумной: на вычисления это никак не влияло. Оставались, однако, элементы серьёзного непонимания. В частности, занозой в сердце сидел вопрос: если свет распространяется в пустоте, что же все-таки поддерживает в ней колебания электрического и магнитного полей? Ни один физик до сих пор не может на него ответить, а следовательно, и объяснить природу этих полей. Попробуйте спросить у профессионального физика, что такое электрический заряд или как устроен электрон, и вы доведете его до крайнего градуса раздражения. Но это, как говорится, цветочки. Другой совершенно неразгаданной тайной природы является сила гравитации. Она также действует в пустоте, и тысячи физиков-теоретиков пытаются разгадать механизм ее действия. Конечно, методологически наука устроена так совершенно, что ученые непременно придумают устраивающую всех теоретическую конструкцию. Но она, если двигаться нынешним курсом, будет чудовищно сложной и уродливой – каким-нибудь микроколебанием в многомерном пространстве. Сегодня “корни” гравитации ищут в пространстве из 11 измерений, но, очень может быть, что и это число измерений для теоретиков не предел. Современная физика больна геометрией, она сбилась с более простого и естественного пути, когда пространство считалось трехмерным, а электромагнитное и гравитационное поля пытались определять через свойства заполняющего его эфира или, как его сегодня стали называть, вакуума. Отсутствие ясных представлений о его субстанциональной природе – главное препятствие на пути создания единой теории. Казалось бы, что может быть проще устройства пустоты? Но именно этот вопрос стал постоянной головной болью для современных физиков.

А что же с теорией прародины европейцев? Нет ли в ней своей “пустоты”, или, по-другому, некоторой области, изучение которой игнорируют современные историки? Археологи не нашли в центре Русской равнины достаточного количества памятников, чтобы включить эту территорию в число возможных прародин индоевропейцев. Ни одна из четырех основных гипотез не рассматривает ее даже хотя бы как малую, но существенную составляющую. Самые русские области оказались вне поля зрения историков. Они и составляют тот археологический “вакуум”, на который историки не обращают внимания. А ведь уже в “индоевропейское” время по этим землям прокатились три евразийских потопа: 11,5 тыс. лет назад, 9,6 тыс. лет назад и 7,6 тыс. лет назад (в табл. 3 они названы мезолитическим и первым и вторым неолитическими соответственно). Потопы смывали культурные слои, уничтожая следы проживавших тут народов. Люди, чудом спасшиеся от разгула стихии, принимались восстанавливать на этих землях хозяйство. Они заново обустроивали эти места и создавали культуры, которые со временем вновь выходили на уровень своего времени, то есть не уступали в хозяйственных и военных навыках племенам, избежавшим катаклизмов или в меньшей степени ими затронутым. Фактор евразийских потоков коренным образом меняет ситуацию с проблемой индоевропейской прародины. Учет потоков позволяет объяс-

нить как рассеянность индоевропейских “островков” на просторах Евразии, так и время возникновения цивилизационных “всплесков” на них. В поисках индоевропейской прародины поначалу солировали филологи, потом к ним присоединились археологи. Теперь наступает новый этап изучения проблемы, когда свое слово должны сказать естествоиспытатели. Не так давно в поиски прародины активно включились биологи, определяющие движение групп населения с определенными маркерами ДНК, но и они “забуксовали” и не обозначили путь выхода из тупика. Причина все та же – игнорирование роли евразийских потоков.

Обратимся к табл. 3. Самая ранняя по времени возникновения – балтийско-причерноморская (+каспийская) гипотеза. Уже ее название разваливает мозг на части. Территория прародины должна быть ограниченной, локализованной в достаточно умеренных границах. А тут Прибалтика – с одной стороны и Причерноморье-Прикаспье – с другой. Какая-то несуразица! Но эти две территории как раз и прорезал, как нож маслом, евразийский мезолитический потоп. Обе территории находились на его периферии (см. рис. 2), здесь и возродились в первую очередь цивилизации. Они стали расходиться и вширь, и вдаль. Ученые отмечают влияние на бутовцев их западных соседей – носителей свидерской археологической культуры (свидерцев), индоевропейцев, согласно рассматриваемой гипотезе. Они не конфликтовали, взаимодействуя и сотрудничая. Самое разумное предположить, что это были ветви одного и того же народа, которые разделил потоп. То же самое относится и к иеневцам, пришедшим в Волго-Окское междуречье с запада. Их стоянки соседствуют с бутовскими поселениями, и нет никаких причин считать их инородными и иноязычными племенами. Это всё один народ, попавший под “колесницу” потопа.

Гипотеза номер 2 – азиатская. Историки отмечают расцвет индоевропейской культуры в самом центре Малой Азии. Теперь это локальная область, вполне претендующая на роль прародины. Но ее золотое время следует за первым неолитическим потопом, а сама она находится на возвышенном месте, в меньшей степени подверженном разрушительному действию потопа. На других территориях он поработал основательней, как, кстати, и на Балканах, которые выступают конкурирующим центром индоевропейского влияния. И опять возникает проблема двойственности центра, а линией, разделяющей их, выступает линия распространения потопа.

Третья и четвертая (близкие по времени) гипотезы – это снова противостояние двух территорий, расположенных по разные стороны от траектории очередного (второго неолитического) потопа. И линия их деления, как ни крути, приходится на Русскую равнину.

Согласно балтийско-причерноморской гипотезе историю индоевропейцев следует отсчитывать с конца X тыс. до н.э. Но началась она раньше. Об этом однозначно свидетельствует наличие двух ветвей индоевропейцев в IX–VIII тыс. до н.э. – в Европе и в Причерноморье. С какого времени следует вести отсчет? Первое и вполне естественное желание, диктуемое в том числе эпиграфом к данной главе, – это совместить его с датой появления *Homo sapiens*, первых кроманьонцев-европейцев, то есть 45 тысяч лет назад. Но это будет неправильно. Евразийские потоки раз за разом обрушивались на население Евразии. Нет никаких оснований утверждать, что после каждого из шести (гросвальдовских) потоков возрождалось (или воссоздавалось) поколение, которое полностью наследовало генетические и культурные признаки предшествующего. Следует держать в уме также существование “черных дыр” археологической истории. Палеоантропологи датируют время возникновения человека современного типа XIII тыс. до н.э. (Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории). Мы полагаем, что это были жители Русской равнины, пережившие гросвальдовский потоп в 12,2 тыс. до н.э. Это время следует назвать датой начала истории индоевропейцев.

Как видно из рис. 2, в центре Русской равнины существовала область, которую потопа не накрывали. Как раз там и проживали рессетинцы, которые стали родоначальниками индоевропейцев. Бутовцы и верхневолжцы были их потомками и тоже говорили на общем для всех европейцев праязыке. Так что во времена первых нижегородцев господствовало смешенье “французского с нижегородским”, но это еще не было признаком дурного образования.

Рессетинская культура демонстрирует глубокую связь с палеолитическими памятниками Русской равнины. Она наследует традиции памятников типа Гагарино на левобережье верхнего Дона (Липецкая область, 23 000–21 000 лет назад) и Хотылёво 2 на высоком мысу Десны (в 25 км от Брянска, 26 000–23 000 лет назад). Это выделяет ее из всех следующих за ней мезолитических культур, которые значительно уступали ей по уровню развития. Причина гибели рессетинской культуры – потоп, произошедший в 9,5 тыс. до н.э. Из всех евразийских потопа он вызвал самый большой скачок уровня Мирового океана, что указано на рис. 4, и потому его следует признать самым разрушительным. Именно он уничтожил популяцию мамонтов в Евразии. До этого катаклизма на равнинах Северной Сибири обитало огромное количество носорогов, антилоп, лошадей, бизонов и других растительноядных существ, на которых охотились различные хищники, включая саблезубого тигра. Подобно мамонтам, эти животные бродили по Сибири вплоть до берегов Северного Ледовитого океана. По описаниям исследователей, открывших Новосибирские острова, они почти целиком состоят из костей и бивней мамонтов. Животные погибли внезапно и в большом количестве. Проглоченная ими растительность так и осталась непереваренной. Для ученых долгое время оставалась загадкой причина их гибели, но теперь ясно, что мамонтов погубил потоп. В Сибири, благодаря вечной мерзлоте, остались следы его губительного действия, но на Русской равнине, думается, он неистовствовал ничуть не меньше.

Рис. 6. Дом из костей и шкур мамонта

В описании находок на палеолитических стоянках Русской равнины изделия из костей мамонта стоят, безусловно, на первом месте. Из них делались и украшения, и оружие, и даже дома. Самые крупные кости этих животных использовались для фун-

дамента. Более мелкие кости искусно располагали над ними, они и составляли верхнюю часть стен. Крыша жилища состояла из бивней, на которые натягивали шкуру монтажа. В середине помещения, в полу, делали углубление для очага. Такие жилища выигрышно смотрятся даже на фоне неолитических землянок. Потоп 9,5 тыс. до н.э. разрушил цивилизацию первых индоевропейцев, но уцелевшие ее “осколки” дали начало разным индоевропейским племенам и народам. В послепотопное время они оказались разбросанными по разным частям Европы и развивались уже в значительной степени самостоятельно. Историки достаточно надежно локализуют местоположение этих “островков” (см. табл. 3). Раскол индоевропейцев был вынужденным. Историки не учитывали фактор потопы при поисках прародины индоевропейцев. Отсюда и все их неудачи в построении единой теории.

Даже при наличии шести разрушительных потопов на территории Русской равнины сохранились мезолитические памятники, свидетельствующие о существовании здесь цивилизации, не имеющей аналогов. Так, селение Мишенское (основано ранее X тыс. до н.э.) по общей площади (12,8 га) близко Чатал-Хююку – знаменитому малоазиатскому городу VII–VI тыс. до н.э. Серия мезолитических городищ Тульской области (X–V тыс. до н.э.) – Карташово, Сестринский хрящ, Мещерино, Андриюшково, Алексин, Слободка 2, Кобяково 1, Кикина протока 1, Воронеж и другие – имеют размер занимаемой площади от одного до четырех гектаров и практически не уступают по площади ближневосточному городу VIII тыс. до н.э. Иерихону (2,5 га) и городу IV тыс. до н.э. Библу (4 га). Селение Упа-4 (Тула), относящееся к иеневской культуре VI тыс. до н.э., занимало 1,3 га. Если Библи и Иерихон называют городами, то отчего же не считать таковыми и северные поселения такой же площади? А.А. Тюняев в книге “История мировой цивилизации” (выставлена в Интернете) специально оговаривает, что приведенная выборка охватывает только одну из российских областей, и число известных мезолитических городищ на территории Русской равнины заведомо больше. Всё это со всей очевидностью указывает, что центральные области России – прародина индоевропейцев.

3. Столица Атлантиды в Нижнем

«Нашим городом в древности были свершены великие и достойные удивления дела, которые были потом забыты по причине бега времени и гибели людей».

Платон

Почему настал черед вспомнить о таинственной Атлантиде? Всё очень просто. Время ее гибели в точности совпадает с датой евразийского потопы, прокатившегося по Земле в 9,5 тыс. до н.э. В случайность такого совпадения поверить трудно, поэтому у нас есть все основания обратиться к тексту Платона (428–348 гг. до н.э.). Его диалоги – единственный источник, повествующий об Атлантиде. В связи с этим широко распространено мнение, что платоновская история не более чем выдумка, сказочка для взрослых. Но говорят так, как правило, те, кто в сами диалоги не заглядывал. А там приводится так много конкретных сведений, что трудно поверить, будто они взяты из головы. Скажем так, об Атлантиде известно даже больше, чем в свое время Генрих Шлиман знал о Трое, но ведь он нашел знаменитый город.

В 2018 году в Нижнем Новгороде вышла книга автора “Атлантида и Нижегородская отчина”. Позже она стала частью более объемного издания под названием “Русская Атлантида и первые индоевропейцы” (М.: Книжный мир, 2020).

В этих книгах доказывается, что Атлантида располагалась в самом центре Русской равнины. Как и писал Платон, это был остров, окруженный водой. На юге его подпирали Черно-Каспийское море – водоем, объединявший три разных сегодня моря: Черное, Азовское и Каспийское, а на севере Русское море, которое образовалось в бассейне Волги в результате подъема уровня ее вод. Эти моря соединяли на западе Дон, а на востоке Волга. Таким образом, контуры острова ограничивались двумя морями и бассейнами двух великих рек. Атлантида лежала между горами Среднерусской и Приволжской возвышенностей. И те и другие тянулись до самого моря, Черно-Каспийского в данном случае. Размеры Атлантиды точно такие, как у Платона, в ней водилось множество слонов (так философ назвал мамонтов), и погибла она в результате сокрушительного потопа в обозначенное великим греком время. Всё сходится, но самое удивительное для меня как коренного нижегородца было не в этом.

Платон дал подробное описание столицы Атлантиды. Ее оригинальной чертой было наличие в городе трех концентрических круговых водных колец и канала, соединяющего внешнее кольцо с морем. Схема дополнялась указанием расстояний между кольцами и длины канала. В общем, Платон описал красивую геометрическую картинку, создать которую на местности и поддерживать надлежащим образом, казалось бы, не было никакой возможности. Ну, а если допустить, что сама природа создала основу для такого хитрого внутригородского водоема, а люди только благоустроили его?

Верхняя часть Нижнего Новгорода содержит множество оврагов. Его обустройство, начиная со Средних веков, состояло в их планомерной засыпке. Но вместе с Волгой, Окой и внутригородскими реками, “запрятыми” сегодня в трубы, водная акватория города представляла крайне необычное зрелище. Напомним, что уровень рек в X тыс. до н.э. был, как минимум, на 20 метров выше. Принимая во внимание, что Почаинский овраг неоднократно засыпали, можно уверенно утверждать: вода Волги затекала в него, образуя первое водное кольцо вокруг Часовой горы, на которой стоит Кремль. Минувя Лыкову Дамбу, оно выходило на улицу Пискунова и, проходя вдоль средневекового рва, упиралось в Верхневолжскую набережную и далее спускалось к реке. Конечно, это кольцо не выглядело идеальной окружностью, как у Платона, но приблизительный его диаметр составляет один километр, как и написал философ. Схожие рассуждения справедливы и для двух других колец (смотри указанные книги). А уж что до канала к морю, то он совпадает с руслом реки Старки и своей длиной соответствует обозначенной Платоном длине. Расстояния, на которые два внешних кольца отстояли от внутреннего, тоже соответствуют данным Платона. Неожиданно, не правда ли?!

Подчеркнем, мы еще ничего не говорили о древних обитателях этих мест. Речь шла лишь о городском ландшафте и его возможном соответствии схеме Платона. Да, на территории Нижнего Новгорода пока не найдено следов рессетинской культуры, но это уже следующий по порядку вопрос. Атлантида найдена, обозначены ее реальные контуры, а также открыто местоположение ее столицы. Соответствие указаниям Платона полное. Никакой другой город Земли, никакая другая гипотеза об Атлантиде не могут соперничать с нашим выводом. Он служит также важным подтверждением (правда, косвенным) двух наших предыдущих (независимых) открытий.

1. Русское море действительно существовало в то время. У Платона оно называется морем Атланта.

2. Прародина индоевропейцев – Русская равнина.

Можно предположить, что на месте Нижнего Новгорода в рессетинскую эпоху существовало поселение. Структура из трех водных колец сродни каменным лабиринтам более поздних народов и дает основание предположить, что здесь находился сакральный центр первых индоевропейцев.

Хорошо, но как относиться к тому, что атланты были мореходами и строили храмы? Не слишком ли лихо для рыболовов и охотников каменного века? Да, во времена Платона люди смело плавали по морям и возводили гигантские храмовые комплексы, но виданное ли дело, чтобы всё это происходило за десять тысяч до того. Сомнения понятные, и они основаны на нашем понимании истории как непрерывного прогресса человечества. Но фактор катастрофических потопов полностью разрушает эту иллюзию. Платон пишет: “Выживали после бедствий неграмотные горцы <...> Подвиги и законы предков не были им известны, разве что по темным слухам, и только памятные имена они давали рождавшимся детям; при этом они и их потомки много поколений подряд терпели нужду и в самом необходимом и только об этой нужде думали и говорили, забывая предков и старинные дела. Ведь занятия мифами и разыскания о древних событиях появились в городах одновременно с досугом, когда обнаружилось, что некоторые располагают готовыми средствами к жизни, но не ранее. Потому-то имена древних дошли до нас, а дела нет” (диалог “Критий”). Вот так же и с атлантами: имя их мы знаем, а о конкретных деяниях можем только гадать.

Или другой пример. Основанные на Библии многочисленные датировки сотворения мира приходятся примерно на середину VI тыс. до н.э. или ранее (у православных это 5508 г. до н.э.). Но это приблизительно время последнего евразийского потопы – того самого, о котором упоминает Библия (рис. 4). Книгу Бытия месопотамские жрецы составляли уже в послепотопную эпоху. В качестве даты рождения мира (эра Адама и Евы в библейском летоисчислении) они выбрали абсолютную, хорошо известную им дату катастрофы – около 5600 г. до н.э.

Библия сжимает по времени человеческую историю и упоминает по преимуществу, в полном соответствии с “правилом” Платона, только имена древних патриархов, но не их дела. Текст Платона в этом смысле исключителен. “Землянные кольца и мост шириной в плетр (около 30 м. – А. А.) цари обвели круговыми каменными стенами и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Камень белого, черного и красного цвета они добывали в недрах срединного острова и в недрах внешнего и внутреннего земляных колец, а в каменоломнях, где с двух сторон оставались углубления, перекрытые сверху тем же камнем, они устраивали стоянки для кораблей. Если некоторые свои постройки они делали простыми, то в других они забавы ради искусно сочетали камни разного цвета, сообщая им естественную прелесть; также и стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности обделали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя – орихалком, испускавшим огнистое блистание” (“Критий”). Камень, о котором пишет Платон, – известняк. На крутом известняковом берегу Волги, сразу же за внешней границей первого кольца, существовали пещеры. В XIV веке их использовали для проживания монахи. Позднее они основали здесь монастырь, который был назван Печерским (от слова “пещеры”). Параллельно Верхневолжской набережной тянется улица Большая Печерская, а если продолжить ее линию дальше, то попадешь в район города, называемый Верхние Печёры (он находился уже за пределами второго водного кольца). Все эти топонимы указывают на существование на берегу Волги “платоновских каменоломен” (пещер), в которых устраивались стоянки кораблей.

Обычный цвет известняка – белый, серый, желтоватый. Примеси, входящие в состав камня, могут придавать ему различные оттенки: частички глины – коричневые тона, водоросли – зеленоватые, железо и марганец – красноватые отблески. Присутствие примесей в известняковой породе дает красивые результаты. На Руси известняк применялся для строительства храмов. Его также эффективно используют для отделочных работ, для внутренней и внешней отделки помещений. Цветовая гамма известняка

имеет множество оттенков: от ослепительно белого до темно-серого, а плитку можно встретить розового, желтого и голубого цвета. Возможно, украшенные плитками известняка стены информаторы Платона приняли за расплавленный металл, нанесенный на камень. Во всяком случае, такого рода строительная технология выглядит очень странной. Более того, представленный текст, видимо, служит художественным преувеличением, но мы бы не исключали возможность существования на территории древнего города каменных защитных сооружений и святилищ.

Невозможно также представить, чтобы люди, проживающие на берегу моря, не освоили азов мореходства. Опять-таки здесь возможны только догадки, но хочется упомянуть об уникальном речном судне, которое некогда ходило по Ветлуге и Волге, – беляне. Грузилась она только обработанным, белым лесом, отсюда и происходит ее название. Даже по нынешним меркам это было огромное судно. По некоторым данным, его длина достигала 120 метров, а высота борта – шести метров. Поначалу строились беляны без единого гвоздя, и только впоследствии их начали сколачивать железными гвоздями.

Корпус беляны был заострен как спереди, так и сзади, а управляли ею при помощи огромного руля – лота, имевшего вид самых настоящих дощатых ворот, который поворачивался при помощи огромного длинного бревна, выведенного от кормы на палубу. Из-за этого лота беляна и сплавлялась вниз по реке не носом, а кормой. Время от времени, пошевеливая огромным лотом, словно ленивый кит хвостом, она плыла так по течению, но, несмотря на всю свою неуклюжесть, обладала прекрасной маневренностью. Кроме лота, на беляне имелись большие и малые якоря весом от 20 до 100 пудов, а также великое множество различных пеньковых и мочальных канатов.

Рис. 7. Одна из последних белян начала XX века

Беляна – артефакт. Кто изобрел ее и начал ходить на ней, загадка. Но только в связи с этим вспоминается другой корабль, на котором спасался Ной во время потопа. “И сказал [Господь] Ною: Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его внутри и снаружи. И сделай его так: длина ковчега триста локтей (133,5 м. – А. А.); ширина его пятьдесят локтей (22,25 м. – А. А.), а высота его тридцать локтей (13,35 м. – А. А.). И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье [жилье] (Бытие 6:13–16).” Едва ли можно оспорить, что Ноев ковчег напоминает беляну. Для VI тыс. до н.э. такого размера корабль кажется невероятным техническим достижением. Но не использовала ли команда Ноя достижения атлантов?..

4. Тайна Китежа, или Что стало с верхневолжцами?

Солнце родины смотрит в себя,
Потому так таинственно светел
Наш пустырь, где рыдает судьба
И мерцает отеческий пепел.

И чужая душа ни одна
Не увидит сиянья над нами:
Это Китеж, всплывая со дна,
Из грядущего светит крестами.

Ю. Кузнецов

Кто не знает легенды о граде Китеже? Стала она поминальной молитвой о праведниках земли Русской, отринувших рабскую долю пленения иноземцами и не убоявшихся смерти. Китеж – затопленный невидимый город праведников, находящийся, согласно установившейся традиции, на дне озера Светлояр в Нижегородской области. Считается, что Китеж чудесно спасся от завоевателей во время монголо-татарского нашествия в XIII веке. Для хана Батыя, готовившегося осадить поселение, город стал невидимым и затем опустился на дно вместе со всеми жителями. Легенда стала общеизвестна благодаря роману-эпопее “В лесах” П.И. Мельникова-Печерского. Писатель уверял: “Цел тот город до сих пор – с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княжецкими узорчатými теремами, с боярскими каменными палатами, с рублеными из кондового, негниющего леса домами. Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа”.

Источником легенды послужил “Китежский летописец”, памятник, созданный в среде старообрядцев в конце XVIII века. Согласно имеющимся там сведениям, по повелению благоверного князя Георгия в 1165–1167 гг. был отстроен каменный город с размерами 200 сажен в длину и 100 сажен в ширину, вместивший в себя три церкви. Но ни археологи, ни водолазы, спускавшиеся на 30-метровую глубину озера, их не обнаружили. И, сохраняя предельную объективность, следует признать, что никакого града Китежа на Светлояре нет и никогда не было.

Где же находился тогда этот чудо-град? И существовал ли он наяву? Наш ответ такой: город был, но только гораздо раньше, чем про него рассказывает легенда, и не на этом месте. Нет нужды говорить, что христианские проповедники брали за основу языческие предания и перекраивали их на свой лад. Это обычный прием, который используют победители, будь то политика или религия. Память о городе, ушедшем под воду и называвшемся Китежем, жила в народе с древнейших времен. Это был священный град языческих праведников, хранителей глубинной, исконной Руси. Неожиданно? Но обратим внимание: образ подводного царства – языческий по своей сути. Налицо использование христианами чужеродной символики. Создатели “Китежского летописца” перенесли действие в XIII век, наполнили его историческим содержанием и христианской символикой. Делалось это, безусловно, из высших побуждений. Можно определенно утверждать, что, тем самым, авторы-староверы сохранили священное предание и донесли его до наших времен.

Вместе с тем об истории возникновения легенды стоит поразмышлять подробнее. Название Светлояр означает “Светлый Яр” и включает в себя имя древнерусского бога Яра (Ярилы). Это со всей очевидностью указывает на то, что издревле вблизи озера было языческое капище, а сама местность была местом паломничества язычников. В

силу своей отдаленности и недоступности капище, по-видимому, обихаживалось и поддерживалось и в христианскую эпоху. Для его захвата христианам нужно было идеологическое обоснование. Им и стал “Китежский летописец”.

Для достоверности авторам пришлось выдумать некоторые подробности – размер города, количество и названия церквей. Согласно “Соборному уложению” 1649 года одна казенная сажень составляла 2,16 метра, в послепетровские времена ее урезали до 2,13 метра (на основании пересчета английских мер длины). С другой стороны, озеро представляет овал с размерами 500 на 350 метров и глубиной до 40 метров. Площадь невидимого города вписывается внутрь акватории современного озера, но, что называется, на пределе возможного. В связи с этим стоит обратить внимание на интересную подробность строительства города: “И город тот, Большой Китеж, на сто сажен в длину и ширину был, и была эта первая мера мала. И повелел благоверный князь Георгий еще сто сажен прибавить в длину, и стала мера граду тому в длину – двести сажен, а в ширину – сто сажен”. Изначальный проект квадратного города был заменен прямоугольным, и эта обмолвка кажется нам весьма содержательной. Дело в том, что квадрат со стороной в 200 сажен уже не вписывается в площадь озера. Размеры города подбирались создателями легенды при обмере озера. Первая версия, предполагавшая квадратную (более симметричную, а потому и более гармоничную геометрически) структуру города, была изменена в пользу увеличения общей площади города. Похоже, авторы легенды спорили, но уважали друг друга, так что в итоге сохранили оба виртуальных плана застройки.

Но где же находился реальный Китеж? Есть версия, что его местоположение совпадает с селом Кидекша около Суздаля, уничтоженного татаро-монгольской ордой в 1237 году. Однако одного созвучия названий недостаточно. Да и озера, в которое мог бы погрузиться город, нет. Неужели легенда не имеет под собой никакого исторического содержания?

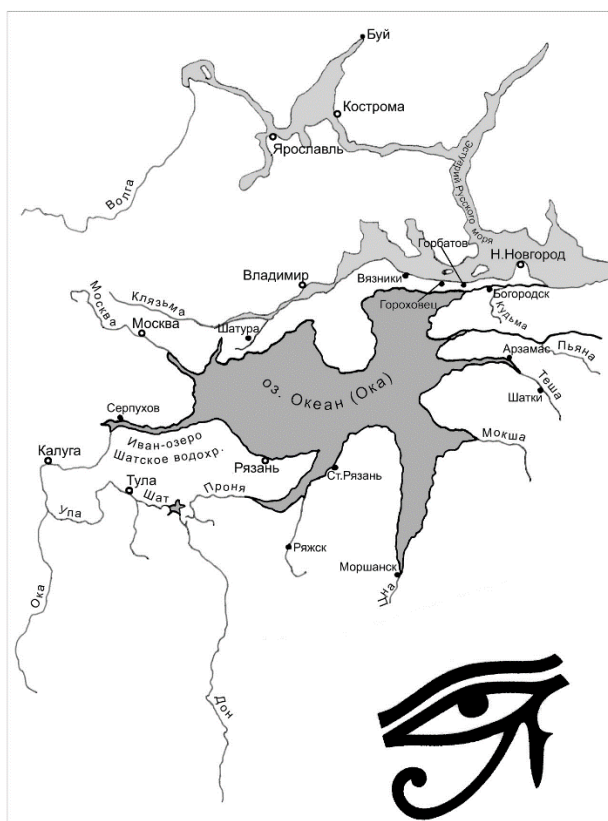

Рис. 8. Контуры озера Океан (по Д.В. Квашнину) и око Ра

Конечно, имеет, просто мы еще по-настоящему не осознаем всей глубины нашей истории. Русские люди восприняли легенду о граде Китеже на мистическом уровне, они интуитивно ощутили реальность произошедшего. Ученые же не в силах дать разумное объяснение явлению, упоминаемому в легенде, и это связано не только с отсутствием информации. Наши уважаемые профессора в своем большинстве даже не допускают мысли о древности русской истории, о древности русского народа и глубине его родовой памяти. А ведь решение проблемы Китежа – это, в том числе, и новый взгляд на историю Древней Руси.

Авторы “Китежского летописца”, как это ни странно, сами открывают ключ к разгадке тайны Китежа. Они сообщают, что город на Светлояре назывался Большим Китежем, в то время как был еще Малый Китеж на Волге, где и сидел князь Георгий Всеволодович (на месте этого селения стоит город Городец). То есть был еще один Китеж, но, в отличие от придуманного старообрядцами, действительный, реальный. Сколько людей читало этот летописец, сколько людей слышало про его содержание. Но никто из них не высказал предположение, что Китеж находился на месте Городца. Почему так? Ведь название “Китеж” не просто так закрепилось за местностью, которую занимает современный Городец. По воспоминаниям местных жителей, давным-давно горы по берегу Волги в южной части Городца назывались Китежскими. Потом их стали звать Пановы, поскольку по легенде они представляют собой курганы, где были погребены в древности огромные, рослые люди – “паны”, “старые, настоящие хозяева” этих мест. Мы призываем искать историю Китежа не в I тыс. н.э., а глубже во времени. И опять-таки не на Светлояре, где поблизости нет никаких китежских топонимов, а в районе Городца.

Что же за катастрофа произошла некогда на берегах Волги, так что целый город ушел на дно? Здесь нам придется обратиться к книге Дмитрия Квашнина “Русь от столпа Святогора”, где обращается внимание на хорошо известный факт, что некогда река Ока впадала в Волгу на 50 километров ниже современного Нижнего Новгорода. В связи с этим исследователь выдвинул (и обосновал) гипотезу, что в то время Гороховецкий отрог не имел современного разрыва между городами Гороховец и Горбатов, а был частью Мещерских гор. Другими словами, изначально целостный отрог выступал в виде плотины, сдерживающей воды прилегающей к нему котловины (см. рис. 8). По мысли Квашнина, это было громадное озеро, из которого путем прорыва Гороховецкого отрога впоследствии образовалось нынешнее русло Оки. Этот водоем “находился на территории Московской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской областей и Республики Мордовия. Своими водами он заполнял естественную чашу, ограниченную с запада восточными склонами Среднерусской и Смоленско-Московской возвышенностей, с востока – западными отрогами Приволжской возвышенности, с юга – Окско-Донским водоразделом, с северо-востока – Гороховецким отрогом Мещерских гор” (Квашнин Д.В. Указ. соч.). По своим размерам очерченный водоем не уступал современному Азовскому морю, а его абсолютный уровень составлял, как минимум, 125 метров, то есть на 40 с лишним метров был выше уровня Русского моря (уровня Волги). Образованию современной Оки, таким образом, предшествовал прорыв водою части Гороховецкого отрога.

Не торопитесь утверждать, что это невероятный сценарий. Озеро Океан (см. рис. 8) существовало на территории, включающей Мещерскую низменность – край с многочисленными озерами, болотами и медленно текущими реками. Во время весенних разливов озера сливаются вместе, образуя огромное озеро. В половодья вода покрывает 60% территории внутренней Мещеры. В мезолите люди не устраивали в этих местах стоянки (см. карту на рис. 3), и это верный признак того, что здесь было царство воды. Что же до границ водоема, то судите сами. Высота центра Коломны – 125 м, Шатуры – 125 м, Гусь-Хрустального – 133 м, Меленок – 130 м, Шатков – 130 м, Рязска – 125 м, Старой Рязани – 130 м. Все эти города расположены примерно на одном уровне, и объясняется это тем, что они находятся на месте древних поселений, которые ранее стояли на берегу водоема. Квашнин придумал сценарий

потопа, в общих чертах схожий со схемой Гросвальда. В обоих случаях формируется “озеро” с повышенным уровнем составляющих его вод. Но если у Гросвальда этот процесс происходит в океане, то у Квашнина – на континенте. Перепад высот воды у “океанских” потоков выше, но их центры отстояли дальше на север. Поэтому масштабы катастроф для областей центральной и южной России в обоих случаях сопоставимы.

Согласно сценарию Квашнина, прорвав Гороховецкий отрог, огромная волна накрыла прилегающие равнинные и низинные участки, покатила вдоль современного русла Волги и, губя ее прибрежных обитателей, вырвалась на простор Русского моря. Поселения людей, находившиеся на его берегах, были снесены потоком, который в своем движении добрался до Каспийского и Черного морей, а через черноморские проливы и до Средиземного моря. Сам автор гипотезы датирует потоп временем Атлантиды (про гросвальдовские потоки он не упоминает). Но с этим нельзя согласиться. Как мы указывали ранее, гибель русской Атлантиды была обусловлена одним из гросвальдовских потоков. Помимо Русской равнины, он затопил также Сибирь и Дальний Восток. “Квашнинский” потоп был более локальным, и Зауралье он не затронул. Но вместе с ним исчезло озеро Океан, а Русское море уменьшилось в размерах.

Когда же случилась катастрофа, о которой написал Квашнин? Здесь нам хочется обратить внимание на одно любопытное совпадение. Воды озера Океан, так устроен рельеф Нижегородской области, должны были накрыть Городец. Гигантская стена воды катилась, разумеется, под уклон, вдоль русла Волги, но при этом под удар стихии попадали и все низинные территории, располагавшиеся вдоль потока. Пройдя Балахнинскую низменность, вода обрушилась на поселение, существовавшее на месте современного Городца. Его высота над уровнем моря 104–120 метров, поэтому затопление города было полным. Гипотеза Квашнина дает основание в новом свете взглянуть на историю Китежа, ушедшего под воду. Она – исключительный шанс доказать, что Китеж был в действительности. Но когда, в какое время? И еще, сразу же возникает вопрос, была ли катастрофа естественной или рукотворной? И если верно последнее, то кому потоп был выгоден? Наше исследование обретает форму детектива, и, следуя законам жанра, надо найти хотя бы одну ниточку к клубку этой тайны.

Возможность датировать затопление града Китежа позволяет древнерусское историческое сочинение XVII века, известное под названием “Сказание о Словене и Русе”. Оно было чрезвычайно популярно в народе. По признанию современных специалистов, общее число списков этого произведения, имевших хождение на Руси, не поддается учету (сегодня известно около 100 текстов, не всегда совпадающих друг с другом). Сказание представляет собой запись устной легенды, в течение многих веков передававшейся от поколения к поколению. Оно содержит упоминание о потопе на Русской равнине, который датируется автором 2242 годом от сотворения мира. Православная церковь считает датой сотворения мира 5508 г. до н.э. Но тогда упоминаемый в сочинении потоп следует датировать 3266 г. до н.э. (3266 = 5508 – 2242). Этот потоп нельзя связывать с гросвальдовскими катаклизмами, они произошли раньше по времени. А вот соотнести его с катастрофой в Волго-Окском междуречье, предсказанной Квашниным, очень даже уместно. Итак, следует считать датой гибели града Китежа 3266 г. до н.э.

Переведем на время дух, чтобы осмыслить сделанное нами открытие. Как это ни кажется невероятным, но мы не только нашли местоположение града Китежа, но и определили время его затопления. Древность этой даты, конечно, пугает, мы не привыкли так далеко погружаться в глубь времен, но, с другой стороны, невозможно отрицать, что летописные предания есть послания к нам от наших далеких предков, которые надеялись быть услышанными. Да, “Сказание о Словене и Русе” составлялось автором в рамках христианской хронологии. Но мы вправе предположить, что он опирался на более древние доступные ему сведения и обозначил дату потопа достаточно правильно. В ее определении есть погрешность, связанная с датой сотворения мира (у христиан она “плавающая”). Тем не менее, не претендуя на абсо-

лютную точность, стоит проанализировать ту историческую ситуацию, которая сложилась в Волго-Окском междуречье на рубеже IV и III тыс. до н.э., и воспроизвести, хотя бы в общих чертах, череду событий, связанных с катаклизмом.

В конце IV тыс. до н.э. верхневолжскую археологическую культуру сменяет волосовская. Название она получила по деревне Волосово Навашинского района, где была обнаружена эталонная стоянка культуры. Волосовская культура была широко распространена на всей территории лесной зоны от Камы до Прибалтики и от Вологды до Пензы. Ареал ее распространения совпадает с границами верхневолжской культуры. Волосово (№ 26 на рис. 9) находится на месте существовавшего некогда озера Океан (рис. 8). Высота над уровнем моря здесь 86 метров. Значит, в конце IV тыс. до н.э. это озеро уже исчезло, и волосовская культура из мещёрских болот между Рязанью и Муромом распространялась на восток и север. Опять-таки поселения верхневолжской культуры, в отличие от волосовцев, располагались на высоких берегах рек и озер, на озерных островах, дюнных холмах. Это доказывает, что в эпоху верхневолжцев уровень воды был выше, а во времена волосовцев и озера Океана не стало, и уровень Русского моря упал. Катастрофический потоп, сценарий которого обрисовал Дмитрий Квашнин, произошел где-то “на стыке” двух этих археологических культур. Таким образом, мы получаем важный аргумент в пользу вычисленной даты китежского потопа.

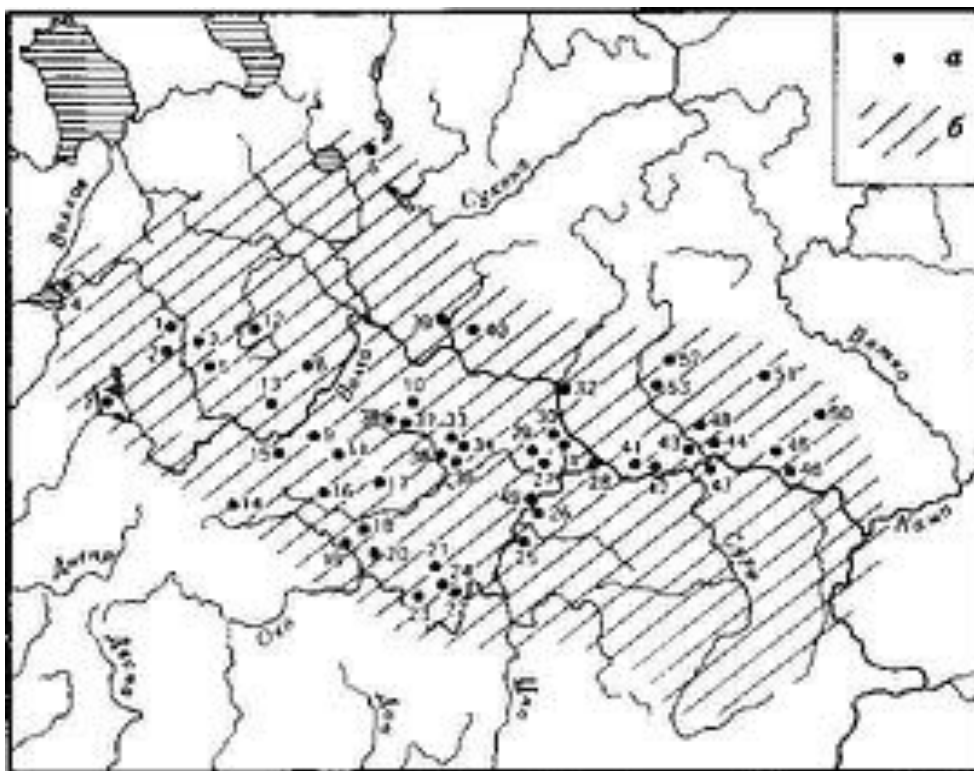

Рис. 9. Распространение основных памятников волосовской культуры: а – памятники; б – территория распространения культуры. 1 – Репище; 2 – Бологое; 3 – Кончанское; 4 – Коломицы; 5 – Иванково I; 6 – Модлона; 7 – Ронское; 8 – Языково I; 9 – Польцо; 10 – Уница; 11 – Вашутино; 12 – Иловец; 13 – Петровские озера; 14 – Тростенское озеро; 15 – Никола-Перевоз; 16 – Буньково; 17 – Заречье; 18 – Маслово Болото VII; 19 – Коренец; 20 – Ушмар; 21 – Владычино; 22 – Ибердус; 23 – Черная Гора; 24 – Панфилово; 25 – Легалин Бор; 26 – Волосово; 27 – Володары; 28 – Гавриловна; 29 – Холомо-ниха; 30 – Стрелка I; 31 – Толстуха; 32 – Сокольское; 33–36 – Сахтыш I, II, VII, VIII; 37, 38 – Ивановская III, VII; 39 – Борань; 40 – Станок; 41 – Безводная; 42 – Удельно-Шумецкая; 43 – Майдан-ская; 44 – Руткинская; 45 – Сумская; 46 – Обсерватория III; 47 – Токаревская; 48 – Ахмыловское II; 49 – Подборице-Щербинская; 50 – Яндашево; 51 – Кубашево; 52, 53 – Выжумское I

Нам осталось теперь понять историческую подоплеку катастрофы, случившейся в конце IV тыс. до н.э. Потоп и закат верхневолжской культуры совпадают по времени, поэтому тайну Китежа мы вправе связать с судьбой верхневолжцев. Как их культура прекратила существование?..

У нас есть в запасе “козырь”, который еще не задействован в исследовании. Это имя города. Исследователи проблемы Китежа указывают лишь один созвучный ему топоним на Русской равнине – село Кидекша во Владимирской области. Оно находится на расстоянии порядка 200 километров западнее Малого Китежа, вне зоны, непосредственно затронутой катастрофой, и мы вправе предположить, что та часть населения этих мест, которая выжила после катастрофы, пришла в район нынешнего Суздаля и отстроила новый Китеж. Но нельзя исключать и того, что были и другие волны миграции населения из зон затопления.

Увеличим поле обзора. На Кавказе привлекает внимание город Кутаиси, что настраивает расширить географию поиска и обратиться к картам Древнего мира. Это, действительно, стоящее дело, потому что на них обнаруживается “двойник” Китежа – город Хаттуса в Малой Азии, расположенный в 145 километрах восточнее Анкары. С учетом оглушения первой согласной и изменчивости гласных при произношении или чтении слов другого языка эти названия этимологически родственны. Хаттуса была столицей древнего Хеттского царства (время ее основания – 2500 г. до н.э.), а ее основатели, хетты, – знаменитый индоевропейский народ.

Для историков происхождение хеттов темно и загадочно. Нам не известно ни одной сколько-нибудь содержательной версии на этот счет. Хетты являются внезапно на сцене мировой истории в III тыс. до н.э. и выступают могущественной военной и политической силой в Передней Азии и на Ближнем Востоке. Но откуда и каким путем они пришли в Анатолию, существуют только догадки.

Хетты изначально проживали в Волго-Окском междуречье (еще один аргумент в пользу Русской равнины как прародины индоевропейцев). Столицей хеттов был город Китеж, находившийся на месте современного Городца. В древнем хеттском стихотворении в честь бога Солнца есть такие строки:

*Солнечный бог небес, человечества пастырь!
Ты из моря выходишь, из моря – сына небес,
И устремляешься вверх, к небесам.
Солнечный бог небес, господин мой!
Рожденным людьми и диким зверем в горах,
псу, и свинье, и насекомому в поле –
всем ты даруешь то, что дано им по праву!
Изо дня в день...*

Вторая строка стихотворения уже давно интригует ученых. Гадая о местонахождении прародины хеттов, они задаются вопросом, какое из морей упоминается в этом фрагменте. Поскольку никто не сомневается, что хетты пришли в Малую Азию из Европы, то в качестве возможных вариантов называются Черное или Каспийское моря, правда, никаких подкрепляющих доводов при этом не приводится.

Наша интерпретация этой строки принципиально иная. В стихе упоминается Русское море, на берегах которого жили изначально хетты. После катастрофы хетты (или какая-то их часть) начала миграцию на юг. Ее маршрут был таким: Китеж (Городец, Русская равнина) → Кутаиси (Кавказ) → Хаттуса (Малая Азия), то есть хетты прошли через Кавказ вдоль Черного моря. Время прихода хеттов в Азию –

III тыс. до н.э. С учетом того, что глобальные миграции народов осуществляются в течение десятилетий, а то и веков, этот факт прекрасно подтверждает хронологию вычисленного нами времени затопления Китежа. Опять-таки, обратим внимание, что хетты построили свой священный город в неприступной, гористой местности с высотой 1050 метров над уровнем моря. Его строители, по всей вероятности, думали не только о недоступности города для вражеской армии, но и его неуязвимости на случай гигантских наводнений.

Город Хаттуса, окруженный шестиметровой каменной стеной, был одним из самых величественных и могущественных поселений Древнего мира. В городе было 70 храмов. И тут самое время вспомнить красочное описание града Китежа, оставленное Мельниковым-Печерским. Может, не подкачала его фантазия, и все было так, как ему привиделось?

Хетты активно проникали на Ближний Восток и боролись за влияние в регионе с Египтом. Для своего присутствия там они построили “ближневосточный Китеж” – город Кадеш на реке Оронт (территория Сирии). В начале XIII в. до н.э. состоялась знаменитая битва при Кадеше между хеттами и египтянами. Каждая из сторон считала себя в ней победителем. Египтяне нанесли противникам больший урон, тем не менее город остался за хеттами.

История градов Китежей представляет собой интереснейшую летопись участия наших предков в событиях мировой истории. Но неправильно было бы думать, что она окончилась вместе с падением хеттской державы. Самое удивительное, что невидимый град Китеж живет в наше время в самом сердце нашей Родины. Догадались? Да, это Китай-город в Москве. Китай-город начинается от Красной площади, которая раньше являлась его частью. С северной стороны он ограничен Охотным рядом, Театральной площадью, Театральным проездом; с южной – Москвой-рекой, а с востока граничит с Лубянской и Старой площадями. Его название не имеет никакого отношения к Китаю: в момент начала и активного строительства каменного Китай-города (середина XVII века) в русском языке для обозначения Китая использовали слово “Чина”. Некоторые историки пробуют возводить его название к древнему русскому слову “кита” – “ограждение, вязанка жердей для ограды”, но применительно к каменному городку это объяснение не выдерживает критики. Пример с Китай-городом наглядно показывает, насколько мы, русские люди, оказались оторванными от древнейшей традиции своих предков. Китай-город включает Красную площадь, священное место для каждого россиянина. Тем самым он схож с Хаттусой и невидимым градом Китежем из сохранившейся легенды.

Удивительным образом, пропутешествовав по дальним странам, Китеж вернулся в Россию. О том, как это произошло, автор подробно рассказал в книге “Да, скифы мы!” (М.: Эксмо, 2014). После развала хеттской державы в начале XII в. до н.э. хетты двинулись на восток и обосновались в северном Китае, где дали стране Чине современное название “Китай”. Одна их часть, сплотив местные азиатские племена, стала называться кидане и активно участвовала в древнекитайской истории, а другая, войдя в состав скифского племени массагетов (мужей-хеттов), вернулась в середине I тыс. до н.э. на свою прародину. Вот и получается, что Китай-город – это новый Китеж-град, а имя “Китай” принесли скифы, возвратившиеся из далекой Азии на землю предков.

Автор прекрасно понимает, насколько необычной, а то и фантастической представляется некоторым читателям предлагаемая реконструкция событий. Но необходимо признать, что альтернативой ей является полное отрицание хотя бы какого-нибудь содержательного смысла в наших священных преданиях. Несогласные с ней должны признать Китай-город – “вязанкой жердей для ограды”, легенду о Китеж-граде – пустопо-

рожным вымыслом, а все разговоры о священном городе праведников – метастазами национального воображения. Это просто и удобно: и голова не болит, и душа, если она есть, спокойна. Только такая позиция и есть отречение от своей истории и от памяти своих предков. Вот так, соотечественники, и никакой половинчатой позиции тут не выстроишь.

И древнее название “Китеж”, и современное “Китай” перекликаются с именем народа хеттов. Вряд ли это случайно. Похоже, что в этих названиях сокрыт глубочайший сакральный смысл, оттого и пережили они тысячелетия. В названии Китеж соединились имена двух общеиндоевропейских верховных богов Кия и Деуса (русские называли его Дий (Див), греки – Теос, индоарии – Дьяус, латиняне – Деус, германцы – Дойч, а литовцы – Диевас). Китеж, таким образом, означает “город богов”, “божественный град”. Примечательно, что Хаттусу часто именуют “город тысячи богов”. Название города указывает, что он был священным центром группы индоевропейских племен.

И еще одна важная особенность легенды о Китеже, которая еще не затрагивалась. “Китежский летописец” повествует о внешней агрессии. Но если только нашествие врага и затопление города – события связанные, то моментально возникает вопрос: был ли потоп IV тыс. до н.э. в Волго-Окском междуречье явлением природным или инициированным людьми? Дмитрий Квашнин так пишет по этому поводу: “Гибель русского океана (озера Океан. – А. А.), так же, как и гибель Русского моря, произошла в результате разрушения геологической перемычки между этими двумя водоемами, называемой Гороховецким отрогом Мещерских гор, в районе между современными городами Городец Владимирской области и Горбатов Нижегородской области. Разрушения, произошедшие при этом, имели цепной характер, и их последствия ощущаются даже сегодня. Стоит отметить, что разрушения эти, скорее всего, имели не геологический, то есть природный характер, а являлись делом рук “разумного” таинственного существа. Этот таинственный незнакомец, используя сложившуюся геологическую нестабильность водных акваторий в центре Древней Руси, намеренно и целенаправленно спровоцировал смертоносное действие воды в своих интересах”. Квашнин не имеет достаточно данных, чтобы конкретизировать детали случившегося, но он настаивает на рукотворности катастрофы.

Подчеркнем, что это мнение исследователя согласуется с описанием событий в “Китежском летописце”. Согласно тексту хан Батый разгромил Большой Китеж, и лишь потом он стал невидимым. Надо полагать, что авторы летописца не переиначивали последовательность событий и не изменяли причины затопления города. В таком случае следует искать внешнего врага, который угрожал племенам верхневолжцев. Этот противник вычисляется очень просто, поскольку на его территории – на юг – и был направлен основной удар стихии. Памятуя об этом, перейдем к реконструкции событий.

К югу от верхневолжцев, на Средней и Нижней Волге и в междуречье Дона и Днепра в V–IV тыс. до н.э. выделилась и обрела мощь другая группа индоевропейских племен. Их традиционно называют ариями. В первой половине IV тыс. до н.э. они начинают свою экспансию в Европу, и мы вряд ли ошибемся, если предположим, что именно арии вторглись в Волго-Окское междуречье и напали на верхневолжцев. В военном отношении арии были сильнее. К тому времени они уже одомашнили лошадь и использовали повозки, что способствовало их мобильному продвижению вглубь Русской равнины. Верхневолжцы, скорее всего, были разгромлены в прямом противостоянии и уже тогда прибегли к своему “секретному оружию”. Устроенный ими потоп затопил священный Китеж-град, но при этом, думаем, была уничтожена армия ариев и нанесен серьезнейший удар по центру их цивилизации на Волге. Похоже, что победителей в этой кампании не было. Арийцам пришлось сосредотачиваться и восстанавливать разрушенные поселения, а верхневолжцы двинулись на новые земли.

Часть из них предприняла миграцию в Малую Азию, где стала известна под именем хеттов. В конце IV тыс. до н.э. в Приочье с запада пришли волосовцы, которые ассимилировали проживавшее здесь население. Все они помнили о произошедшей здесь катастрофе и способствовали тому, что предание о затопленном городе передавалось от поколения к поколению. Новая волна ариев пришла в Волго-Окское междуречье лишь спустя некоторое время после катастрофы (на рубеже IV и III тыс. до н.э.).

Вот и вся реальная история града Китежа. Скажете, невероятно! Еще как вероятно, и у нас есть безусловное тому доказательство. Помните библейскую историю исхода евреев из Египта? Историки сломали голову, чтобы объяснить ее происхождение. А “ларчик” открывается просто. Хетты, придя в Палестину (как завоеватели), рассказали евреям историю собственного исхода со своей прародины. При этом действительно был потоп и погибла армия завоевателей. Только это было не войско фараона, и покидали прародину не евреи. Сегодня уже ни для кого не секрет, что Библия полна фрагментов из индоевропейской истории, имевших место вдали от Палестины. И рассказ о гибели египетской армии в морской пучине – один из них.

5. Арийский период в истории края

Мы – арии, мы не славяне,
Мы раньше встали, дольше шли.
Живя на море-океане,
Ко льдам водили корабли.

В 2007 году в Нижнем Новгороде вышла книга Николая Морохина “Наши реки, города и сёла”, рассказывающая о происхождении географических названий Нижегородской области. Автор собрал и обработал огромный материал, честь ему и хвала за это. Но вот что он пишет в предисловии: “По свидетельству историков, заселение нашего края начинается раньше IV тыс. до н.э., однако древнейшие археологические памятники относятся именно к временам, отделенным от нас шестью тысячелетиями. Ранненеолитическая верхневолжская культура – это культура оседлых людей, живших в Нижегородском Поволжье постоянно. Сюда приходят с Южного Урала предки современных финских народов – финнов, эстонцев, марийцев, коми, карелов, вепсов. **Именно им и принадлежат самые древние из названий рек и озер местности. Итак, для изучения их надо обратиться к сравнительному материалу финно-угорских языков** (выделено авт. – А. А.); кроме финских, к ним относятся угорские языки, состоящие с ними в значительной степени родства, – венгерский, хантыйский, мансийский: разделение этих народов из единой общности произошло около шести тысяч лет назад, когда угры отошли на Обь, а финны – на Волгу и Каму”. Нельзя не удивиться этому диковинно составленному тексту. В нем есть три утверждения:

- 1) верхневолжскую культуру составляли оседло жившие племена; кто они – не сказано;
- 2) к верхневолжцам пришли предки современных финнов;
- 3) древнейший лексический слой географических названий Нижегородского Поволжья принадлежит этим мигрантам.

Окончательный, третий вывод никак не вытекает из первых двух положений. Почему пришельцы, если они даже были, обладают приоритетом по отношению к автохтонам? Морохин хитрит, пытается обмануть читателя. Ему очень хотелось бы написать, что верхневолжскую культуру составляли исключительно угро-финские народы. Но это заведомая неправда. С другой стороны, признать “оседло жившие пле-

мена” индоевропейцами он не хочет. Пусть это будут “некто”, кто не оставил по себе никакой памяти в топонимах, а мы будем объяснять их из угро-финских языков. При чем эти языки получают приоритет в толковании. Вот логика Морохина.

В действительности никаких предков современных финских народов в то время в Нижегородском Поволжье не было. Да и как они могли здесь появиться? О какой такой миграции с Южного Урала пишете Вы, господин Морохин? Где тому доказательства? Правильно, их нет. А что же есть? Есть миф академической науки, что с древнейших времен на Русском Севере проживали угро-финские племена. Это записано во всех учебниках, и этому учат во всех университетах. Эта русофобская “мина” заложена в сердце каждого профессора истории и каждого академика-гуманитария, вот такая у нас Академия наук. Поэтому, записывая свой иезуитский текст, Морохин был абсолютно спокоен. Если все вокруг договорились, почему бы “под шумок” и самому не приврать? А уж то, что расшифровки названий получаются одна нелепее другой, дело десятое. Ну, подумаешь, без фантазии были наши предки, да, видать, еще и умишком были не избалованы: выдумывали всякие “абырвалги” и не заботились о красоте и смысле названий. Это мы к тому, что многие угро-финские расшифровки “ни в какие ворота не лезут”.

Результаты ДНК-генеалогии (смотри книги А.А. Клёсова) неоспоримо свидетельствуют, что угро-финны появились на Русском Севере и в нашем междуречье только в I тыс. н.э. Безусловно, определенная часть топонимов принадлежит им, но утверждать, подобно Морохину, что к этому ряду принадлежат самые древние из названий рек и озер местности, недопустимо. Более того, есть все основания утверждать, что это слой древнейшей индоевропейской лексики (праязыка индоевропейцев). Морохинские “оседлые люди, жившие в Нижегородском Поволжье постоянно” – это индоевропейцы. Никаких пришлых предков современных финских народов среди них не проживало.

Верхневолжцы жили на берегах Русского моря-океана. Память об этом удивительном водоеме сохранилась в народных сказках. Море в них присутствует как непосредственная реальность, с которой соприкасается герой. Подчеркнем для господ морохиных: сказки это русские, а не финские, и хранили их народы не финских, а индоевропейских (русских) корней. Дмитрий Квашнин гениально заметил, что контуры озера Океан (рис. 8) один в один совпадают с изображением священного древнеегипетского символа – ока бога Ра (рис. 10); под ним понимают также левый глаз бога Гора. Этот символ является важным элементом одного из главных египетских мифов – о противоборстве бога Сета с Гором. Глаз Гора (око Ра) был могущественным амулетом, который носили фараоны. Всё это указывает на причастность верхневолжцев к глобальной мировой политике.

Рис. 10. Око Ра, или Око Гора

Исследователи в битве Сета и Гора видят отражение битвы за египетский трон представителей соответственно южного и северного Египта. Может, в какой-то момент египтяне действительно принимали и такую интерпретацию мифа, но корни данного сюжета заведомо не египетские. Его жуткая подробность – протыкание глаза и истечение заполняющей его жидкости – символически отображает гибель водоема, с которым соотносили око Гора. Сражение Сета и Гора происходило не в Египте, а в центре Русской равнины, в Волго-

Окском междуречье. Враждующие боги олицетворяли участвовавшие в противостоянии народы. Бог Сет (“Эст, Есть” – “Суший”) – это Эстан, бог солнца хеттов (потомков верхне-волжцев), Гор же – или Яр (сравни: у русских гора – это яр), – бог ариев. Уже на земле Египта, когда туда пришли приверженцы культов Сета-Эстана и Гора-Яра, история противостояния богов была дописана и наполнена новыми подробностями, включая восстановление Ока. Но исходный мотив мифа связан с Китежским потопом. Вот так, господин Морохин, а Вы все ищите угро-финские истоки легенды о Китеже. Пустое это занятие...

Полная ревизия собранных Морохиным этимологий – отдельный труд. Конечно, его книга представляет свод исследований, в которых участвовало множество ученых, и потому она представляет несомненный интерес и заслуживает самого пристального внимания. Но ее ключевой недостаток очевиден. Автор старательно избегает разговора об арийских топонимах, а они, можно сказать, составляют “золотой фонд” нижегородской топонимики. Не верите? Приведем и прокомментируем некоторые санскритские параллели с названиями наших рек, городов и сел.

В табл. 4 названия рек приведены в алфавитном порядке. Но нам удобнее будет представлять их “по старшинству”. Начнем с матушки-Волги. Ее древнее имя Ра принадлежит ариям, которые связывали с рекой свою прародину. Имя Оки уже напрямую отсылает к теме родины, жилища и приюта на берегах реки. “Ригведа” и “Авеста” содержат в изобилии описания полярных сияний, так что арии добирались до Заполярья, а Волго-Окское междуречье лежало как раз на пути. В связи с этим можно уверенно говорить о влиянии ариев на соседей-волосовцев и распространении среди них арийской культуры и языка. Поочье для волосовцев стало приютом, родиной, и, усвоившие санскрит, они понимали значение названия их родной реки.

Таблица 4. Санскритские этимологии рек Нижегородской области

Название реки	Местонахождение; пр. – приток, в скобке районы Нижегородской области (сокр.)	Санскритская этимология; происходит от:
1) Арья; 2) Арья; 3) Арья	1) пр. Усты (Урен.); 2) пр. Большой Кокшаги, Марий Эл, течет по заболоченному лесу 3) пр. Керженца (Лыск.)	<i>Āra</i> – медь, бронза; Другая версия – “река ариев” (по названию народа)
Арша	пр. Ошмы (Тонш.)	<i>Arṣ</i> – 1) течь; 2) скользить
Варваж	пр. Ветлуги (Варн., Ветл.)	<i>Vār</i> – вода + <i>vāja</i> – вода
1) Вежак; 2) Вежать	1) пр. Салаксы (Нав.) 2) проток между болотами (Ард.)	<i>Vāja</i> – вода
Ветлуга	пр. Волги	(<i>ṣ</i>) <i>veta</i> – 1) белый; 2) светлый + <i>lauha</i> – 1) красноватый; 2) медный; 3) железный
Ворсма	пр. Оки (Павловский)	<i>Vṛṣāya</i> – орошать
Керженец	пр. Волги (Ков., Сем., Борск., Лыск.)	<i>Kārṣṇāyasa</i> – 1) темно-рудный; 2) железный. <i>Kārṣṇya</i> – чернота, темный цвет + <i>ayasa</i> – 1) медный, бронзовый; 2) железный. Ср.: река Яуза
Клязьма	пр. Оки (Вол.)	<i>Kulyā</i> – 1) канал; 2) ручей + <i>ayasa</i> – 1) медный, бронзовый; 2) железный. Ср.: река Яуза
Кундала	пр. Ветлуги (Варн.)	<i>Kuṇḍalin</i> – змея
Ламба	пр. Ошмы (Тонш.)	<i>Lamb</i> – погружаться (течет по заболоченной местности)

Лух	пр. Клязьмы (Вол.), Иван. и Влад. обл.	Lauha (Loha) – 1) красноватый; 2) медный; 3) железный
1) Линда; 2) Люнда	1) пр. Волги (Сем., Борск.); 2) пр. Ветлуги (Сем., Воскр.)	Lindu – 1) слизистый; 2) скользкий
Мокша		Мокṣa – избавление, освобождение
Ока	пр. Волги (Выкс., Нав., Вачск., Павл., Вол., Бог.)	Okas – 1) родина; 2) жилище, приют
Ра (древнее название Волги)	(Сок., Чк., Гор., Бал., Борск., Кст., Лыск., Вор.)	Ra(sa) – река
Саранка	пр. Арьевки (Пильн.)	Sāraṇi – ручей
1) Сарга; 2) Серга, Малая Серга; 3) Серёжа; 4) Сержа	1) пр. Пьяны (КрО.); 2) пр. Узолы (Ков.); 3) пр. Тёши (Вадск., Арз., Сосн., Нав.); 4) пр. Ветлуги (Ветл.)	Sar-ga – движущийся ручей (sara – ручей, sar – течь, струиться и ga – идущий)
Сура	пр. Волги (Сеч., Пильн., Вор.)	Su-ra(sa) – прекрасная река
Савинка	пр. Крутушки (Борск.)	Sāvinī – река
Санда	пр. Линды (Борск.)	Sindhu – река, поток
Синьга	пр. Ваи (Тонк., Шах.)	Sindhu-ga – текущая река
Тёша	пр. Оки (Лук., Шатк., Арз., Ард., Кул., Нав.)	Toṣa – текущий
Урга	пр. Суры (Княг., Сп., Вор.)	Ura-ga – змея (русло извилистое)
Уста	пр. Ветлуги (Тонш., Шар., Тонк., Ур., КрБ., Воскр.)	Uṣ – свет + ta – он, она; uṣa – сияющий, сверкающий = Светлая река (русло песчано-суглинистое). Приток – река Чёрная (как более темная по цвету)
Цна	пр. Юлыновки (Кн.)	Snā – купаться, омываться (snu – капать, выделять влагу)

Нельзя не вспомнить здесь, что в греческой мифологии есть река Океан, “обтекающая мир”, и на ее берегах находится сад Гесперид – заповедный край древних греков. В нем проживал титан Атлант, которого традиционно сопоставляют с царем Атлантиды. Греки – индоевропейцы, они не арии, но их прародина тоже лежала на Русской равнине. Сейчас мы считаем, что Ока впадает в Волгу, но ведь можно считать и наоборот (к тому же в месте встречи Ока шире). Но в такой ретроспективе река Океан (Ока + Волга после их слияния) охватывает центр Русской равнины – всю прародину индоевропейцев. Наши предки, бесспорно, представляли древнюю свою историю лучше нас...

Более полутора десятка лет ездю в деревенский дом на Керженце, и долгое время на подъезде к деревне, видя указатель с названием реки, испытывал замешательство. Ну откуда происходит это жесткое, как кирзовые сапоги, слово? Думал не год, не два, все-таки хочется понимать, где живешь. В минуты слабости стал верить даже Морохину, производящему название от мордовского корня “керж” – “левый”. Что ж, может, и так, коль Керженец – левый приток Волги. Другие возможные версии (образование слова от марийского “керге” – “черный дятел” и индоевропейского корня “кер” – “поток”) как-то не ложились на душу, и я их сразу же отбросил. Гипотеза с “левым притоком” тоже слаба, поскольку непонятно, как к содержательному корню прилепилась вторая половинка – “енец”. Морохин, понимая это, и привел две другие версии, чтобы показать, мол, на безрыбье и рак – рыба. Но всё перевернулось, когда, листая словарь санскрита, я наткнулся на словосочетание “темно-рудный”. Керженец протекает по за-

болоченной местности с залежами торфяника. Цвет воды в нем коричневатый, его можно сравнить с цветом меди или ржавчины (окисленного железа). Именно такие ассоциации и навевают санскритские составляющие имени реки. Оно, кстати, состоит из двух частей, легко читаемых по-русски. Первая – красный, вторая – Яуза, совпадающая с названием реки, на которой стоит столица нашей родины. Как бы невзначай мы объясняем и имя Яузы (все другие известные ее этимологии смехотворны).

Рис. 11. Карта археологических культур в конце III – II тыс. до н.э. в центре Русской равнины

Следует восхититься людьми, придумывавшими названия наших рек. Они использовали как конкретные слова, обозначающие воду или характер ее течения, так и образные ассоциации, учитывающие форму русла или цвет воды. Этимологии из табл. 4 включают примеры как рационального, так и поэтического подходов, что не может не впечатлять. Ряд названий наиболее значительных рек междуречья – Клязьма, Ветлуга, Керженец, Лух – связаны с цветом металлов. Это нельзя считать случайным, III тыс. до н.э. – эпоха бронзового века. Во второй его четверти в междуречье с запада приходят племена фатьяновской археологической культуры (см. рис. 11). Фатьяновцы – арии, они способствовали установлению общих связей во всем регионе: санскритские названия рек зафиксированы нами во всех частях междуречья, что указывает на контроль ариями-фатьяновцами всей его территории.

Продвижение фатьяновских племен происходило по рекам, в том числе Оке, Мокше, Волге, Суре и их притокам, на что указывают находки каменных боевых топоров и других вещей, характерных для них. В юго-восточной части Нижегородской об-

ласти к фатьяновской культуре отнесены 20 памятников. Поселения расположены на первых надпойменных террасах, дюнных всхолмлениях и возвышенностях в поймах рек Тёша и Пьяна, их притоков, притоков их притоков, а также притоков Волги, Суры, Мокши и Алатыря на высоте до 12 метров над водой и 2–4 метра над поймой. Уровень рек междуречья был выше нынешнего (в результате трансгрессии вод Балтики), а это значит, что Русское море существовало, хотя и не в тех масштабах, что до катастрофы.

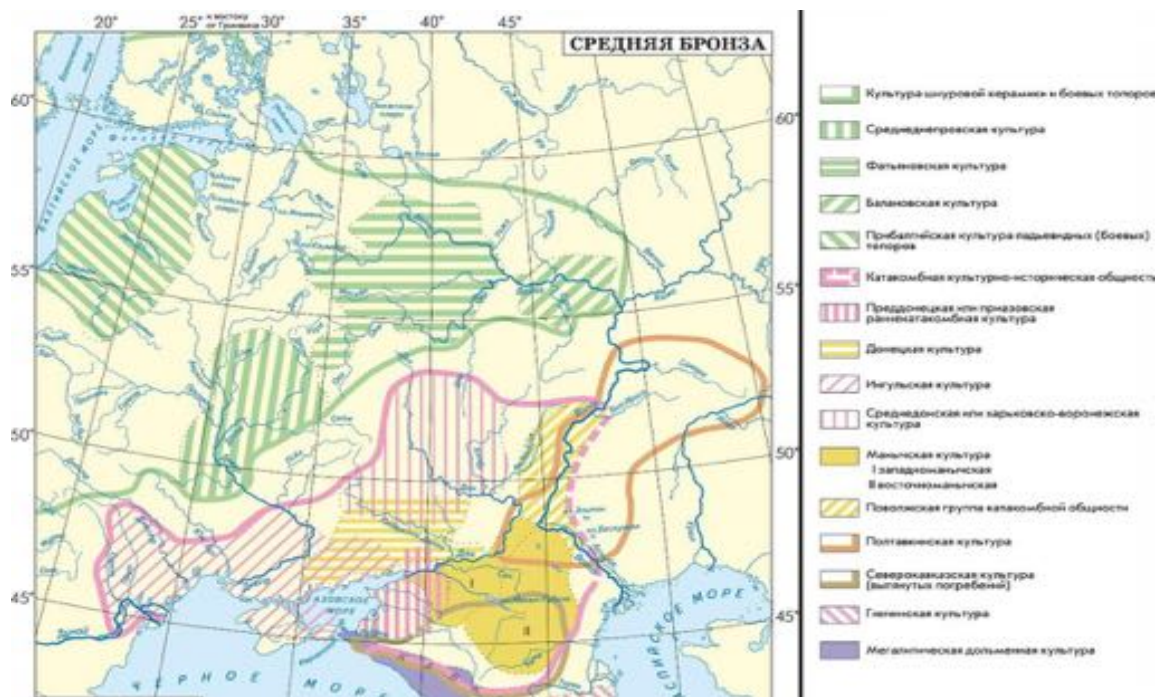

Рис. 12. Археологические культуры эпохи средней бронзы

Могильники фатьяновской культуры эпохи бронзы обнаружены в Чкаловском, Ветлужском и Краснобаковском районах. К локальному варианту фатьяновской культуры относится балановская культура (рис. 12). Летом 2019 года на территории деревни Кузнечиха (Нижний Новгород) было обнаружено погребение балановской культуры. Археологи датируют его XVII в. до н.э. О том, что это именно захоронение, говорят ритуальные предметы. В могиле обнаружены каменный топор и три керамических сосуда, два из которых в неплохом состоянии (рис. 13). Металлургия у балановцев была развита, оружие они изготавливали не с помощью литья, а путем ковки. И если при будущих раскопках в Кузнечихе вдруг обнаружатся, к примеру, балановские медно-бронзовые топоры, то можно будет утверждать, что название деревни происходит из тех далеких времен. Лично мне, прожившему почти 40 лет в микрорайоне Кузнечиха, буквально, в полукилометре от места раскопок, очень хочется, чтобы это было именно так. Балановцы пользовались ложками в то время, когда большая часть населения Европы ела руками, так что к вазочкам на рис. 13 так и хочется добавить глиняные (или деревянные ложки). Сам костяк умершего балановца не сохранился, он полностью истлел, найдены только частицы зубов. Но можно с большой долей уверенности говорить об этнических корнях умершего. На территории фатьяновской культуры выделяют ряд субкультур (см. рис. 11, 12), но есть все основания утверждать, что фатьяновцы были ариями. А потому и умерший балановец был, скорее всего, из их числа. Погребение ария в 6 км от Кремля. О, сюжетец! Так и видится, как нижегородские историки кусают локотки: прошляпили!

Рис. 13. Предметы XVII в. до н.э. из могильника балановской культуры (деревня Кузнечиха, Нижний Новгород)

В Нижнем Новгороде есть очень древний топоним – Ярилина гора. Представляя плато Дятловых гор, ограниченное со всех сторон осыпями крутых обрывов, она господствует над местностью. Название ее происходит от имени Яра (Ярилы) – древнерусского бога Солнца и плодородия. Это название гора носила до середины XIX века, и по устойчивому преданию именно здесь язычники устраивали свои праздничные торжества. Но с каких пор?

Рис. 14. Вид с Царёва кургана (горы Меру)

В своих священных книгах арии упоминают о священных горах, которые были опорой земли, ее центром и обителью богов, где они устраивали свои пиршества. “Махабхарата” и пураны (тексты индоариев) называют ее Меру, а “Авеста” (священное книга иранцев) именует Хара Березайти – Высокая Хара. Мифы о них имеют общую основу и схожи между собой. Так, иногда хребты Меру описываются как имеющие семь вершин или “семь узлов” – больших гор. Эта традиция отражена во многих Пура-

нах. На вершинах Хары и Меру постоянно пребывают птицы, это специально подчеркивается в индийских и иранских источниках. “Стаями дивных птиц Священная гора сияла”, – повествует “Махабхарата”. Упоминание о птицах на священной горе не является лишь деталью красочного описания: данный мотив в древнейших текстах Ирана и Индии составляет неотъемлемую часть индоиранского мифа о похищении птицей с великих гор священного растения сомы (хаомы). Птица, похищающая сому, некоторыми переводчиками “Ригведы” переводится также как сокол, а некоторыми – как орел.

Обе горы находились на прародине ариев (на Русской равнине). Исследователи предлагали самые разные варианты отождествления их с реальными горными вершинами. Но, на удивление, проглядели очевидное решение вопроса. На санскрите название Меру пишется как *Su – meru* (“благая Меру”), так ее называли древние арии. Это санскритское слово породило название “Самара”, и путь идентификации Меру ведет нас в Жигулевские горы, к Царёву кургану, что находится в 40 км от Самары. С вершины горы-останца открывается невероятно живописный вид на Соколы горы и Жигулевские ворота, долину рек Сок и Волги и Самарскую Луку (рис. 14). В данном случае имя горы перешло на поселение (город), рядом с которым она находится. Царёв курган, в силу своей выделенности среди Жигулевских гор, мыслился ариями как центр мира и местопребывание верховных богов. Рядом с ним стоят Соколы горы: дивные птицы на вершинах арийских гор – неперемное условие, к тому же, они числятся по списку похитителей божественной сомы.

Рис. 15. Из книги: Данилов А.В. Дятловы горы // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических трудов. Вып. 13. – Нижний Новгород, 2013

Вернемся, однако, к Ярилиной горе – горе Яра. Она входит в число семи холмов, на которых основан Нижний Новгород: арийская традиция семихолмия для Мировой горы присутствует в чистом виде. Гора Яра – это Хара, с учетом произношения звуков в разных языках совпадение имен полное. Теперь о птицах. Рядом с Харой (Гребешок на рис. 15) есть гора Сокол. Как и в самарских краях, похититель таинственной сомы и здесь отмечен своим присутствием. Сокол – птица бога Солнца. Двойник Яра – египетский Ра – изображался с головой сокола. Но священные горы должны сиять стаями дивных птиц. И тут попадание нашей версии “в десятку”. Горы эти – Дятловы! Какими

только догадками не пичкали нас краеведы для объяснения их названия. А причина – мифологическая традиция, ведущая отсчет из глубины тысячелетий. Редкая из лесных птиц может по своей расцветке сравниться с дятлами. Они действительно дивные птицы. Есть у них еще одна важная черта, которую требует древняя традиция: это оседлые птицы, не улетающие в теплые края. Привязанность к родным местам – свойство коренных обитателей, хранителей данной территории. Думается, еще и поэтому выбор авторов данного топонима пал на дятлов.

Дятловы горы мыслились ариями-фатьяновцами как место пребывания бога-творца Брахмы, языческий рай. По территории Нижнего Новгорода протекает река Рахма. Исток ее находился на территории микрорайона Щербинки, отсюда река текла к станции Мыза, затем параллельно улице Ларина и впадала в Волгу у деревни Ржавки. Вот такая простая география. Но давайте представим городской ландшафт во времена фатьяновцев. Наличие нескольких рек в черте города, а также высокий уровень грунтовых вод способствовали большой обводненности оврагов, разделяющих возвышенности Дятловых гор.

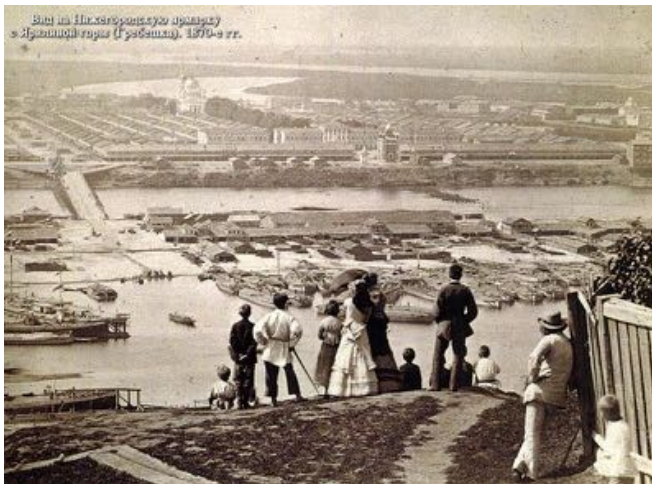

Рис. 16. Нижегородцы на Ярилиной горе (горе Хара)

По существу, на месте Нижнего Новгорода (верхней, древнейшей его части) были острова, окруженные водою. Все они находились в доступной близости от реки Рахмы. В русской культурной традиции есть представления о мифическом народе рахманов – о праведниках, живущих на острове в полном изобилии и радости. Рахманов сопоставляют с индийскими брахманами (жрецами бога Брахмы) – потомками ариев (точнее, индоариев – той их части, которая, покинув Русскую равнину, пришла в Индию). И мы вправе задаться вопросом, а не стоит ли Нижний Новгород на месте некогда священной территории древних ариев, которую древние русичи соотносили с островом рахманов? Не слишком ли много указаний на это?

По статусу столицы и центра мироздания в более поздние времена эти острова стали называть блаженными. О названии Рахмы. Из каких только языков не пытаются выуживать его значение – из мордовского, тюркского, татарского (со смыслом один смешнее другого). Но корни его санскритские, древнеарийские. Связано это слово с рахманами – мудрецами, проживавшими на рахманском острове (острове блаженных) посреди Океана (Русского моря-океана). Имя “рахман” означает “Рая человек”, “райский муж” (сравни английское “man”). Свои священные пределы арии соотносили с местом, где находилась столица Атлантиды. Помня, в отличие от нас, о глубокой святости Дятловых гор, они восприняли древнейшую традицию атлантов. Нижегородская отчина – блаженный край! Душа поет, не слова, а песня!

До основания Нижнего Новгорода на Ярилиной горе (выше по Оке от Благовещенского монастыря) находилось поселение, “старый городок”. По совокупности источников краевед И.А. Кирьянов определяет его местонахождение в районе Ярильского оврага (300–400 м выше Казанского вокзала вверх по Оке). “Нашим обследованием в 1954 г. установлено наличие в этом районе на оползне в полугоре остатков вала – части укрепления “старого городка”. Вал сохранился на протяжении 20–25 м, тем не менее,

он носит ясно выраженный характер искусственной насыпи. В районе вала при обследовании были обнаружены также фрагменты орнаментированных русских глиняных сосудов, датируемых по аналогиям XI–XII веками” (Кириянов И.А. К вопросу о времени основания города Горького). Сохранилось имя старого города – Абрамов. Легенда, записанная П.И. Мельниковым-Печерским, соотносит его с Абрамкой, “правителем соседней мордвы”. Но имя это не мордовское (почему-то никто об этом не пишет). Еврейским его признавать тоже не стоит, поскольку выходцы из Палестины еще не добрались до русских пределов, а приписывать мордве XIII века изучение Библии вряд ли кто решится. Имя Абрамов – один из древнейших топонимов нашего края, и означает он “место Бра(х)мы”. Угро-финские народы усвоили это имя от проживавших в этих местах потомков ариев (русских). Именно правитель мордвы был назван по имени городка, а не наоборот. Точно так же, как и Дятловы горы получили свое название вовсе не от имени проживавшего на них колдуна Дятла. Пора снять налет сказочной информации в дошедших до нас исторических сведениях и связать сохранившиеся топонимы с мифами предков, осваивавших наш край.

В скандинавских сагах упоминается город Хольмгард – “город на острове”, находящийся где-то на востоке. Обычно под ним понимают Новгород, но это предположение выглядит странно, поскольку он стоит не на острове и даже не на полуострове. А вот Ока, Волга и Рахма (у станции Мызы она почти соединялась с Окой) образовывали остров, на котором находился священный город Брахмы. Иоакимовская летопись упоминает его как град Бьярмы и называет “град Великий”. От его имени получила название и историческая область Бьярмия на севере Восточной Европы, которая неоднократно упоминается в скандинавских сагах и древнерусских источниках. Город на Ярилиной горе был ее столицей и духовным центром. Легендарный новгородский князь Буриной нашел здесь спасение после нападения варягов (начало IX века), а сын Буриной Гостомысл, согласно Иоакимовской летописи, приезжал сюда и просил местных волхвов дать пророчество ему о будущем наследнике.

Скептически настроенный читатель в этом месте должен хмыкнуть, мол, так не бывает: столица Атлантиды, Китеж, город Бьярма – и всё в одном месте. А лично по мне, если за всеми этими символами стоит глубинная традиция, то только так и бывает. Вот только задумайтесь: улица, идущая по откосу вдоль берега Оки к Ярилиной горе, называется Барминской (Бьярминской). Скажете, опять случайность?..

6. Герб города и сеймино-турбинский культурный феномен

Герб Нижнего Новгорода утвержден Екатериной II в 1781 году. На нем “в белом поле красный олень, рога и копыта черные”. Но историки и геральдисты до сих пор спорят относительно правомерности такого выбора. Одни эксперты ссылаются на указ царя Алексея Михайловича от 1666 года об изготовлении гербового знамени, где говорится: “Печать Нижегородская, на ней лось ступает”. Другие ссылаются на “Роспись всем государевым печатям 1626 года”, составленную в Посольском приказе после большого московского пожара. В росписи сказано: “Печать Нижегородска: олень, под оленем земля”. Исследователи мечутся между двумя версиями и не могут обосновать, почему же все-таки выбор был сделан в пользу оленя. Если лоси в нижегородских лесах еще не редкость, то вот оленей давно уже не сыскать. С какой стати тогда на гербе изображен олень?

Не знаю, сколько нижегородских историков изучали историю герба города. Может, десятки, а может, даже сотни. Сколько кандидатов и докторов наук преподавали эту тему с кафедры или заслушивали публичные прения. Но всем им “утер нос” исследователь-любитель Дмитрий Владимирович Квашнин. Он привел в качестве нового документа оригинальную (гербовую) печать Новагорода низовских земель образца 1577 года (рис. 17). Изображенное на ней животное имеет бородку и винтовые рога. Квашнин упомянул также: “В более поздней версии печати (в копиях оригинала. – А. А.) борода аккуратно “сбрита”. <...> Серьезным и грамотным историкам пришлось взяться за ластик и карандаш и исправить досадную ошибку изготовителей печати, то есть вместо странных спиральных рогов “взрастить” роскошные ветвистые рога неправильному зверю” (Квашнин Д.В. Город-на-реке-Ра. Нижний Новгород, 2015). Очень деликатно выражается Дмитрий Владимирович о жуликах, облеченных степенями и званиями. Но, с другой стороны, оригинал никуда не делся, вот и рис. 17 выложен в свободном доступе в Интернете. Почему же никто из нижегородских историков даже не поднял этого вопроса? Так и хочется сказать многоученым профессорам: богатыри – не вы...

Рис. 17. Печать Новагорода низовских земель 1577 г.

Бородка у животного на печати козлиная, вот и нижегородцы, по свидетельству Гиляровского, называли гербового оленя веселой козой. Что же до спиральных рогов на голове, то такими чудными “локонами” обладает только горный козел мархур. В народе его называют винторогим туром (рис. 18). Есть у него и козлиная бородка, так что Д.В. Квашнин блестяще разгадал тайну печати 1577 года. По мнению исследователя, винторогий тур был на гербе города во времена Ивана Грозного, и это есть наш изначальный нижегородский символ.

Мы разделяем этот вывод. Но он, высвечивая проблему в новом свете, вместе с тем выдвигает новые вопросы. Прежде всего, каким образом культ горного козла попал к нижегородцам? Винторогий тур распространен в Гималаях, Тибете, Афганистане и Таджикистане. Всё это области, крайне далекие от нас. Всякий государственный или городской символ должен быть понятен его гражданам. Как объяснить рядовому нижегородцу появление горного козла на гербе его города? Вот на гербе Самары изображена коза. Геральдисты не знают, какие причины тому способствовали, но они хотя бы могут заявить, что козы водятся в Самарской области. По схожим соображениям и геральдисты времен Алексея Михайловича и Екатерины Великой, зная о мархуре на печати, делали выбор в пользу лося и оленя. Первый просто жил у нижегородцев под боком, а о втором рассказывали охотники, да и сохранились легенды. Это рациональное объяснение. Современные историки вполне довольствуются им, не чувствуя, что за каждым изображением на гербе или печати стоит многотысячелетняя традиция, связанная с историей наших предков. В любом гербе таится глубинный смысл, замешанный на мифологии и языческих верованиях человечества. Вместе с тем необходимо и очень серьезно отнестись к выбору оленя (лося как промежуточной фигуры), и учесть время, когда он делался. Посвященные знают больше, до простых смертных они доносят только то, что им следует знать. Прикоснуться к их заповедному знанию – значит,

**Рис. 18. Мархур – винторогий тур
(горный козел)**

раскрыть тайну происхождения нижегородского герба. Как же все-таки переплелись пути северного оленя и южного тура на Нижегородской земле?

Проследим вначале, как формировался культ оленя-лося у наших предков. Охотники на северного оленя – это каменный век, который нерасторжимо присутствует в верованиях наших праотцов. Этнографические данные свидетельствуют, что у индоевропейцев существовал широко распространенный культ небесного оленя-лося (оленя с золотыми рогами, оленя-прародителя). На стоянке верхневолжцев Сахтыш 8 (Владимирская область) было найдено три глиняных диска с точечным рисунком. На каждом из дисков, которые сохранились полностью, есть рисунок, изображающий голову оленя, и отверстие для привешивания. Северный олень тогда еще обитал на просторах между Окой и Волгой. Важнейшее созвездие северного полушария – Большая

Медведица – на Русском Севере называлось “Лосём”, “Сохатым”. Эти имена, пришедшие из палеолита, являются словами современного русского языка.

Наступление лесов и отступление тундры на север практически исключало встречи жителей междуречья с оленями. Как конкурент оленя на роль тотема-прародителя выходит на сцену медведь. Его изображение присутствует, например, на гербах Ярославля, Перми, Марий Эл (на гербе Сергача медведь и олень разделяют пальму первенства). Волосовцы в роли тотема-прародителя мыслили также водоплавающих птиц. Этот феномен связан с тем, что они заселяли земли, занятые ранее Русским морем-океаном. Название города Гусь-Хрустальный имеет сакральное значение и демонстрирует незримую связь ныне живущих людей с верованиями предков. Со временем культ оленя-лося уступил свое место медведю и уточке-гусю. Звездные Лосихи (или Лосиха с лосенком) стали именоваться Большой и Малой Медведицами. До сих пор художники хохломы разрисовывают диковинными узорами деревянные уточки. Мы любуемся ими и покупаем в подарок друзьям и близким, но не задумываемся о глубинном смысле своего подарка и о времени возникновения его образа у наших предков. А каждая уточка – это обращение к нам из прошлого, беззвучный клич, который уже мало кто слышит...

Рис. 19. Писанка (разрисовка пасхального яйца) с двумя оленями

На рубеже мезолитической и неолитической эпох на скалистых берегах Онежского озера и Белого моря появляются изображения, свидетельствующие о древней сакрализации образов водоплавающей птицы и оленя (лося), присутствующих постоянно в сценах, имеющих мифологический, ритуальный характер и связанных с оплодотворением, рождением и смертью. Причем очень часто эти два образа – гуся и лося – перерастают один в другой. Тако-

вы лады с носовой частью в виде рогатой лосиной головы на длинной гусиной шее, гусь с лосиными рогами, рогатые гуси, лось во главе идущих в ряд гусей, изображение лося среди гусей.

Образ прародителя оленя-лося обнаруживается и на юге России. Сюда он пришел вместе с верхневолжцами. Среди изображений на писанках, хранящихся в Львовском этнографическом музее, есть изображения двух оленей (рис. 19). Верхневолжцы, как мы писали ранее, создали хеттскую цивилизацию. На рис. 20 приведено изображение хеттского бога природы. Нам почему-то кажется, что это лось. Забавное дело, но по одному рисунку можно высказать догадку о прародине народа. Образ оленя-лося пришел в Малую Азию, где его восприняли скифы (рис. 21) и распространили вплоть до Центральной Азии, а это в том числе и Таджикистан – один из ареалов мархура. На рисунке у скифского оленя необычные рога, каких не найти в природе. Скифские мастера творчески подходили к изображению тотемного животного, внося в изображение подчас фантастические детали. Но в случае с мархуром и выдумывать ничего не надо было. У индоевропейцев, оказавшихся в центрально-азиатских областях, мархур стал одним из олицетворений божественного оленя.

Рис. 20. Хеттский бог природы

Рис. 21. Золотой олень из скифского кургана VII–VI вв. до н.э.

Мархура называют также туром (точнее, винторогим туром), то есть диким быком. За переменной имени всегда прячется какая-то загадка. Почему горного козла стали именовать быком? За ответом следует обратиться к мифологии.

Бог Тур относится к числу важнейших русских богов, основательно позабытых современными академическими учеными. Выдающийся русский фольклорист Александр Сергеевич Фаминцын (1841–1896) в книге “Божества древних славян” показал, что Тур – это символ солнца и связанного с действием света плодородия. Тур олицетворяет собой и свет возрождающегося солнца. Это выражается в малорусских колядках и сходных с ними польских, где речь идет о многорогом или златорогом (сияющем) звере туре или туре-олене. В галицко-русской колядке зеленая дубрава говорит:

*Ой шумью, шумью, бо в себе чую,
Бо в себе чую дивное зверя,
Дивное зверя Тура-оленя,
Шо на головце девять рожечков,
А на десятом терем збудован...*

В польской колядке рассказывается, как хозяйка взглянула на поле
*И увидела зверя тура,
Зверя тура, имеющего золотые рога.*

В сербской колядке святой Петр изображается едущим на златорогом олене. Золотые рога имеют значение света или солнечных лучей. Великорусская свадебная песня рассказывает о таком же златорогом или белом олене, освещающем весь двор своими рогами:

*В тех ли лугах ходит олень,
Ходит олень – золотые рога...
Тут пришел Андрей господин,
Встречю ему белой олень...*

Олень-то ему и обещает:

*Станешь жениться, я на свадьбу приду,
Золотые рога я с собой принесу,
Золотыми рогами весь двор освещу.*

То же самое подтверждается и сербской песней:

*Что блестит у зеленого леса:
Солнце это или месяц?
Это не солнце, это не месяц,
А два золотые рога оленя.*

Такое же значение следует приписывать появлению Тура на Святках или накануне Нового года в Великой и Малой Руси, а также в Польше, где рождественские колядники ходили в старину местами с набитой волчьей шкурой или же с “туром” (древним аналогом мешка Деда Мороза). В святочных маскарадах на Руси ходила фигура, которая так и называлась Туром. Обычай вводить в хату настоящего быка в первый день Рождества соблюдался в XIX веке, помимо Поднестровья, еще и в Сербии.

В памяти нашего народа сохранились отрывочные воспоминания о ярмом туре – светлом, весеннем, плодотворящем быке бога-громовника. Эпитет “ярый” указывает на творческие силы весны и роднит тура с именем древнерусского Ярилы. С названием Тура нераздельны понятия о быстром движении и стремительном напоре: туровый, туркий – скорый, поспешный; турить – ехать или бежать скоро, гнать кого-нибудь (протурить – выгнать, вытолкать), туриться – спешить. В дальнейшем, производном значении “ярый тур” стал означать “храбрый, могучий воитель”, как можно видеть из эпических выражений Краледворской (польской) летописи:

То Вратислав как тур ярый вскочил...

Ипатьевской летописи:

Храбор бо бе (Роман), яко и тур...

и “Слова о полку Игореве”, которое величает князя Всеволода – яр-тур или буй-тур (буйвол; яр и буй выступают здесь синонимами).

Название праздника “Туры” или “Турицы” у галичан и словаков свидетельствует о почитании Тура как божества. Причисление церковью этих празднеств к языческим и запрещение пастве принимать в них участие подтверждают это. В честь Тура еще в XIX веке пелись весенние песни на территории от Ростова и Переславля-Залесского до Нижнего Новгорода. В Костромской губернии исполнялась следующая весенняя “семицкая” песня:

*Ой Тур, молодец удалой!
Он из города большого,
Вызывал красну девицу
С ним на травке побороться.
Ой, Дид-Ладо! Побороться.*

В этом вызове Туром красной девицы – “на травке побороться”, несомненно, проявляется похотливая природа весеннего бога.

В мифологии козел – один из символов похотливости, поэтому представление Тура в его образе более чем оправданно. Если в поведении козла традиционно выделяют повышенную сексуальность и связанную с ней агрессию, то коза служит символом плодородия. Коза на гербе Самары – это священная турица, почитаемая жителями города с древнейших времен и служащая его оберегом. И тут опять хочется согласиться с Квашниным, предлагающим видеть на изначальной гербовой печати Нижнего Новгорода турицу-мархура. Все-таки насколько тоньше и изысканнее древнейшие изображения символических прародителей мира в виде пары оленей или пары лосей. Одиночный зверь на гербе символизирует свои природные качества и связанные с ними ассоциации, но соотносить его с прародителем мира, тем более самцом, уже, мягко говоря, сложнее. Впрочем, это трудность всех патриархальных религий.

Олень, лось и винторогий козел – три разных образа бога Тура. В XVI–XVII вв. их изображения конкурировали за право оказаться на гербе города. Первые два были “привязаны” к местным традициям. Третий выглядел инородным. Но как он вообще попал в нижегородские земли? Какие племена принесли сюда культ Тура в виде мархура? Нам почему-то кажется, что сделали это потомки верхневолжцев и хеттов, вернувшиеся на свою прародину. Откуда такое предчувствие? Представляется необычным, что оленя тоже стали называть туром. И винторогому козлу, и оленю дали по второму имени, которые совпали между собой. Трудно отрицать, что эти образы сознательно хотели соединить под общим символом. Это все равно что племя, почитавшее оленя, объединялось с племенем, почитавшим мархура, и они договаривались называть своих верховных богов одинаковым (другим) именем, которое было для них священным.

Рис. 22. Оленные камни – массивные отесанные каменные плиты с рисунками. Чаще всего на плитах изображался олень. Рисунок выбит на поверхности или нанесен охрой. Датируются поздним бронзовым и началом железного века. Встречаются на Алтае, в Тыве, Монголии, Китае

Сакральное “Тур” увековечилось в бесчисленном множестве географических названий, свидетельствующих о чрезвычайной популярности этого божества. Фаминцын указывал, что на территории России существовали многочисленные города и селения, реки, озера с именами, образованными от корня “тур”, причем их география простиралась на огромных пространствах от Тобольской (города и селения Тура, Туринск, Нижне- и Верхне-Туринск, приток Тобола – Тура) и Енисейской губерний (город Туруханск, приток Енисея – Турухан) до Минской, Киевской и Варшавской. Кроме того, множество топонимов с данным корнем находилось в Чехии, Моравии и Германии (например, широко известная область Тюрингия). Имя Тура звучит и в некоторых названиях немногочисленных местностей в Австрии, Швейцарии, Италии (Турин) и даже Франции (город Тур). Выделяя европейский “вектор” распространения культа Тура, наш выдающийся соотечественник, однако, не упомянул об азиатском направлении. И здесь в первую очередь вспоминается государство Турция и страна Туран в Центральной Азии (ее упоминает “Авеста”). Бога Тура почитали на огромных пространствах Евразии, но только в разных местах изображали в разных обликах. В широких евразийских пределах – в виде оленя или лося (хетты), а вот в центральноазиатских – в виде винторогого козла. Надо теперь только объяснить, как изображение мархура попало на нижегородскую печать.

В 1912 году во время саперных работ около станции Сейма был обнаружен могильник бронзового века (II тыс. до н.э.). Дюна левого берега Оки, сохранившая памятник, занимает господствующее положение над местностью. Она вдается в пойму реки, возвышаясь над нею примерно на 18 метров, так что с ее верхней площадки просматривается вся округа. Раскопки Сейминской дюны, продолжавшиеся до 1940 года, открыли здесь стоянку XII–X вв. до н.э. Могильник состоял примерно из 50 неглубоких могил. В каждой из них лежал скелет с богатым погребальным инвентарем, состоявшим из бронзовых массивных браслетов, ножей, кинжалов, втульчатых наконечников копий, втульчатых топоров-кельтов, множества кремневых стрел, ножей и других орудий. Были обнаружены также остатки янтарных украшений. На той же дюне, на месте могильника, в более раннее и в более позднее время располагалось несколько поселений. От них остался сильно перемешанный культурный слой с остатками жилищ, кострищ и материальной культуры от развитого неолита до эпохи поздней бронзы (II тыс. до н.э.).

Сейминская стоянка получила мировую известность, подтвердив, что территория России пережила бронзовый век – до этого считалось, что обитавшие здесь племена перешли от каменного века сразу к эпохе железа. Найденные в могильнике артефакты – искусно выполненные и украшенные топоры-кельты, наконечники копий, боевые ножи с ручками художественного литья, долота, шилья, браслеты украшают многие музеи мира. Следы пребывания сейминцев находят на огромной территории – около трех миллионов квадратных километров: от Саяно-Алтая до западной и северной части Европы. Это были воины-коневоды. Характер инвентаря могильника позволяет говорить о его восточном, зауральском происхождении. Его связывают также с Турбинским могильником на Каме (у города Перми), отсюда и название общей для них культуры.

Историки гадают, с какими историческими народами следует связывать сейминцев. Наша версия – это те из них, которых объединял культ верховного бога Тура. На наше счастье, круг этих народов легко восстанавливается, поскольку это имя бога использовалось для их племенных названий. В “Авесте” и среднеиранской литературе упоминается Туран – исторический регион в Центральной Азии, включавший территории современных Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и северные провинции Афганистана и Пакистана. В интересующий нас период он был населен

скифскими иранскими племенами с общим названием “тура”. Напомним, что это как раз те области, где обитает мархур. Туранцы – это арийцы, сохранившие верность солнечным богам и не принявшие зороастризм. Они появились на просторах лесостепной Евразии более трех тысяч лет назад и постепенно расселились от Центральной Монголии до Нижнего Дуная. Входя в контакт с другими индоевропейскими народами и смешиваясь с ними, они вступали в религиозное и культурное взаимодействие. Так, в частности, видимо, произошло и с турбо-сейминцами, которых мы считаем потомками хеттов.

Во второй половине II тыс. до н.э. в Евразии сложился уникальный союз индоевропейских народов, почитавших бога Тура в качестве верховного божества. Вдоль побережья Черного моря от Дуная до Херсонеса (развалины на окраине современного Севастополя) обитало племя тавров, древнейшее население южной части Крымского полуострова (Таврики). По-гречески “тавр” значит “бык”, это эквивалент русского тура, поэтому племя тавров по-русски следовало бы называть турами. Очевидно, что такое самоназвание народа происходило от имени бога Тура, которому он поклонялся. У древних греков сохранились старинные сказочные предания, что к северу от Греции появились особые чудовища, у которых зад и четыре ноги были конские, а грудь, голова и руки – человеческие. Эти чудовища, названные греками кентаврами, отличались крайне свирепым нравом, превосходно стреляли из луков и были благодаря быстрому конским ногам совершенно неуловимы, причем, по греческим сказаниям, между этими кентаврами и греками когда-то происходили кровопролитнейшие битвы. “В этих сказочных преданиях греков о кентаврах, – пишет замечательный русский историк А. Нечволодов, – на первый взгляд, совершенно невероятных, есть, однако, большая доля правды. Жестокие битвы греков действительно происходили с пришельцами с севера, метко выпускавшими стрелы из своих луков и постоянно появлявшимися перед противниками верхом на быстроногих конях, с которыми они, казалось, составляли одно неразрывное целое. Вид этих конных и неуловимых пришельцев, издали поражавших врагов из своих луков, а затем свирепо нападавших на полном конском скаку, особенно поражал греков, так как греки, поселившись в своей гористой стране, мало пользовались лошадьми, сражались пешими и были плохими наездниками. Тем не менее, несмотря на весь ужас греков, эти северные пришельцы были не сказочными чудовищами, а настоящими людьми. Это были, конечно, наши славные предки, славяне, и именно те племена, которые дали начало великому русскому народу. Идя из своей далекой Арийской родины по нашим привольным южным степям, они покорили во время этого длинного и долгого пути главного тогдашнего обитателя Русских степей – дикую лошадь, и сделали себе из этого борзого скакуна вернейшего и преданнейшего друга; сроднившись с ним, предки наши стали лучшими в тогдашнем мире наездниками и конными стрелками и наводили ужас на все народы, которые пытались им сопротивляться”. Имя “кентавр” следует читать как “конный тавр” или “конный тур”.

Сеймо-турбинцы идеально подходят на роль северных кентавров. Фараоны писали о турсах – “народе моря”, напавшем на Египет в XIII–XII вв. до н.э. Историки недоумевают, с берегов какого моря пришли захватчики? Наш ответ – с берегов Волги, которая по древней традиции мыслилась морем-океаном. С сеймо-турбинцами в нижегородские пределы пришел культ бога Тура. Его символичные изображения в виде оленя-лося и мархура конкурировали между собой при выборе герба города. Выбор в пользу оленя представляется нам абсолютно оправданным и в историческом отношении глубоко содержательным. Он объединяет людей, живших на Нижегородской земле на протяжении тысячелетий, и служит важнейшим доказательством древности нашей истории.

Вместо заключения

Семь с половиной тысяч лет русской истории

“Повесть временных лет” начинается с фразы: “По потопе трое сыновей Ноя разделили землю...” Традиционно ее не расценивают как важное историческое указание, и не комментируют. Это неправильно. Ноев (или последний гросвальдовский потоп) произошел в 5,6 тыс. до н.э., и значит, русская история насчитывает семь с половиной тысяч лет. Другое дело, что летопись ничего не говорит о ее начале. Первые сколько-нибудь содержательные сведения относятся к приходу славянских племен на Русскую равнину в середине I тыс. н.э. Монахи-летописцы и их духовные наставники отрезали у русских целый пласт истории народа, дорогу длиной в шесть тысяч лет. Отсюда происходят многочисленные заблуждения и разнообразные русофобские мифы, которыми кормят нас со времен Ломоносова.

Академическая наука в качестве постулата восприняла один из них, будто бы русские берут свое начало от дунайских славян, пришедших в наши края. Это заведомая ложь, против которой выступал еще Михаил Васильевич. Если кто-то думает, что в его негодование против академиков-немцев таилась ерунда, несходство в отдельных позициях, то это не так. Наши профессора-академики учат нас, что родина русских – центральная Европа (прародина славян), а на Русской равнине мы пришельцы. Стартуя с этих позиций, они, естественно, приходят к утверждению, что никаких русов (предков русских) в Волго-Окском междуречье вплоть до прихода славян не было. Кто же тогда здесь проживал, если есть следы древних археологических культур? Угро-финны, решили горе-ученые. Так возник миф об угро-финнах, заселявших наш край с глубокой древности, миф устойчивый, но в корне неверный.

Историк Михаил Леонидович Серяков в 2016 году выпустил книгу “Великое начало. Рождение Руси”, где связал начало русской истории с племенами балановцев, пришедшими в Волго-Окское междуречье. Анатолий Алексеевич Клёсов на основе ДНК-генеалогии утверждает, что русские – потомки ариев, и потому первых русов междуречья соотносит с фатьяновцами. Но историю русского народа следует еще более удревнить, и включить в нее верхневолжцев, строителей подлинного града Китежа. Следы его будут обязательно обнаружены на месте нынешнего Городца. В науке правильная постановка задачи – это “половина” ее решения. Следует искать следы потопа, смывшего город в конце IV тыс. до н.э. Для геологов это задача вполне решаемая. Впереди и новые археологические открытия на Ярилиной горе. Город Браммы существовал! Присмотритесь внимательней к карте на рис. 12. Фатьяновская и балановская культуры примыкают друг к другу у знаменитой Стрелки. Это был общий центр двух родственных культур со святилищем и поселением жрецов на Ярилиной горе. Не случайно русские князья сразу же после завоевания города Браммы возвели на его месте Благовещенский монастырь.

В первом тысячелетии Нижегородский край активно заселяли угро-финские племена. Но они пришли на земли древних русов, коренных обитателей междуречья. Историки недоумевают, куда пропали племена муромы и мери. Но разгадка этой “головоломки” предельно проста. Это как раз и были те древние русы, которые приняли и ассимилировали волну угро-финских переселенцев. Ростов Великий – столица мери, а Илья Муромец – олицетворение прародителя муромы. Здесь “русский дух”, здесь “Русью пахнет”.

А задумывались ли вы, почему в названиях народов междуречья распространена корневая основа “мр” – мурома, меря, марийцы, мордва? А потому, что пришли эти

народы на территорию, где раньше было море. Ранее оно плескалось на месте Муромы и примыкало к Моршанску. Илья Муромец изначально прозывался Моровцем, то есть Морским. Для обретения силы он выпивает ведро пива. На символическом языке это означает рождение богатыря на месте морской пучины. Илья Моровец по-другому – Ил Морской (имя прародителя связывается с историей муромы – ее поселением на месте затопленных ранее территорий).

По-фински “meri” означает “море”. Следовательно, народ “мери” – это “поморы”. Как и “марийцы”, унаследовавшие имя уже от русского слова “море”. Название “мордва” возникло из словосочетания “море-диво” (в санскрите “deva” – “бог”), что можно считать калькой моря-океана. Мордовское племя “эрзя” – это русы, а имя одного из его князей – Пургаса – происходит от санскритского “purgo-ga” – “вождь, предводитель народа”. Имя племени “мещера”, населявшего Поочье, происходит от санскритского *miçra* – “соединенный, смешанный”. Как и меря с муромой, оно включало в себя как финнов, так и русов. Причем, доля русов в них была достаточно велика. Во всяком случае можно уверенно говорить о существовании альтернативного Киеву союза народов в Волго-Окском междуречье, объединившего русов, славян и финские народности. Именно здесь и формировалось со средних веков ядро будущей России.

Алексей Савинков

Битва Кощея с Иваном (глава из “Иван-сказки”)

Горы, горы, перевалы,
То проходы, то завалы,
То ущелья, то долины,
Реки змейками, стремнины.
То родник, то шумный ключ,
То шиповник, весь колюч.
Облака, снега Эльбруса
Узнают походку руса.
Булава сшибает скалы,
Рубит меч врагов завалы!
Торный путь ему знаком,
Яр ведет его тайком!

Загрос в дымке. Из-за гор
Едет дядька Свято-Гор,
Сочиняет Ману-Тору
Для племянника Егора.
По написанному Гором
Учат мантры в школе хором!
Волхв седой – Хранитель Книги –
Уплетает с медом фиги.
Кто забыл про Яра Дана,
Выдает по три щелбана,
Спутал локоть и аршин,
Ищет угол у вершин.
Где растет ливанский кедр,
Велики богатства недр,
Отдают росткам все соки,
Лишь бы помнили уроки.

Всё отчетливее гам,
Строго пишут по слогам:
– Финист-Кия, Пале-стан,
Су-Мер-рий, И-Яра-Дан.
Рус + Лена, Яра-Рат...
Здесь начало предков, брат!
Я б клубок распутать рад,
Но песок засыпал град,
Основал что Вольга-муж,
Да прошел потоп к тому ж!

Время скачет неустанно,
Узы, связи рвет нежданно.

Бехистун. В скале записка.
Хилый кустик тамариска.
Пыль веков. Песок да гравий.
Ваня глаз прищурил правый:
– Тыщу лет я не был здесь!
Как бы мне повыше влезть?
Ни дубов, ни даже пня!
Кто подскажет, где родня?
По какой же рода Мати
Тут картавят дети Хатти?
Круто местность изменилась.
Может, правда, всё приснилось?
Где поля и хаты русов
Со столицей Хаттуса?
В них народ в плечах дородный,
Сев на месяц плодородный,
Сеял, веял, молотил,
На войну не тратя сил.
Всё их тратил на друзей,
Так, что сам попал в музей!
Еле-еле оклемался
И опять к друзьям подался!
Сколько ж можно раз с добром
Лезть к врагам с открытым ртом?!
Помогать им безвозмездно,
А себя ввергая в бездну
Войн, раздоров и вражды,
Бедствий, мора и нужды,
Доводя до нищеты
Ради сует и тщеты?!
Стоит хлебушка не дать,
Жмотом тут же можешь стать!

Озабоченный Иван,
Словно в бурю капитан,
Развернул корму по курсу
И направил нос на Бурсу.
За лесистой грядой
Снова грядка, стой не стой.
Положеньё стало шатким,
Нет второй у нас лошадки.
Как на грех то иль назло,
У коня седло сползло!
Коли случай путь прервал,
Сделать надобно привал!

Меркнет свет у горизонта.
Черный Ветер вроде с Понта?
С ратью темной грозовой

Сам Кощей летит на бой!
Как же выручить Ивана?
Ну, не знаю! Врать не стану.
Понабрал злодей дружину,
К сапогам прибил пружину.
В Доме Бая на Кавказе,
Для костей надыбав мази,
Спрятал ключик заводной
Между пяткой и спиной.
Западню устроил Бес,
Знал бы Ванька, не полез
Головой своей навстречь,
Понадеявшись на меч!

Рукою ладонью грея,
Узнает Иван злодея:
– Что ж, придется попотеть,
Порубить в капусту медь.
Золоченые доспехи
Сталь расколет, как орехи!

Предстоит неравный бой.
Солнце скрылось с глаз долой.
Пыль столбами до небес,
Ветер с корнем валит лес.

Вспомним, Ванька наш не робкий,
Сдвинул вместе хмуры бровки:
– Здравствуй, Ветер, брат морей,
Не признал меня, Борей?!

– О-го-го, знакомый голос,
На головке русый волос!
Ты ли, Ванька-Соловей,
Что гоняет голубей?!

Вставил Ванька пальцы в рот,
Свистнул так, что вышиб пот!
Между туч раздался рокот,
Раскатился Ветра хохот!
Закачались горы, ели,
Черти точно поседели!

Ветер тучам встать велел
И к Ивану полетел.
Зашумел, завыл на миг
И щенком у ног затих.
– Извини, Вань, не признал,
В общем, баста, всё, привал!

С Бела моря-окияна
Привязался, окаянный.
Веселил меня порой,
Прятал тучи за горой.
Рад, нашел я снова друга,
И за мной должок-услуга.
Свистни в небо пару раз –
Пред тобою, как Пегас!

– Что ж, спасибо за подарок.
Жду я тут охрану Мары!
Отдохни, мой друг могучий,
Аспид! Выгляни из тучи!
Эй, начальник, плешь твою,
Испытай Судьбу в бою!
В пасти дух свой грей не грей,
Я – Дракон, а ты лишь Змей!
От русалочки одной
Заговорчик водяной
Для тебя, злодей, припас.
Не решишь, так сдашься щас!
Я, воспитанный весталкой,
Заучил с пелен считалку...
Вышел месяц из тумана,
На носу по три кармана,
С четырьмя сенями солнце,
А в доме одно оконце.
Водит Коло хоровод...
Отгадай, что это? ...
(Год!)

Грохот слышится мощей,
Из-за туч летит Кощей.
Вмиг на “встречной полосе”
Предстает во всей красе!
Весь залатан и зашит,
Выше роста медный щит,
По краям щита пиявки –
К драке злобные заявки!
Обстановкой озадачен,
Нашим Ванькой одурачен:
– Ну, подумаешь, загадка,
Хоть бы дырн какой, рогатка.
Так, никчемные слова,
А в расход-то – голова?!
Хрен с Деревни-на-Дону,
Жизнь – горчицей на кону?!
Плюс на минус вроде плюс,
В школе я мотал на ус!

Как-то просто, что я злюсь?
Да, сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь!

Ребра сжались, свисла челюсть,
Нервный тик на роже – прелесть!

– Что-то ты, костлявый, сник?!
В детстве было не до книг!
Дергал девок за косички,
А в пенале прятал спички!
Посмотрите на бойца –
Сабля в виде огурца!

Глухо дернулся кадык,
Опустился книзу клык.
Ощетинились железки,
Как жестянщика обрезки.
Заскрипел мешок костей,
Засверкал огонь речей:
– С дураками вечно бьюсь,
От загадки развалюсь?!
Стой, Иван! Опомнись, глупый,
Я тебе не пестик в ступе!

– Я знаком с коварством ступ!
Ваня вышел на уступ:
– Ладно, слушай, при прощанье
Дал я Бабе обещанье!
У меня оно святое!
Слышь-ка, дело непростое
Помирить тебя с Ягою,
Подготовить чресла к бою.
Слишком ты, товарищ, пылкий
Для объезженной кобылки.
Но любовь указ не любит,
Страстью норов приголубит!
Вам что поле, что кровать,
Было б где повоевать
На мечях иль без оружия,
Веселуха – жизнь супружья!

Опустил Кощей забрал.
Чтоб Семаргл его задрал!
Ну, никак ему нейдет,
Что Иван над ним смеется.
С неба капает вода,
На дрожжах растет беда.
В бой рванул коварный змей,
Прицепился, что репей.

Ваня голову снесет –
Тут же новая растет.
Рубит тело в колбасу,
Лишь морщины на носу!
Крутят беса злые боги,
Молодеют руки, ноги.
С булавы лихи удары,
Прибавляют битве жару.
Вот уж плавятся доспехи,
Наш Иван дает огрехи.
Слабина растет в руках,
Дрожь в коленях и ногах.
Без стратегии и плана
На измор берут Ивана.
Неожиданный прием –
Со спины удар копьем!
Покачнулся парень наш,
Вспомнил Раду и шалаш,
Грудью пал на острый камень,
Веки скрыли боль и пламень,
А душа, как мотылек,
Что случилось, невдомек!
Бьется крыльями с испуга,
Как ей быть одной без друга?
Без сознания душа
В нас не стоит ни гроша!

Ветер взвыл, со зла могуч,
Сгреб в охапку стадо туч,
Белый свет затмил, что ночь,
И понес Кощея прочь!
Между гор нашел провал,
Где сам черт нос не совал!
Затащил его в пещеру,
Приковал все члены к Меру,
Завалил песком следы
И лишил навек воды!

* * *

Тихо стало на планете,
Солнце ласково не светит.
На камнях лежит Иван,
В небе кружится сапсан.
Горе вдребезги разбилось,
Жива в баночке разлилась,
Проникает Ване в рану...

Мойры пляшут, врать не стану.
Стонет бедный Ваня тихо,
Отступает Горе-Лихо.
Рядом рдеет встань-трава,
Оживает голова.
Наполняя силой члены,
Заиграла кровь по венам.
Мать-земля поит росой.
Сокол тут как тут с козой:
– Эй, пора вставать, Иван!
Печень мне, тебе баран.

– Не баран то, а коза!
Нешто минула гроза?!
Трет Иван висок, коленку,
Оживает помаленьку.
Растянулся рот в улыбке:
– Исправлять пора ошибки!
Что живой, спасибо Раде,
Быть недолго мне внакладе!
Враг коварен! В этот бой
Хитрость в помощь нам с тобой.
Попадетса в сети плут,
Есть капкан с его же пут!
Принеси дрова к костру,
Я же высеку искру.
Подкрепимся после боя,
Нет отставки для героя!
Меч на месте и колчан,
Забродивший с квасом жбан!
Нужен мне с Кощеем мир,
Силам зла устроим пир.
Я, признав за ним победу,
Приглашу его к обеду,
Короч хлеба насушу,
Жажду в горло напущу!

Тихо вее ветерок,
Раздувает костерок.
Погрузился в сон Иван,
Ветер шепчет Ване план.
Карту чертит, сеть дорог,
Где Кощей запёрт в острог.
Так учиться бы во сне
Всем хотелось, да и мне!

Утро хворь рукой смело,
Вспомнил мать, в снегу село.
Вспомнил дело непростое:

– Время трачено – пустое!
Путь с аршин, коль цель близка.
Песнь, лети! Умри, тоска!
Верный конь, скачи по скалам,
Расквитаюсь с зубоскалом!
Он железка, а не сталь,
Шерсти клочок еще не шаль!
Без победы поединок?
Зуб даю, сожру барвинок!
Право дело верой свято,
Зло поплатится треклято!

Сверху тают ледники,
Поят влагой родники.
Средь расщелин серых плит
Камень розовый торчит.
Сокол клювом камень щёлк!
Искры высек, сам, как волк,
Отскочил на верх сосны.

– Чтоб меня сковали сны!
Чтоб я в муках страшных сдох
От укуса черных блох!
Любопытство не порок,
Русский воин не игрок!
Если драка – то всерьёз,
Если отдых – то до слёз!
Ваня взмахом булавы
Отломил кусок скалы:
– Не возьму никак я в толк –
Под рукою будто шёлк.
Не про этот ли булыжник
Объяснял мне чернокнижник?!
Ну-к подай мне меч сюда!
Тронул раз, сталь, что слюда,
Засверкала, заблестела!
– Чёрт возьми! Вот это дело!
То-то меч давал осечку,
Остригу теперь овечку!
За обиду отплачу,
А тебе найти свечу,
Хоть лучину на крайняк!
Что? Перун хватил, столбняк?

Смотрит Сокол на Ивана:
– Как пробить мне слой тумана?
Крылья мокрые еще,
Дай мне руку иль плечо!

– Не серчай, пернатый друг,
Я к словам твоим не глух.
Склон, приняв тепла глоток,
Поднимает ввысь поток,
С ним те горы просто кочки,
У тебя всего две ночки!
Где пещера за рекой,
Ждет реванш нас, а не бой!

Позади крутой карниз,
Птица вверх, а конник вниз.
Жбан привязан под седлом,
Корка хлеба мокнет в нем.
Бродит Ваня по лугам,
Выбирает что-то там,
То понюхает цветок,
То потрогает листок,
Рвет со всех кустов плоды –
Гор невиданных дары.
Наконец лизнул один,
Рот скривил и глаз за ним:
– Черти, Злыдни! Буду гадом,
Для перцовки то, что надо!
Вот удача, вот так случай,
Мне попался перец жгучий!
Для Кощея будет пойло,
Жеребца поставим в стойло!

Жаля – под земь, скука – прочь!
Впереди, однако, ночь.
Здесь и сделаем привал,
У подножья Дивьих скал!

Кинул в жбан Иван стручок,
Шлем повесил на сучок.
Отпустил коня на травку,
Смастерил из елок лавку.
Сил набраться вам не шутки,
Завалился спать на сутки!
Храп его качает горы,
Позабылись звери в норы.
Мишка бросил мед сосать
И полез в берлогу спать!

В третий день “герой” проснулся,
Почесался, потянулся.
На очаг казан поставил,
По рецепту щи заправил.
Прояви в тот раз сноровку,

Не страдала б так головка,
Не скучал бы в поле конь,
Не трещал меж дров огонь!
Щей наелся воин наш,
Шлем надел, поднял “палаш”,
Затрубил в олений рог,
Боги с ним и с ним Сварог!
Заклинанье произнес:
– Жди нас в гости, волчий пес!
Выноси меня, скакун,
Ждет тебя кобыл табун!

Конь заржал что было сил,
Горы мигом проскочил.
За вершинами в снегу,
Между скал на берегу,
Перепрыгнул с ходу речку...
Лаз в пещеру – это нечто!
Ад кромешный, вниз провал.
Ваня: – Тпр-р-у-у-у! – коню сказал!
– Ты к кобылкам не спеши,
Погуляй-ка тут в тиши!

Дым густой окутал ноги,
Замер лес вокруг в тревоге...

– Доскакались! Вот так место
Честь искать! Уж лучше тесто
Мне взбивать для пирогов
Женам всех моих врагов!
Но мечта и сердца зов
Заставляют бросить кров.
Где ж ты, птах, запропастился?
Чтоб огнём твой хвост побрился!

Громкий клёкот, свист с небес,
Мчится Сокол, гнется лес.
В лапах свечки и кольцо –
Прям как в байке про крыльцо!
Хохолок взъерошен в стойке,
Будто выскочил из койки.

– Я лечу! – услышал фразу,
Полегчало Ване сразу.
– Знал же я, ты парень бойкий,
Завернул попутно к сойке?
Дай колечко посмотреть,
Может, это только медь?

– Изумруд, скажи, стекляшка?!
Я ж “Орёл” тебе, не пташка!
Прилетел из туч, не с печки,
Забери пока ж то свечки!
Где я был и с кем дружу,
Я тебе потом скажу!
И у птиц секреты есть,
Клюв даю, яйцо не снести!

– Ну, “Орёл”, давай свечу,
В темень ею посвечу.
Мрак от света тает вмиг
Со страниц культурных книг,
Эта заповедь – потомкам!
Подержи-к мою котомку!

Бросив взгляд поверху скал,
Ваня влез в дыру-провал,
Спичкой чиркнул, свет зажѐг:
– Жбан не зря я свой сберѐг!
Аромат на три версты,
Прячут все носы в хвосты!

Застонал в углу Кощей,
Эхо вторит из щелей.
Встрепенулись ада твари,
Налетели, скалят хари!
А Ивана распирает,
Меч, как щепки, всех кидает,
Отгоняет от свечи,
Раздавая калачи.
Бьет налево, бьет направо,
Поубавилась орава.
Визга нет, не слышно баса –
Не прошло и получаса.
Сгибли тени в черноте,
Ужас ёкнул в животе!
Тишина пьяна мертвецки,
Страшно стало не по-детски!

– Ваня! – скрежет из угла:
– Дай попить, весь высох я!
И пожрать чего-нибудь,
Милосердным братом будь!
Давит цепь мне под ребром,
Буду век тебе рабом!
Разруби мне тяжки цепи,
Станешь богом, как Асклепий!

– Фу ты ну ты! Вот и узник,
Всех чертей моих союзник!
Вытирает Ваня пот,
Улыбается, как кот.
Сжал язык, припрятав мат,
Прирожденный дипломат!
– Жаждал я с тобой сразиться,
Да с больным чего возиться.
Нет ни славы, ни почета.
Драки нету – нету счета!
Ваня к тени подступает,
С горла цепь одну снимает,
В рот кладет ему сухарь:
– На, поешь, змеина тварь!
Что тебя спасаю тут,
Боги вряд ли мне зачтут!
Злом подкованная вша,
Что в тебе Яга нашла?!

Заскрипел Кощей, как ель,
Точно мышь попала в щель:
– Не могу я проглотить,
Дай же мне воды попить!

Долго ждал Иван момент,
Что ж, готов почти клиент!
Достает заветный жбан,
Подает ему стакан:
– Пей, засохшая скотина,
Не смотри, что сверху тина!

Мары вспомнил пленник слово,
Лишь глоток – бессмертным снова
Станет он, Кощей, над миром,
Править лично будет пиром!
Жадно брагу пьет, не воду,
Всем назло, и даже Роду!

– Выпил весь стакан до дна?!
Ну, Кощей, тебе хана!
Захмелел?

– Горю внутри!
Ой, спаси! Ой, помоги!

– Перестань визжать, как рысь!
Так! Давай, Кощей, колись!
Мне в аду спешить не надо!

Где секрет, с чего бравада?
Ни усталости, ни боли,
Сила есть, а нету воли?
Не пойму тебя никак,
Не помог мне акинак?..

– Стой! Лады, лады, лады!
Мне б один глоток воды!
Сзади есть секретный ключик,
Бес мне дал на всякий случай!

– Сам бы я не догадался,
Век, как с Бесом поругался?!

– Сбегай, друг мой, за водой –
И Кощей навеки твой!

Ваня левою рукой
Вынул ключик заводной.
Череп, кости, глаз-алмаз!
– Вот так штука, вот те раз!
Удивлен я без прикрас,
Беса профиль и анфас,
В треугольнике зрачок!
От бессмертия крючок?
Не игла, не гвоздь, не шило!

– Что-то, Ваня, мне паршиво?

– Камень бросил – вслед волна,
Жаждал власти – пей сполна!
Полезай без слов в мешок,
Не прошел покуда шок!
Свистнул Ваня потихоньку,
Ветер поднял их легонько,
Будто ждал дружка привет,
С ними выскочил на свет.

Обнял Ваню, пнул мешок:
– Я исправил свой грешок!

– Здравствуй, Ветер, мой поклон,
Заровняй-ка этот склон.
Покажи нам неба силу,
Запечатай ад-могилу!
Так! Рассказывай мне, птичка,
Где ты взял кольцо и спички?

– Я два дня, как гриф, голодный...
Дождь застал в горах холодный,
Я летал и там и тут,
Чуть отвлекся от маршрута!
Зяблик мне попался в лапы,
Я с кольцом, кричит, от папы!
Мне его вручили крабы,
Жениху отдать бы кабы
И от дочери поклон.
Дал кольцо и смылся вон!
У тебя же нет живицы,
Думал, мне кольцо сгодится.
Спички сцапал по пути,
Да сглупил разок, прости!

– За кольцо тебя прощаю,
Не со зла ты прятал, знаю!
Соколихе думал дать,
Сам пустил тебя летать!
Да закрой свое клевцо,
Дай ту лапу, где кольцо!

Кто же знал там про субботу,
Ветер взялся за работу.
Завалил провал камнями,
Вырвал дерево с корнями,
Корнем вверх поставил ствол,
Бесам знак – осины кол!

– Вот спасибо! Ты свободен!
Посмотри, где бродит Один.
Погоняй над ними тучки,
В Илион веди за ручки.
Передай там весть для Рады,
Что навел в аду порядок!
Что Кощея одолел,
Сам едва не околел,
То настой от смерти спас,
Ей спасибо! В добрый час
В мир лети, мой друг, и рей,
Зло гони, Добро лелей!

Потеплело, стихло сразу.
Не обедавши ни разу,
Ваня пухнет с голодухи,
Крик лебяжий режет уши –
Пробрало аж до костей.
“Как там родина, ей-ей?”

Постелил кафтан расшитый
И заснул, как сыч убитый!

Снится красный сарафан,
От реки молочной кран,
В красном золоте осина,
Желты кудри у русина,
Девиц белых хоровод,
Посередке круга Род.
Жарят молодцы гуся,
Только сказка тут не вся!
В круг примятые былинки,
Чур на страже по старинке
Охраняет древний род
И того, кто сказ ведет!
– Чур меня! – успел сказать,
Что теперь с поэта взять?!
Перед странствием в Ливан
Пусть поспит дня три Иван!
Но будить его не надо,
А то с ним не будет сладу.
Кто ему мешает спать,
Может в ухо схлопотать!

Примечания

- Яр** – божество весеннего плодородия. Веселый и разгульный, бог страсти и удали.
- Святогор** – в восточнославянской мифологии богатырь-великан. Относится к наиболее древним героям русского былинного эпоса.
- Веды** – знание, мудрость (санскрит), древнейшие священные писания.
- Ману** – в ведийской и индуистской мифологии древний мудрец, родоначальник человеческого рода. Законы Ману – памятник древнеиндийской литературы, приписываемый традицией легендарному прародителю человечества.
- Тора** – учение, закон (иврит), так называют Пятикнижие Моисеево.
- Мантры** (санскр.) – священный текст в индуизме и буддизме.
- Финикия** (= Ханаан) – древнее государство на восточном побережье Средиземного моря с центром в современном Ливане.
- Палестина** – историческая область на Ближнем Востоке, охватывающая примерно территорию современных сектора Газа, Израиля, Голанских высот.
- Шумер** – первая письменная цивилизация, существовавшая на юго-востоке Междуречья Тигра и Евфрата в IV–III тысячелетиях до н.э. Шумеры – народ, заселявший Южное Междуречье.
- Иордан** – река на Ближнем Востоке, впадает в Мёртвое море.
- Русена** (Арсава) – союз городов-государств (Русь Средиземноморская) – древнейшее название Палестины (<http://www.litmir.net/>).
- Гильгамеш** (Вольга-муж – авт.) – царь шумерского города Урука (конец XXVII – начало XXVI в. до н. э.).
- Бехистун** – скала на территории современного Ирана. Означает “Бога стан!” На ней высечена надпись древнеперсидского царя Дария I (522–486 гг. до н.э.).
- Хатгуса** – столица древнего Хеттского царства.
- Бурса** – крупный город на северо-западе Анатолии.
- Понт** – Чёрное (Скифское) море. В греческой мифологии это имя носил бог, олицетворявший море.
- Домбай** (Домбайская Поляна) – горная территория на Северном Кавказе (Россия).
- Борей** – в греческой мифологии олицетворение бурного северного ветра.
- Весталка** – жрица богини Весты в Древнем Риме.
- Коло** – круг, колесо, знак, символизировавший круговое движение солнца (Хорса) по небосводу и подземному морю мрака.
- Семаргл** – древнерусское языческое божество.
- Жаля** (Желя) – богиня сострадания, рока, обрядов проведения тризны по усопшим.
- Дивьи скалы** – Дивьи горы, Дивья пещера, Дивьев камень. Легенды о дивьем народе на огромных просторах Руси могли “застыть” в названиях скал, пещер (vantit.ru).
- Меру** (или Сумеру) – священная гора в космологии индуизма и буддизма.
- Мойры** – греческие богини судьбы.
- Лихо** – в восточнославянской мифологии дух зла, несчастья, олицетворение горя.
- Асклепий** – в древнегреческой мифологии бог медицины и врачевания.
- Илион** – другое название Трои.
- Жива** – западнославянское женское божество, богиня жизни и плодородия.
- Чур** – в славянской мифологии бог межи, по ту сторону которой – смерть.

Алексей Малышев

АРСА-РУСЬ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

1. Историю Нижегородского края начинают изучать подробно с момента основания Городца и Нижнего Новгорода. До этих событий ограничиваются общими рассуждениями по поводу того, кто здесь жил и когда сюда пришли славяне. Наверное, такой дискурс оправдан, так как ему способствуют и дошедшие до нас письменные источники, и обширный археологический материал окрестностей Нижнего Новгорода. Но есть огромный, абсолютно неизученный исторический пласт прошлого нашего края, который можно назвать “дославянским”, так как он охватывает I тыс. н.э. – тот период, когда о славянах в междуречье Волги, Оки и Суры еще не знали.

Этот период принято считать “темным”, неизведанным. Профессор ННГУ Ф. Селезнев в своей монографии [1] уделил ему всего несколько абзацев. В них он вкратце дал общую характеристику живших здесь тогда народов, их быта, культуры, образа жизни, после чего перешел к приходу славян, датированному началом II тысячелетия, и истории Нижегородского княжества. Действительно, при практически полном отсутствии каких-либо письменных источников нижегородские историки, говоря о I тыс. н.э., как правило, ограничиваются общими положениями и нейтральными формулировками. А суть их в том, что финно-угорские племена, жившие в междуречье Оки, Волги и Суры, находились в стадии разложения патриархальной общины, по существу не имели ни письменности, ни государственности, ни упорядоченного социального устройства. До недавнего времени считалось, что даже хлеборобство пришло к ним вместе со славянами, а уж неперенный рассказ о том, что местные мордвины и их соседи прятались и отсиживались по лесам, давно стал общим местом исторических сочинений. Данная точка зрения сложилась не вчера, и для ее возникновения были свои причины. Она до сих пор превалирует в региональной историографии и влияет на выводы местных археологов и краеведов.

Тем не менее предки наших финно-угров упоминаются уже в знаменитой “Истории” Геродота (середина I тыс. до н.э.). В числе северных соседей скифов, владевших Восточно-европейскими степями, Геродот упоминает племена тиссагетов, которых современные историки соотносят с народами городецкой археологической культуры, населявшими Волго-Окское междуречье во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. [2] Племена городецкой культуры активно взаимодействовали со своими степными соседями – скифами (поначалу) и сарматами (позже). Можно думать, что основанием для такого взаимодействия послужило не только тесное соседство, но и общность происхождения. Согласно последним выводам генетиков и те и другие были потомками выходцев из единого этнического пространства времен бронзового века [3]. Контакты между коренными жителями Среднего Поволжья и сарматами подтверждают археология, антропология и лингвистика.

Воинственные сарматы, обладавшие высокой культурой и развитым общественным строем, активно влияли на своих лесных соседей, привнося в их среду элементы своего мира. В конце I тыс. до н.э. самым могущественным среди сарматских племен были аорсы. Древнеримский географ Страбон писал: “...Они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они ведут караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния

они носят золотые украшения” [4]. Также он указывал, что аорсы очень сильны и способны выставить огромную армию. На основании его сообщений можно сделать вывод, что могущество аорсов простиралось до лесов и лесостепей Волго-Окского междуречья. Имя “аорсы” (“арсы”) в переводе с иранского языка, на диалектах которого говорили сарматы, означало “белые”, “чистые”. Откуда такое название?

Аорсы были огнепоклонниками и чтили пророка Заратустру, основателя учения (религии) зороастризма. Самым почитаемым цветом этой религии был белый. Жрецы Заратустры были правящей кастой в сарматском обществе, свои ритуалы они проводили в белых балахонах. По отличительному признаку священной касты жрецов получили имя и подчиненные им племена. Важно добавить, что Арса (Арта) было названием Всемирного закона, которому, по учению зороастрийцев, подчиняется всё в нашем мире. По этому имени вся территория, контролируемая аорсами, стала Арсой, тогда же примерили на себя это название тиссагеты – предки волжских финнов.

Имя “Арса” пришло на берега Оки и Волги, вероятно, на рубеже тысячелетий, в период наивысшего могущества аорсов. Согласно “Авесте” один из поселков зороастрийцев находился на Волге (река Ранху), там, “где были лютые холода и иноземные правители”. У Птолемея (II в.) наряду с сарматами-аорсами упоминаются некие арсии-ты, которых можно соотнести с жителями Среднего Поволжья [5]. Имя аорсов осталось в названиях городов Рязань и Арзамас и в имени поволжского финно-угорского народа эрзя, с которым и связана древняя история Волжско-Окско-Сурского междуречья.

Судя по археологическим данным, эрзянский этнос складывался из местных жителей и пришлых кочевников. В 1963 году близ села Андреевка (Большеигнатовский район Мордовии) был раскопан курган, содержащий более полусотни могил. находки в нем сочетали элементы городецкой культуры, сарматские вещи и предметы, принадлежащие “Римскому миру”. Особенно много было в захоронениях оружия. Курган датируется первыми веками нашей эры. Ученых поразило обилие оружия в захоронениях: мечи-палаши, метательные копья с двушипными наконечниками, большие копья в металлических футлярах, наконечники стрел, кольчуги, шлемы, а также богатая конская сбруя. В ногах у захороненных воинов лежал раб со связанными руками, а в изголовьях – целая связка человеческих челюстей, видимо, вырезанных у убитых противников. Но главным открытием стали многочисленные вещи, привезенные из Средиземноморья: застежка плаща римского легионера, итальянская чаша, иноземные пряжки. Археологи определили, что это были сарматы, но не те, которые обитали в степях между Волгой и Доном, а самая восточная отрасль сарматского племенного союза – саргаты, жившие на берегах Оби и Иртыша. Оружие андреевских воинов напоминало вооружение сибиряков-саргатов, и, судя по всему, до того, как пришли в Поволжье, они успели покорить с римлянами, а может быть, и послужить им наемниками. Эти люди находились в гуще событий тех времен, а в Поволжье пришли как завоеватели, принеся сюда разрушения и смерть [6]. Некоторые археологи полагают роль саргатского элемента преувеличенной, видя родину агрессоров в Прикамье [7]. Однако доводы о том, что безжалостные захватчики были саргатами, звучат весомее. Скорее всего, войско саргатов вобрало в себя союзных сарматов и вторглось в Среднее Поволжье, приведя в движение родственные им племена потомков ананьинской и пьяноборской культур.

Что привело жителей Сибири в Поволжье? Саргатская культура – одна из самых мощных сибирских археологических культур железного века. Саргаты отличались воинственностью и держали в повиновении все окрестные народы. Тем не менее что-то заставило их покинуть берега Тобола и Иртыша. Можно предположить, что саргатская культура к концу I тыс. до н.э. пришла в упадок. Возможно, это связано с укреплением прототюркских и других племен и их давлением на саргатцев. Но вряд ли могучие вои-

ны не могли постоять за себя. Скорее их исход следует объяснять усилившейся засухой в сибирских степях, продолжавшейся несколько столетий. Саргаты прошли по коридору между Южным Уралом и Каспием, и, выйдя во владения сарматов, влились в их мир. Так, оружие саргатского типа в одних и тех же временных слоях находят не только в Поочье, но и, например, на Дунае.

Первые отряды саргатов появились в бассейне Средней Оки в конце I – начале II в. Эти группы захватчиков были немногочисленны. В их числе были и “классические” сарматы, влияние которых на культуру завоевателей сохранялось на протяжении всего ее существования. Освоение захваченных территорий закончилось в III – начале IV в. Весь период обустройства на новой родине пришельцы поддерживали тесные связи с населением Приуралья и Прикамья, что говорит об их культурной и генетической близости. Находки из Андреевского кургана дали ключ к объяснению памятников I–III вв., обнаруженных в Рязанской области, на правом берегу Средней Оки, и в южной части Нижегородской области – в Волжско-Окско-Сурском междуречье, а также в Мордовии. На этих территориях складывалась средневековая мордва, и эти памятники принадлежали ее предкам.

Археологов всегда поражала крайняя милитаризованность предков мордвы: были вооружены почти все мужчины и даже женщины. И если в могильниках балтских или славянских культур из металла были сделаны в основном орудия труда, то большая часть металлических изделий из древнемордовских захоронений – оружие, причем самое современное на тот момент. Перед исследователями открылась настоящая древняя цивилизация, возникшая задолго до прихода славян. Создатели этой цивилизации – носители рязано-окской культуры – приняли в разной степени активное участие в этногенезе крупных волжско-финских народов: мордвы, мери, муромы и марийцев.

У археологов нет сомнения, что захватчики принесли в Поочье и зачатки государственности, так как на означенной территории установился единый политический строй с четко выстроенной социальной иерархией. У рязано-окцев существовала письменность. Ученые, изучавшие культуру их могильников, убеждены, что знаки, процарапанные на различных предметах, могли быть местной системой письма, возникшей под воздействием сарматов [8]. Аорсы-арсы Среднего Приочья были в кратчайший срок ассимилированы пришельцами, а их влияние, власть, политический строй, керамика, костюм и погребальный обряд распространились на все Волго-Очье. Саргаты, завоевавшие в начале I тысячелетия население городецкой культуры, стали основой древней мордвы. Сами себя племена, возникшие в результате слияния завоевателей с аборигенами, называли арса, что впоследствии перешло в эрзя [9].

Первым упомянул “мордву” византийский историк Иордан при перечислении народов, покоренных королем готов Германарихом: “...thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Inniscaris Rogas Tadzans Athaul Nauego Bubegenas Coldas...” [10]. Во II веке готы, жившие на южных берегах Скандинавии, двинулись вглубь континента. Они прошли современные территории Польши и Украины, вышли к берегам Черного и Азовского морей и создали в Северном Причерноморье свое государство. К IV веку область расселения готских племен простиралась от Северского Донца на востоке до Карпат и нижнего Дуная на западе. Во второй половине IV века готы под предводительством Германариха расширили свою державу до Среднего Поволжья. К этому времени как раз и относится упоминание мордвы Иорданом. Таким образом, середину IV века можно (условно) считать датой первого упоминания мордвы в письменных источниках.

Изучая древнее прошлое нашей Родины, мы привыкли акцентировать внимание на судьбе восточных славян. Но при этом зачастую в тени остается древняя история

становления других народов, в том числе мордвы. А в ее истории готы сыграли очень важную роль, может быть, даже более важную, чем в истории славян.

Готы интересовали земли Волго-Окского междуречья, богатые рудой и другими полезными ископаемыми. Пожарища и разрушения на городищах Волго-Донского раздела III–IV вв. археологи связывают с приходом готов на Среднюю Волгу [11]. Естественно предположить, что после ряда столкновений готы заключили военный союз с предками мордвы на правах вассалитета и втянули их в орбиту своих войн с римлянами. В таком случае народ *mordens* наряду с другими народами, перечисленными Германарихом, был более союзником, нежели подданным готов, а его военная верхушка была встроена в социальную иерархию готской “империи”. Археологические исследования указывают на тесный союз рязано-окцев с готами. В национальном костюме рязано-окцев много готских элементов. Оружие арсов-*mordens* было ничуть не хуже готского, а короны родовых вождей напоминают короны готских королей. И в более поздние времена жители Поочья активно контактировали с метрополией, находившейся в Причерноморье. Предки мордвы были северо-восточным легионом готской империи, державшим в повиновении Среднее Поволжье.

В IV–V вв. основным занятием населения Среднего и Нижнего Поочья была война. Битвы с соседями и в дальних походах утвердили за рязано-окцами репутацию безжалостных и кровожадных “охотников за головами”, оставляющих за собой горы трупов. “Бесспорным доказательством тому служат находки огромного числа привезенных издалека вещей-трофеев. Среди них не только украшения, но и прежде всего оружие, предметы конской сбруи, пряжки, украшения пояса – то есть те вещи, которые могли быть только трофеями, но не предметами торговли” [12]. Для дальних переходов использовались реки: зимой воины передвигались по льду, а летом плыли на ладьях. Направления походов и их цели, по всей видимости, согласовывались с готами, которым отходила определенная доля военной добычи. Всё это говорит в пользу того, что в первой половине I тысячелетия в Среднем Поочье и прилегающих районах существовало “варварское” королевство, активно участвовавшее во всех событиях того времени. Оно было первым восточно-европейским государственным образованием, возникшим ранее и легендарной Биармии, и первых тюркских каганатов.

На оформившийся в рамках королевства союз готов с арсами следует взглянуть еще с одной стороны, обычно замалчиваемой. В Прибалтику готы приплыли всего на трех кораблях, и здесь им противостояли руги (русы), бывшие правящей на побережье воинской кастой [10]. Столкновение переросло в союз, и скандинавы, вобрав в себя воинственных русов, возглавили движение племен к южным морям. Слово “гот” – не этноним в своем глубинном смысле. Самоназвание готов звучало как *got-tiuda*. Первую часть этого словосочетания можно сопоставить с германским “бог”, а вторая – воспроизведение имени “чудь”. Готы – “божья чудь” или “божьи люди” – противопоставляются просто чуди, под которой понимались балты и финны. В языке готов слово “рос” означает “слава” [13], что вполне соответствует привилегированному положению росов (читай, готов) по отношению к чуди. Готы-росы были правящей кастой воинов королевства. Их можно назвать “готской русью” – сословием воинов, членами которой стали также и воины-арсы. На земле арсов и в союзе с арсами “готская русь” основала свое королевство. Рязано-окская культура, вобрав в себя готов, сложилась в развитое общество с социальной иерархией, идеологией, самобытной культурой и письменностью.

Гипотезы о “готской руси” высказывались ранее. Они варьируются от утверждений, что Русь напрямую выделилась из огромного государства готов, до предположений, что готы, пришедшие в Северное Причерноморье, соединились с аланами и антами (в которых видели предков восточных славян) и сформировали этническое ядро

русского народа на юге Руси. В 50–60-х годах XX века в Советском Союзе эта теория имела официальную поддержку, однако после “оттепели” была забыта, уступив место другим версиям. Новизна нашего исследования связана с предположением о существенной роли готов в Волго-Окском междуречье. Они повлияли на развитие государственности волжских финнов, влившись в военную аристократию этих племен. На земле арсов, и в союзе с арсами, “готская русь” основала свое королевство – одно из первых государственных образований в Восточной Европе. Рязано-окская культура, абсорбировав в себя готов, сложилась в развитое общество с социальной иерархией, идеологией, самобытной культурой и письменностью.

В своем эпосе арса-эрзя сберегла память об этом государстве как о “Золотом веке” существования ее предков, “веке правителя Тюшти” – “Тюштян пинге”. В мордовских языках слово “тёжа” значит “тысяча”, Тюштя (дословно) – предводитель тысячи. В мордовских преданиях вождь Тюштя, которого мы отождествляем с титулом готского правителя *tiudos*, имеет все атрибуты царской власти. У него “дворец” (“палаты”), трон (“серебряный пень”) и жезл как символ власти [14]. Границы его владений “очерчены мечом” [14]. Он окружен старейшинами, дружиной, слугами, то есть “королевским двором”. Вождь одет в “железный зипун” (кольчугу), на голове у него “железный колпак” (шлем), он подпоясан “железным поясом”, на ногах “из железа лапти”. Он “сидит за столом... по-эрзянски пишет” [14]. Нет сомнения, что все это – память о древнейшей государственности в бассейне Волги и Оки.

Власть “готской руси” распространялась на всю область расселения волжско-финских племен. Под их руководством жили предки мери, муромы, марийцев, мордвы. Политический центр этого союза племен находился в Среднем Поочье, возможно, в районе Старой Рязани. В VII веке на “королевство” Тюшти обрушились кочевники-тюрки из причерноморско-азовских степей, и большинство городищ и селений рязано-окцев погибли в огне пожарищ. Нашествие не затронуло земли Волжско-Окско-Сурского междуречья, но священный центр “королевства” был разрушен и выжжен, и основная масса предков мордвы ушла от набегов вниз по Оке, ближе к рекам Шокша и Тёша. В том, что рязано-окцы в середине I тысячелетия мигрировали на Нижнюю Оку, где стали предками эрзян, не сомневался, в частности, исследователь мордвы П. Степанов. Он полагал, что определяющая роль в формировании мордвы принадлежит переселившимся в Нижнее Поочье рязано-окским племенам, вступившим в тесные контакты с местными угро-финнами. К началу II тысячелетия переселенцами было освоено уже всё Нижегородское правобережье Волги – основная территория обитания эрзи до XVI века [15]. Со Степановым соглашались В. Мартьянов и Д. Надькин, приводя в качестве дополнительных доказательств данные лингвистики и материалы по мордовскому костюму [16].

Видимо, с этим нашествием и последующей гибелью “королевства” связаны сюжеты мордовского эпоса об исходе мордовского народа во главе с Тюштей. Нашествие врагов прервало “Золотой век”, и Тюштя увел свой народ, спасая его от “неверных” [17]. Предание стало эхом воспоминаний об исходе народа арса с берегов Средней Оки. Нет, разумеется, финны не исчезли в VII веке из Среднего Поочья, но политический центр здесь был уничтожен, его разгром спровоцировал продвижение в Поочье вятичей и ассимиляцию ими оставшихся аборигенов. Развитие волжско-финских народов с этого времени шло в регионах Волго-Окского и Волжско-Окско-Сурского междуречий. В этой связи любопытно название реки Тёши, в бассейне которой остановилась часть эрзян. Название Тёша, возможно, связано с легендарным правителем Тюштей (Тёш-атя). Мельников-Печерский записал легенду о том, что название реки Тёши происходит “от имени мордовского князька по имени Тёш” [18]. Каста воинов-руссов во

главе с *tiudos*, состоявшая из местных и пришлых бойцов, правила в V–VII вв. на землях Среднего Поочья. И *tiudos* – Тюштя увел арсов с берегов Прони и Пары к берегам Шокши и Тёши. Здесь была основана новая Арса – предтеча Арзамаса. Единая прежде политическая общность распалась, разделилась на три центра. Именно об этих центрах писали арабские путешественники.

2. Речь идет о знаменитых сообщениях арабских географов, в которых говорится о трех группах русов. Впервые этот рассказ появился у ал-Балхи, который в начале X века составил географический труд “Карта климатов”. Позднее книга была обработана и дополнена выходцем из Южного Ирана ал-Истархи [19]. Рассказ в изложении ал-Истархи гласит: “Их три группы. Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он [город] больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийа, и [третья] группа их, называемая ал-Арсания, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они [жители] убивают всякого чужеземца, приходящего в их земли. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и металл [20]. Уже более двухсот лет ведутся споры о местонахождении и этнической принадлежности этих русов. Учитывая специфику нашей отечественной историографии, традиционно под Куябой понимают Киев, под Славией – Новгород, и только местонахождение Арсании с самого начала исследований вызывало споры, которые не кончаются до сих пор. Скудость и запутанность сведений географов IX–X вв. о местонахождении Арсы позволяла историкам произвольно переносить ее из одного конца Восточной Европы в другой.

Одна из первых версий помещала ее в Волго-Окский регион, где находились созвучные ей города Рязань и Арзамас и проживал народ эрзя. В первой половине XIX в. Френ, Оссон и Савельев, исходя из созвучности топонимов, уверенно заявляли, что Арса (Арсания) – страна мордвы-эрзян с центром в Арсе-Арзамасе. Другие ученые, такие, как Нидерле, Шахматов и Щеглов, связывали Арсу с Рязанью. Волго-Окский регион был основным местом поиска Арсы. Исследователи, даже не согласные с локализацией Арсании в Арзамасе или Рязани, все равно искали какую-то территорию в бассейне Волги и Оки, не сомневаясь, что речь идет именно об этом регионе.

А вот в советское время в поиски Арсании вмешалась идеология. Советская историческая школа проповедовала тождество руси и славян, а так как никаких славян в VIII–IX вв. в Поволжье не было, то и местонахождение третьей столицы русов в Волго-Окском регионе стали считать ошибкой. Например, академик Рыбаков под Арсой видел город Родню на Днепре, в устье реки Рось, в 100 км от Киева [21]. Позднее он перенес Арсу в Чернигов. Другими учеными была предложена версия, что Куяба – это Киев, Славия – Чернигов, а Арса – Новгород-Северский (Черниговская область).

Советские историки пытались перенести нахождение трех “русей” в центр этногенеза восточных славян, поближе к матери городов русских. Когда ошибочность таких суждений стала очевидной, исследователи, махнув рукой на славян, стали искать Арсанию во всех концах Восточной Европы. Ее предполагали в Скандинавии или Дании, доказывали, что Арса – это остров Рюген на Балтике. Анатолий Абрашкин связывал ее с Русским каганатом в междуречье Северского Донца и Дона [22]. Искали Арсанию на Урале, в Прикамье и даже на Волыни и в Полесье. Праславян пытались разглядеть в Среднем Поволжье (именьковская культура, IX век). Некоторые исследователи утверждали, что Арсания – страна буртасов на Средней Волге. Высказывалось мнение, что Арсания располагалась в Сибири и имела название Лукоморье. Страну Арсу даже

пытались отождествить с ветхозаветной местностью Арсарет, куда удалились десять колен израилевых.

Но этот же период поисков избавил ученых от идеологических шор и вынудил историков вернуть Арсу на ее законное место – в Волго-Очье. К этому времени все уже поняли, что поиски Арсы зашли в тупик, и было решено признать Арсу (Арсанию) топонимом Волго-Окского междуречья. В арабских русах советские историки планировали увидеть славян или норманнов. А когда это не получалось, готовы были видеть кого угодно, только не угро-финнов, обитавших в Среднем Поволжье. Народам мордвы, мери, муромы и мари отказывали в праве называться русами и вообще в праве иметь хоть какие-то признаки цивилизации. Это не согласовывалось с концепцией российской историографии. Первенство и монопольное право на этноним “русь” в ней принадлежало славянам.

Но так было не всегда. Ученые XIX века соотносили арсу с мордвой-эрзей. В период становления российской исторической науки, когда исследователи были свободны от этнических уз, было широко распространено мнение, что имя “русы” носили волжские финны. Российские ученые XVIII – начала XIX в. уверенно связывали финно-угров с этнонимом *русь*. Этнограф И.-Г. Георги писал: “Финские народы, или Древние Русы, суть коренной России народ, которого имя только Россия на себе носит, а язык его древний, от смешения соседства и после соединения со Славянами, совершенно почти исчез... Народ сей от древних чужеземных дее-писателей назывался Цимбрами, Киммерами, Сарматами, Гофами и Гетами; а от Северных домашних Ютнарами, Рисарами, Ризами и Русами. <...> По пришествии на княжение Рурика, да и прежде уже столько перемешались и породнились со Славянами, что напоследок стали составлять один народ; есть однако ж и по днесь особенные роды того древняго Русскаго народа, известные ныне под названием *Финских народов*, и суть: *Лопари, Финны, Латыши, Мордва, Вотяки, Тетяры, Вогулы, Остяки* и прочие посторонние малые поколения...” [23]. Знаменательно, что первую часть своего труда Георги назвал “О народах Финнского племени, известных по Истории Российской под общим именем Руссов”.

В 1867 году член Императорского археологического общества Д.Ф. Щеглов в своем “Опыте изложения первых страниц Русской истории” убедительно обосновывал, что “...все три Русския племени, называемыя арабскими писателями, составляли ничто иное, как три племени волжских Финнов” [24]. В 1881 году русский архивист Стасов, вступая в спор западников и славянофилов по поводу этнической принадлежности русов ибн-Фадлана, отстаивал их волжско-финское происхождение, проявляемое и в религиозных, и в бытовых, и в погребальных обрядах [25]. Его остроумное и вместе с тем глубокое исследование до сих пор не потеряло своей актуальности. Вслед за ними востоковед Д.А. Хвольсон утверждал: “Имя Русь не было дано нынешней России Варягами, но было туземным у нас именем и употреблялось уже очень рано в обширнейшем смысле” [26]. Уже позже, когда история стала наполняться идеологией и в ней оформлялись академические догмы, посягать на которые стало кощунственно, про связь руси и волжских финнов забыли. Однако если беспристрастно взглянуть на сообщения арабов, то становится очевидным, что речь в их “дорожниках” идет о волжских финнах и ни о ком ином.

Арабы говорили, что русы-арса живут на острове, размер которого три дня пути в длину и ширину. Ибн-Русте сообщает: “Остров, на котором они живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги” [27]. Такого острова нет в центре Восточной Европы, но речь может идти о любом участке суши, окруженном водой. Это могут быть и реки, ограничивающие определенный регион с четырех сто-

рон. Если Арса находилась в Волго-Окском регионе, то необходимо выяснить, что арабы могли иметь в виду под островом русов размером в три дня пути?

Арабские путешественники достаточно хорошо знали реки Восточной Европы, и, думается, подразумевали местность, ограниченную реками. Знаменитый российский арабист Заходер писал: “Вот каталог рек, имеющих отношение к географии Восточной Европы и описанных более-менее детально в Худуд-аль-алам: река Рас в северных пределах; безымянная большая река в округе гузов, “темная и зловонная”, которая проходит среди пределов кимаков, киргизов, гузов и впадает в Хазарское море; река Арташ – большая, темная, с пресной, пригодной для питья водой, она течет между гузов и кимаков, доходит до селения Чубин и впадает в Итиль; река Итиль, “громадная и широкая”, начинается к северу от реки Арташ, проходит среди кимаков и впадает в Хазарское море; река Рус проходит за пределами “Уртаб (Арта), Саклаб (Славия), Куяйфа (Куяба), которые являются городами руссов”, затем идет “по пределам кипчакским, поворачивает к югу к пределам печенегов, впадает в реку Итиль”, наконец “река Рута, которая выходит из той горы, что на границе между печенегами мадьярами и руссами”, течет по пределам руссов и славян, “идет затем к городу Хурдаб” (Арта? – *авт.*) [28]. Что можно почерпнуть из приведенного отрывка? Река Рус – это Дон. Он и вправду проходит за пределами городов русов, а то, что впадает в Итиль (Волгу), объясняется тем, что реки близко подходят друг к другу.

“Большая река, которая проходит среди кимаков, киргизов, гузов” – это Волга. Кимаки, киргизы и гузы – это кочевники, обитавшие в степном Поволжье и Заволжье. Река Рас – это опять-таки Волга. Так называли ее участок от верховий до устья Камы. Это название Волги закрепилось потом в языке эрзян в виде Рава, где “Ва” – мать-богиня. Рас-Волга начинается к северу от реки Арташ. Следовательно, Арташ – Ока, к северу от которой действительно начинается Рас-Волга. В полном соответствии с описанием Ока впадает в нее. Арташ фонетически соответствует имени Арса-Арта. Смущает только, что “она течет между гузов и кимаков”, но тут арабы вполне могли иметь в виду один из правых притоков Оки – Цну или Мокшу, истоки которых находятся в степной местности, куда действительно подходили кочевники. Народ арса жил на берегах Оки. Рута – это Сура, она выходит “из горы на границе между печенегами, мадьярами и руссами”, и действительно, в районе, где расположены истоки Суры, в X веке находилась зона контактов волжско-финской руси, печенегов и мадьяр. Таким образом, “остров руссов” – это междуречье рек Оки, Волги, Суры и Мокши, место, особенно в юго-западной части, лесистое и низменное. В политических реалиях IX–X вв., когда писали арабы, народ арса уже жил у берегов Тёши и Шокши, в бассейне Нижней Оки. Но если Арса находилась там, где сейчас стоит Арзамас, то можно поискать и Куябу со Славией. Компилируя труды своих предшественников, ученый XII века Ал-Идриси привел важное уточнение: “Город Арса – красивый и (расположен) на укрепленной горе. Он находится между Куябой и Славией. От Куябы до Арсы четыре дневных перехода, и от Арсы до Славии четыре дня” [29]. Известно, что величина дневного перехода равна в среднем 50–70 км, и за четыре дня караван покрывал порядка 200–300 километров максимум. Следовательно, и Куяба, и Славия находились в пределах Волго-Окского региона, или, по крайней мере, на прилегающих к нему территориях. Разумеется, не зная ни маршрутов, ни возможностей древних экспедиций, просто взять и отмерить указанные километры будет ошибкой. Но то, что эти центры располагались друг к другу значительно ближе, чем Киев и Новгород, сомнений не вызывает.

Мы полагаем, что треугольник городов русов располагался на месте королевства готов и волжских финнов (рязано-окцев III–VII вв.) в Волго-Окском междуречье. Согласно данным археологии под влиянием рязано-окцев и их приемников находилась

гигантская территория, охватывавшая земли от верховьев Волги до Воронежа и от Москворечья до устья Суры. Два других центра русов следует искать на обозначенной территории, и есть все основания полагать, что Куяба располагалась в бассейне Клязьмы, а Славия в верховьях Дона. Гаркави пишет: “Из трех племен, составляющих народ Рус, называют эти писатели (арабы. – *Авт.*) по имени двое: Славия и Арса; третье же, которого столица есть Куяба, Истархи и Ибн-Хаукаль не называют по имени. Надобно полагать, что к этому племени прилагали они имя Рус. С этим согласно определение Ибн-Хаукаля, что племя это самое близкое к Булгару, так как на карте этих писателей Рус в самом деле находится в непосредственном соседстве с Булгаром [30]. Иными словами, страна, столицей которой была Куяба, называлась “Рус”, и она была наиболее близкой к Волжской Булгарии. Причем страна могла быть отнюдь немалой, и ее близость к Булгарии не означала близость к булгарам ее столицы. Из записей Ал-Истахри известно, что в Куябу арсы отправлялись “вверх по воде”. Город Арса (Арзамас) стоял на Тёше. Следовательно, путь в Куябу лежал из Тёши в Оку, а из Оки в верховья Волги или, допустим, Клязьму. В любом случае их путь лежал в зону, игравшую, по мнению археологов, ведущую роль в транзитной речной торговле. Здесь испокон века располагались древние столицы: Ростов, Суздаль, Владимир и, наконец, Москва.

Где-то здесь находилась загадочная Куяба. Так, рядом с Ростовом Великим, бывшим некогда княжеской столицей, археологи раскопали Сарское городище IX века, представлявшее огромный средневековый город. Авторы “Словаря географического государства Российского...” указывали, что Ростов лежит “при озере, которое Мордва называла в старину Каова, а преподобный Нестор именовал Клещиным, потом прозвалось Неро” [31]. Упоминание мордвы и созвучие Куяба – Каова весьма значимо. Впрочем, первая часть древнего названия Куя(ба) наталкивает на аналогию с другим старинным городом бассейна Клязьмы – городом Шуя. Несмотря на свое современное состояние заштатного уездного городка, он играл важную роль в истории средневековой России. Недаром Иван Грозный после успешного Казанского похода возвращался через Шую. Не случайно в город на богомолье приезжали Петр Великий и Александр II. Не случайно и то, что династия князей, выходец из которой правил одно время Московским государством, носила фамилию Шуйские.

Краевед Г.И. Сурин, обобщая материал легенд, сообщает: “Древние наши писатели под именем Белой России разумели Польской и Мерянской, или Суздальской предел <...> границы сея части простирались на север до Великой России на Волгу, на восток до Югров и вниз по Волге до устья реки Оки с Мордвою, на юг до Оки же с княжеством Рязанским и Болгарами, а потом до реки Воронежа. Престол древнейший со времен Сарматских государей в сей части был град Шуя” [32]. Он же приводит якобы сарматское толкование названия “Шуя” как “столица”.

Ранее уже говорили про родство предков волжских финнов и сарматов. И следует подчеркнуть, что многие отечественные ученые причисляли к сарматам и мордву, и другие волжско-финские народы. Великий Ломоносов считал финнов, естландцев и лифляндцев остатками древних скифов, а в “Словаре географическом государства Российского...” начала XIX века сказано: “Меря, или моруа, народ Сарматский <...> ныне же известны они под именем Мордвы” [33]. Татищев писал, что “в Руси доднесь народ сарматской моксели, моши и мокшане именуется и с мордвою един народ есть” [34]. В другом месте он и эстонцев (“Есты”) относит к сарматам. Ученые и натуралисты XVIII–XIX вв. уверенно причисляли финские народы Восточной Европы к сарматам, и потому столица сарматских вождей должна совпадать со столицей волжских финнов.

Название “Шуя” при заимствовании могло произноситься как “Куя(ба)”. Тем более что, согласно ал-Истархи, Куяба и Арса находились на одной реке. Арса стояла

на Тёше, а Шуя стоит на реке Теза, которая созвучна Тёше. Описанные преданием границы “до Югров” как раз доходили до болгарских владений и соответствовали ареалу обитания мерянского и марийского народов. Если вспомнить указание ал-Истархи на то, что верховья Атила (Волги) лежат в земле русов [35], и географический трактат IX века “Худуд ал-Алам”, в котором Верхняя Волга отождествлена с “Русской рекой” [36], то становится понятным, что в предании имелась в виду именно белая финская Русь – Россия.

“Страна Рус” с центром в Ростове (Шуе или где-то в этом же регионе) была богатейшей страной своего времени. Плодородные земли и выгодное положение способствовали этому. “В IX–X вв. северо-западная часть Волго-Окского междуречья уже была важной **древнерусской** (выделено автором. – А. М.) областью, игравшей ведущую роль в международных связях, занимавшей ключевое положение на древнейшем водном пути по Волжской системе и имевшей непосредственные контакты с Волжской Булгарией, где арабы и черпали все свои сведения о странах и народах Восточной Европы и где сформировались представления о трех разрядах русов – Славии, Куявии, Артании” [37]. В IX–X вв. влияние Рюриковичей здесь еще не обозначилось, но И.В. Дубов пишет, что область была русской. И надо полагать, что совсем не случайно Рюриковичи основывали свои столицы на намоленных русскими местах.

Теперь Славия. Это название созвучно этнониму “славяне”, что и подкупало исследователей, заставляя отождествлять ее с областью расселения славян. На самом деле это никак не связано со славянами, потому что славян в IX веке здесь еще не было. Арабы единодушно и решительно разделяли русов и славян, отмечая всегда превосходство первых. Надо думать, что в этот период о славянах в Волго-Очье знали лишь как о рабах. По словам Гаркави, персидские переводчики арабских текстов Ибн-аль-Варди и Ибн-Аяс упоминая о “Славийе”, говорили, что “столица этого племени Талу или Тлаву” [30]. В этом “Талу” узнается древний топоним “Тула”, расположенный как раз в западной части очерченного выше региона. В Талу находился еще один центр русов, управлявший западной ветвью волжских финнов. Рязано-окский и в целом финно-угорский след в регионе Тулы хорошо известен в археологии и фольклоре. “Мордовский склад” в топонимике прослеживается по Оке до Тульской и Калужской областей [38]. “Тульская губерния была перед началом Русского государства (имеется в виду Владимиро-Суздальская Русь. – А. М.), почти вся населена Финнским племенем”, – писал упомянутый выше Д. Щеглов. Сама Тула в Средние века исторически тяготела к рязанским землям и только в XVI веке стала вотчиной московских князей.

Географ X века Ибн-Хаукаль, повторяя рассказ своих предшественников о трех группах руси, дополняет их сведения небольшой, но очень важной подробностью: “Самая высшая (главная) из них, называют ее ас-Славийа, и царь их в городе Талау” [39]. Отсюда следует, что эта область какое-то время играла ведущую роль среди других сообществ руси. Это сообщение можно связать с исследованиями А. Абрашкина [22] и Е. Галкиной [40], утверждающими, что в верховьях рек Северный Донец, Оскол и Дон, как раз там, где арабские географы помещали реку Рус (Верхний и Средний Дон), находился в VIII–IX вв. Русский каганат. Археологи обнаружили, что в VIII – начале IX века на этой территории жил народ, оставивший самую высокоразвитую культуру Восточной Европы того времени. Были раскопаны развалины каменных крепостей, открыты могильники с обрядом захоронения, соответствующим описанию ближневосточных путешественников, ремесленные центры. Судя по распространению этой археологической культуры, древнее государство простиралось от правобережья Днепра до низовий Дона. Этот Русский каганат следует отождествить со Славией, столица которой – Талу (Тула) – находилась рядом с верховьями Дона. Славия была воен-

но-торговым государством, контролировавшим “реку Рус” – Дон. По Дону шел один из “рукавов” Великого шелкового пути, начинавшийся на Северном Кавказе и заканчивавшийся на Балтийском побережье. Здешние русы были не только посредниками, но и продавцами своих изделий, изготавливаемых в местных мастерских, где были развиты ювелирное дело и металлообработка. В начале IX века в каганате чеканили собственную монету и существовала своя руническая письменность [41]. Политическое лидерство в этом государстве, вероятнее всего, имели потомки смешавшихся готов-русов, степняков – аланов и асов. Кроме них, в Славии (Тлавии) жили болгары и другие тюркские народы. Степняки и жители Поочья смешивались друг с другом, и, вероятно, поэтому на составленной в XII веке арабским географом Идриси карте мира регион Верхнего Дона обозначен как “Руссия-Тюрк” [42], а в одной из рукописей сочинения ал-Истархи русы названы тюрками. Контакты проживавших здесь алано-болгар с населением Волго-Окского региона надежно подтверждают археологи [43], и эти связи прослеживаются с эпохи гуннов [44].

Три центра русов, описанные арабами, располагались в регионе расселения волжских финнов, которые к X веку оформились в мерю, мурому, мари и арсу – эрзю. Несомненно, готы стояли у истоков этих квазигосударственных образований, одно из которых располагалось в Волжско-Окско-Сурском междуречье. Арабы оставили немало воспоминаний о жизни и укладе волго-окских русов, и эти воспоминания указывают на их родство как с готами, так и с финно-уграми. Описанный Ибн-Фадланом обычай русов умываться всем вместе из одной чаши имеет древнее германское происхождение [45], как и обычай жить в больших домах группами “по десять и двадцать – меньше и больше” человек [46].

Арабы писали: “Русы сжигают своих мертвецов вместе с женами, некоторая часть русов хоронит покойников стоя” [28]. Только у мордвы исследователи зафиксировали обряд похорон стоя, бытовавший все Средневековье [47]. В другом месте описывается своеобразное парное погребение русов в виде большого дома. Это описание больше всего сходно с камерными гробницами, которые до конца VIII века были характерны для германцев континентальной Европы. Описание внешности русов, приведенное Ибн-Фадланом, свидетельствует в пользу беломорско-балтийского антропологического типа их носителей, пришедших в Среднее Поволжье вместе с готами. А вот сообщения о “кисе”, которая охватывает один бок, другую руку оставляя наружу, напоминает о римской тоге, ношение которой готские предки русов принесли из Причерноморья [46]. Ибн-Фадлан пишет: “А что касается их женщин, то на груди каждой из них висит особая коробочка из железа, серебра, меди, золота или дерева в соответствии с богатством их мужей” [46]. Подобные украшения женщины носили только в Волго-Очье, и археологи указывают на соответствие описанию Ибн-Фадлана деталей костюма женщин древней Арсы [12]. Ранние арабские авторы аль-Йакуби и аль-Бакри называли русов “огнепоклонниками” [48], что свидетельствует о сохранившихся в верованиях мордвы традициях зороастризма. А есть еще источник [28], который гласит, что в 300 или 333 году хиджры (913 или 945 гг.) “руссы приняли христианство”, и это вполне возможно, так как христианство в виде арианства было распространено среди восточной ветви готов (остготов), а археологи нашли доказательства распространения христианства среди рязано-окцев [12]. Но есть вероятность, что близость Волжской Булгарии способствовала проникновению в Арсу ислама, потому что христианство “притупило их (русов. – *А. М.*) мечи, дверь добычи закрылась за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели **снова** (выделено автором. – *А. М.*) сделаться мусульманами, чтобы был дозволен им набег и джихад <...> и послали они послов к владетелю Хорезма, четырех из прибли-

женных своего царя. <...> Обрадовался Хорезмшах тому, что они захотели сделаться мусульманами, и <...> они обратились в ислам” [49]. Вот так, ни много ни мало, предки мордвы, было дело, думали о мусульманстве. Это сообщение соотносится с легендой, в которой вождь мордвы, противостоящий суздальцам, носил мусульманское имя Ибрагим [50]. О предводителе мордвы Скворце, которого называли *Месеgetянин* (Магометанин? – А. М.), сообщает Мельников-Печерский [18]. Кроме того, средневековые авторы не раз указывали, что среди мордвы есть приверженцы ислама. Например, в XIII веке Рубрук писал про мордву: “именуемые мердас, которых латины называют мердинис, и они – сарацины (мусульмане. – А. М.)” [51]. Да и “Повесть о водворении христианства в Муроме” говорит, что жители языческого Мурома считали своим пророком “Моамефа” [52].

Подчеркнем высокие навыки жителей Арсы в металлургии и в металлообработке. “Худум ал-Алем” хранит упоминание о необыкновенных мечах Арсы: “Артаб (Арса. – А. М.) – город, где убивают всякого чужестранца и откуда вывозят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но, как только отводится рука, они принимают прежнюю форму” [53].

3. С начала I тысячелетия в междуречье Волги, Оки и Суры шли активные процессы образования государства, в которых были задействованы этносы Востока и Запада, леса и степи. Их кульминацией стало создание русского “варварского” королевства в Поочье. Оно ни в чем не уступало королевствам Западной Европы, а в чем-то даже превосходило их. Русы – воины и купцы – были единственными из жителей Восточной Европы, кто владел искусством мореходства. Они совершали нападения не только на славян, но и на Каспий, Причерноморье, Византию, Арабский Халифат и добирались даже до Испании. Можно сказать, что история Руси началась здесь в Волго-Окском междуречье, и образование Киевской Руси было лишь звеном Русской истории, а не началом. В этом смысле закономерно, что после недолгой гегемонии Киевского центра государственности центр русской политической жизни опять сместился на север.

Образованию “варварского” государства (а позже трех его “детищ”: Арсании, Куябы и Славии) способствовало то, что все они контролировали важнейший торговотранспортный узел Восточной Европы. Для его нормального функционирования необходима была охрана, и такой охраной были русы-арсы, жившие в междуречье Волги, Оки и Суры. Несомненно, вместе с ними к этому делу были привлечены воины-скандинавы, так как скандинавские находки в регионе Средней Волги и Нижней Оки говорят об их присутствии здесь в конце I тысячелетия н.э. Древние связи русов-арсов и скандинавов, тянущиеся со времен выдвижения на континент готов, помогали им выстраивать общую политику.

Период X – начала XI в. стал временем заката волжско-финских русов. Русские государства Волго-Очья пришли в упадок. Вторжения кочевников подорвали их могущество. Страшнее войн с ними, однако, стало снижение объемов торговли. В период XI–XII вв. в Поочье перестают поступать дирхемы. По мнению исследователей арабской нумизматики, прекращение потока серебра в Центр Восточной Европы имело внутренние политические причины в странах, где эти дирхемы изготавливались. Из-за событий в южнорусских степях в Средней Азии и на Ближнем Востоке снизилась актуальность использования восточно-европейских речных путей, и милитаризованная стража русов утратила свое значение. Это позволило Рюриковичам завоевать Среднее Поочье и бассейн Клязьмы. Но междуречье Волги, Оки и Суры сохраняло свою независимость.

Местная русь-арса не собиралась подчиняться пришельцам с Днепра и встретила Рюриковичей боем. В Лаврентьевской летописи от 1103 года говорится: “...бийся Яро-

слав с Мордвою, месяца марта в 4 день, и побежден бысть Ярослав” [54]. Ярослав – князь, крестивший Муром и обосновавшийся в нем, а его сражение с Мордвою – попытка перейти на правый берег Оки, во владение арсов. Русь народа арса последний раз была упомянута в XIII веке. Из летописи известно, что русским князьям, вторгшимся в 1228 году в “землю Мордовскую, Пургасову волость”, наряду с мордвой, возглавляемой Пургасом, противостояла некая “Пургасова русь” [54]. Речь здесь идет о местном воинском формировании внутри мордвы-эрзи, что видно из текста летописи, где говорится: “...и изби Мордву всю и Русь Пургасову” [54]. Судя по всему, волость Пургаса находилась на правобережье Нижней Оки, в междуречье ее правых притоков: Серёжи, Тёши и Мокши. Эти земли находятся в непосредственной близости к Муромским и Суздальским владениям, откуда началась атака Рюриковичей. Об этом же говорит и последующая быстрая контратака Пургаса, когда он сжег предместья Нижнего Новгорода, а также маршрут его отступления за “речку Чар” – приток Серёжи Чару [55].

Пургас был потомком воинской аристократии волго-окских русов, князем и предводителем дружины русов, названной летописцем “Русь Пургасова”. Волость Пургаса была одной из независимых территорий мордвы, располагавшихся в междуречье Оки, Волги и Суры. Скупые намеки на наличие таких феодальных владений остались в русских документах. В одном из списков Нижегородского летописца сказано: “И в Нове городе Нижнем был гость Тарасий Петров сын. <...> И купил он себе вотчину у Муранчика князя за Кудьюмою на речке на Сундовике”. Здесь речь идет о мордовском князе Муранчике (Мураше), легенда о котором зафиксирована в селе Большом Мурашкине [56]. В окрестностях этого села располагались его феодальные вотчины, проданные нижегородскому купцу Тарасу Петрову. Другое владение существовало, вероятно, в Нижнем Присурье. Когда в 1372 году нижегородский князь Дмитрий Константинович прогнал Булат-Темира [57] и вышел к Суре, захватив при этом некоторые земли правобережья, его новый титул стал “Князь великий Новгородский Нижнева Нова города и Суздальской и Городецкой и Курмышской и Сарской и Болгарской и Большецкой и Подолской и всея Понизовские земли Заволский юрту и Севернова государь князь Дмитрей Константинович” [58]. Из всех перечисленных владений трудно идентифицировать только Большецкую землю, которую можно соотнести с одним из феодальных образований мордвы Присурья, с центром в Бокшандино (от эрзянского “покш (ан)” – “большой”) или в Наватах [59], тем более что в поздних документах здесь зафиксирован Наватский беляк [60], ставший, без сомнения, наследником мордовских присурских князей. И наконец, ставший уже хрестоматийным рассказ о побоище на реке Пьяне в 1377 году, где вожди мордвы, способствовавшие разгрому русской рати, названы “поганые князи мордовские” [61]. Титулование мордовских предводителей князьями также говорит о том, что феодальные процессы в среде эрзян Волжско-Окско-Сурского междуречья начались задолго до прихода в этот регион русских феодалов. Важно отметить, что это были полноценные феодальные образования, с четкой социальной иерархией и развитой инфраструктурой в виде городов и рыцарских “замков”. Об этом говорят и летописи, упоминавшие “мордовские тверди”, и археология. И если существование города Арса на месте современного Арзамаса – гипотеза (древнее городище было уничтожено там в результате городской застройки [62]), то реальность другого археологического памятника на территории Пургасовой волости не оставляет сомнений.

В глухих лесах междуречья Тёши и Мокши, у места слияния рек Саровки и Сатиса, находится “Борисово городище”. Оно известно по русским документам XVII века. Позже на этом месте был основан монастырь, а в XX веке здесь возник город атомщиков Саров. В ходе раскопок, проводимых на месте застройки, были обнаружены следы настоящего города XI–XIII веков с ремесленным кварталом, где занимались металлурги-

ей и обработкой металлов. Здесь нашли предметы болгарского, русского и скандинавского происхождения [63]. Это был настоящий “столичный град” того времени – ремесленный, культурный и, очевидно, политический центр. Его площадь в 44 га превосходит по площади город Суздаль того же времени (35 га). Городище таких размеров является одним из основных свидетельств существования централизованной власти на этих землях [64]. Археологи однозначно определили принадлежность городища к мордве. Город, несомненно, имел столичный статус и погиб в XIII–XIV вв. Основатель монастыря монах Иоанн писал о множестве костей, лежащих вдоль валов: “Сей град <...> бяше и ратными вои осажден и бронею мною взят бысть, и аки бы от тоя брани и опусте он; являют се от сего, понеже со всех стран около града повсюду ископаны шанцы, ими же обычно ратным людям ко градом приступати, а под стенами градными во рвах множество костей и трупия иже в приступах сеченых человеков обретается...” [65].

Русские летописцы ничего не сообщают о разрушении крупного мордовского центра, поэтому можно думать, что город погиб от рук ордынцев, как и крупный город мордвы и буртасов на Суре (Золотаревское городище). Впрочем, его позднее название – Борисово городище – позволяет допустить, что город был взят и разрушен нижегородским князем Борисом Константиновичем, проводившем в 1377 и 1378 гг. карательные операции против мордвы (ограбившей удел его брата и сжегшей Нижний Новгород).

Такой насыщенной событиями видится история Волго-Очья в целом и Волжско-Окско-Сурского междуречья в частности в I тысячелетии. История страны и народа Арсы, запечатлевшаяся в названии двух древнейших городов и целого волжско-финского народа. Для Нижегородского края эта история важна не меньше, чем история возникновения и существования Нижегородского княжества, вошедшего потом в состав единого древнерусского государства. Коренные жители междуречья – потомки воинов-арсов, эрзяне, – стали жителями Нижегородского княжества, а затем и Русского государства. Смешавшись с переселенцами-славянами и обрусев, они стали одной из ветвей русского народа – великороссами Поволжья.

Список литературы

- [1] Селезнев Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времен до конца XVI в. – Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2014.
- [2] Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. – М.: Наука, 1979.
- [3] URL: <http://nplus1.ru/neus/2018/10/04/descendants>.
- [4] Страбон. География // Античная география / Сост. М.С. Боднарский. – М.: Географгиз, 1953.
- [5] Птолемей. Руководство по географии // Античная география / Сост. М.С. Боднарский. – М.: Географгиз, 1953.
- [6] Ставицкий В.В. У истоков этногенеза древней мордвы // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 4. – С. 1–13; Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. – Казань, 2009. – С. 76–88.
- [7] Ставицкий В.В. Происхождение древнемордовской культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Респ. Мордовия. – 2015. – № 1 (33). – С. 42–57.
- [8] Гаврилов А.П. Знаки на предметах археологической культуры рязано-окских могильников // Древнейшие государства Восточной Европы. – 2019. – № 2017–2018. – С. 95–103.
- [9] Малышев А.В. Пургасова русь в свете древней русской истории. – М.: Эдитус, 2020.
- [10] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – СПб.: Алетейя, 1997.
- [11] Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время: канд. дисс. – М.: Институт археологии РАН, 2008.
- [12] Гаврилов А.А. Артанья. Древняя история Среднего Поочья. – Сергиев Посад: Ремарко, 2019.
- [13] Егоров В.Б. Каганы рода русского, или Подлинная история киевских князей. – М.: Алгоритм, 2012.

- [14] Шаронов А.М. Масторава. – Саранск, 2019.
- [15] Степанов П.Д. Древняя история мордвы-эрзи. Ч. 2 // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. – Саранск, 1970.
- [16] Мартыянов В.Д., Надькин Д.Т. Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тысячелетия н.э. // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н.э. – Саранск, 1979. – С. 103–122.; Мартыянов В.Д. Мордовская народная вышивка. – Саранск, 1991.
- [17] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни. – Саранск, 1963.
- [18] Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы // Собр. соч. Т. VII. СПб.: Издание Т-ва Л.Ф. Марксъ, 1909.
- [19] Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X по Р.Х.). – СПб., 1870.
- [20] Ал-Истахри. Книга путей и государств. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Istahri/>.
- [21] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1982.
- [22] Абрашкин А.А. Предки русских в Древнем мире. – М.: Вече, 1999.
- [23] Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. – СПб., 1799.
- [24] Щеглов Д.Ф. Первые страницы Русской истории // Журнал Мин. нар. просвещ. СПб. 1876. Май. Пятое десятилетие. Ч. CLXXXV.
- [25] Стасов В.В. Заметки о “Русях” ибн-Фадлана и других арабских писателей // Журнал Мин. нар. просвещ. СПб. 1881. Пятое десятилетие. Ч. CCXVI.
- [26] Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Дафта... – СПб., 1869.
- [27] Ибн Русте. Книга дорогих ценностей. URL: https://www.ruistor.ru/istochniki_vos_011.html.
- [28] Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М.: Вост. лит-ра, 1962.
- [29] Мухаммад Ал-Идриси. Развлечение страстно желающего странствовать по землям. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/ldrisi/frametxt2.htm>.
- [30] Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X по Р.Х.). – СПб., 1870.
- [31] Щекатов А.М., Максимович Л.М. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... все губернии, города и их уезды. Ч. 5. – М., 1807.
- [32] Сурин Г.И. Слово о Шуге. – Иваново, 2005.
- [33] Щекатов А.М., Максимович Л.М. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... все губернии, города и их уезды. Ч. 4. Отд. 1. – М., 1805.
- [34] Татищев В.Н. История Российская. Т. I.
- [35] Ал-Истахри. Книга путей и государств. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Istahri/>; Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит-ра, 2006.
- [36] Худуд ал-Алам. URL: <http://odnapl1yazyk.narod.ru/reky.htm>.
- [37] Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- [38] Никонов В.А. Этногенез мордовского народа и топонимика // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965.
- [39] Абу-л-касым ибн Хаукаль. Книга путей и стран. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Haukal>.
- [40] Галкина Е.С. Русский каганат без хазар и норманнов. – М.: Вече, 2012.
- [41] Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. – М.: Вече, 2002.
- [42] Харин Е.А. Карта Идриси. URL: http://samlib.ru/h/harin_a/idrisi.shtml.
- [43] Аксёнов В.С. К вопросу о характере контактов алано-болгар Подонцовья с населением Волго-Окского междуречья // Сіверщина в контексті історії України. – Сумы, 2007.
- [44] Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. – М., 2007.
- [45] Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руссах // Из истории феодальной России: статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. – Л.: ЛГУ, 1978.
- [46] Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. – М., 1992.
- [47] Карабельников Д.С. Похороните меня стоя. URL: <https://www.google.ru/amp/nn.mk.ru/amp/articles/2015/06/05/pokhoronite-menya-stoya/html/>.
- [48] Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М., 2006.
- [49] Шараф Ал-Заман Тахир Марвази. Естественные свойства животных. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Marvazi>.

- [50] Морохин В.Н. Нижегородские предания и легенды. – Горький, 1971.
- [51] Рубрук де Вильгельм. Путешествие в восточные страны. – М., 1957.
- [52] История Муром и Муромского края. – Муром, 2001.
- [53] Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинова А.В. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. – М., 2009.
- [54] ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Л., 1926–1928.
- [55] Татищев В.Н. История Российская. Кн. III.
- [56] Кирьянов И.А. Некоторые данные о легенде об Абрамовом городище и Нижнем Новгороде // Этногенез мордовского народа. – Саранск.: Морд. книжное изд-во, 1965.
- [57] Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. – Петроград, 1918.
- [58] Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Рукописное соб. б. Мазурина, второй половины XVIII в. № 822. Л. 57–59; Бушуев В. Древняя русская грамота 1368 г. // Красный архив. – 1940. – № 6 (103).
- [59] По легенде о происхождении села Наваты у мордвина Навата была фамилия Бокшандин. См.: Малышев А.В. Уходящая Мордовия. Эрзянские села Нижегородского Присурья // Сельская трибуна. – 2019. – № 35 (11141).
- [60] Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века) // Свод документов и материалов по истории и культуре Мордовского края. – Саранск, 2017.
- [61] Повесть о побоище на реке Пьяне // Воинские повести Древней Руси. – Л., 1985.
- [62] Мартыанов В.Н. Археологическая карта Арзамасского района. – Арзамас, 2002.
- [63] Подурец А.М. Саров: памятник истории, культуры, православия. – Саранск, 2006.
- [64] Пургасова волость. Племенное объединение или полноценное княжество. URL: <https://artomas.livejournal.com/10773.html>.
- [65] Сказание о первом жительстве монахов и о построении церкви Пресвятой Богородицы, Живоносного Ее Источника, в пустыне, на Старом Городище, где ныне стоит общежительная Саровская пустынь. 1710–1712 гг. URL: <http://serafim-library.btv.ru/LetopisSerafima/letopis-sarov-ocherk.html>.

Анатолий Петряшин

Ранние годы Арзамасского края. Пургасова Русь

Первые документальные свидетельства о городе Арзамасе относятся к середине 1565 года. “В Арзамасе воеводы: князь Андрей Солнцев-Засекин да для вестей послан Григорий Мещенинов Морозов” [1]. По сведениям разрядной книги “Хто где служит”: “Лета 1577 г. в Арзамасе <...> воевода князь Григорий Бобров Щенятьев”. В “1579 году в Арзамасе <...> воевода князь Иван Хохлов” [2].

В Духовной грамоте царя и великого князя Иоанна Васильевича, самодержца всероссийского, от 1578 г. записано: “Сына своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским, даю ему Новгород Нижний с волостями, и с путями, и с селами да город Балахну, и с Заузолем да город Василь на Суре, даю ему город Курмыш, да город Алатырь на реке Алатыре <...> Да город Арзамас (с селениями) мордвы и с черемис, <...> село Княгинино, что было за Воротынским, а в Нижегородском уезде, да Фокино сельцо <...> И также сына своего Ивана благословляю, даю треть города Воротынска, с волостями, и путями, и с селами и со всеми пошлинами” [3, 4].

Официальной датой основания города Арзамаса считается 1578 год. С этих пор он упоминается в государственных актах и других документах. Однако город вырос не на пустом месте. Нет сомнения, у народов, живших на этих землях до XVI в., была богатая событиями история. К сожалению, пока не найдены исторические документы, в которых четко и ясно говорилось бы о раннем периоде Арзамаса. Сведения, которыми располагали прежние историки города – Шлейников, Мерлушкин, Щегольков и Семёнов-Тяньшанский, – имели под собой легендарную основу.

В 1366 г. Арзамас пострадал от набега Темир Булата. “Князь ордынский именем Булат Темир пришел с ратью татарской и пограбил уезд даже и до Волги, и до Сундовика. Князь же Дмитрий Константинович с Борисом и Дмитрием, с братьями своими и со своими детьми собрал многих воинов и пошел на брань. Он же, окаянный, не встал на бой, но побежал за реку Пьяну. Русские, преследуя, многих татар бежавших побили, других в реке Пьяне утопили и, лагерь захватив, множество их истребили. А Булат-Темир бежал в Орду и там был убит по приказу царя Азиза” [3]. Впоследствии Арзамас был “возобновлен и заселен казанскими татарами” [5, 6].

Нижегородское княжество занимало обширную территорию. На востоке его граница проходила по реке Суре, на юго-востоке и на юге – по рекам Пьяне и Серёже. На западе граница шла по правобережью Оки до Мурома, далее через низовья Клязьмы, включая в себя Суздаль и Шую. На севере границы княжества пересекали среднее течение рек Унжи и Керженца. Еще до покорения кочевниками Руси Нижегородское княжество было пограничным с вечно бурлящим и тревожным Диким Полем. Грабительские отряды волжских болгар и ногайцев, а затем и золотоордынцев шли через эти земли на Русь. Со времени основания в 1221 г. до середины XV века на Нижний Новгород было совершено одиннадцать нападений. Семь раз город предавался огню и разорению. И каждый раз Арзамасский край оказывался в гуще событий. Среди наиболее значительных потрясений для него укажем нападение Араб-шаха на московско-нижегородские дружины на реке Пьяне в 1377 году, которое закончилось трагическим поражением русских (“Пьянское побоище”), и военный поход на Москву огромного войска под командованием хана Тохтамыша в 1382 году.

На плодородных почвах Окско-Волжско-Сурского междуречья, на обширной территории южной части Нижегородского княжества, с давних времен жили мурома, меря, кривичи, бессермены, маджары, болгары, буртасы, кипчаки, ногайцы, башкиры, татары, русские, мордва. Это далеко не полный перечень народов, живших рядом в течение многих веков. Разные по духу и культуре, эти племена и народности не всегда враждовали. За долгие годы совместного проживания они научились мирно жить, сотрудничать и быть полезными друг другу. Именно здесь, по мнению многих авторов, зародилась модель и образ многонациональной России.

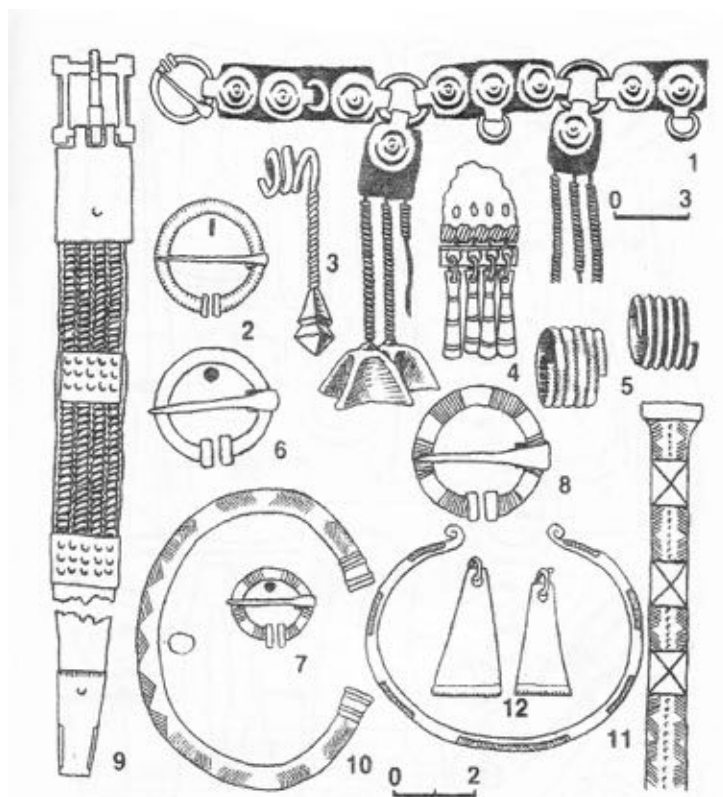
В арзамасских пределах мордва была самым многочисленным финно-угорским племенем. Мордва – лесной народ, коренной, живший на этих землях до прихода славянских племен (вятичей и кривичей) и русов-варягов. Лес – их дом, в котором, как у хороших хозяев, всему отведено свое место. Там хрюкает и копает землю кабан, здесь развелось много волков, а вот на озере необходимо пробить лунки в толстом слое льда, иначе рыба задохнется, да еще на деревьях надо бы подкормить пчел и утеплить их дупла, зимние их “квартиры”, и т.д. Забот и дел много. Люди живут в единстве с природой, они не командуют ею, они – ее разумная и заботливая часть. Опытные скотоводы, они держат в домашнем хозяйстве коров, овец, коз и свиней. Два вида самых умных, добрых и преданных из животных – лошади и собаки, живут рядом и помогают во всем. У мордвы культ лошадей. Они, даже уходя в мир иной, не расстаются с верным другом – конем или собакой (их хоронят в одной могиле) [7].

Мордовские мужчины – прирожденные охотники, искусные стрелки из лука, они ловко лазают по деревьям. С помощью веревки они залезают вверх по их гладким стволам. Это часть их жизни, “профессия” – бортничество (сбор меда диких пчел). Мед, собранный пчелами с миллионов цветков, продукт, богатый полезными микроэлементами, – важная составная часть питания этих людей. Производные жизнедеятельности пчел: воск, маточкино молочко и прополис – вместе с полезными травами служили лекарствами. В этой неисчерпаемой природной аптеке были все необходимые для здоровья “препараты”. А знания, накопленные веками, передавались мордовским народом из поколения в поколение.

Жилища-полуземлянки на берегу живописного озера или реки, в которых обитало несколько семей, – примерно так можно представить себе мордовское поселение. Крыши землянок были покрыты дёрном, который со временем зарастал высокой травой, и жилища сливались с природным ландшафтом. И только по дыму костров можно было догадаться, что здесь живут люди. Пришедшие на эти земли славяне-земледельцы дали попробовать мордовским людям хлебушек, а потом и научили его выращивать. Овес мордовским лошадям тоже понравился, и со временем на плодородных почвах заскрипел уже плуг мордвина-землепашца, приподнимая целину и переворачивая пласт за пластом жирной, блестящей, как антрацит, земли. Доказательство тому – обилие русских, славянских слов, связанных с обработкой земли, в мордовском языке.

Мордовские умельцы были металлургами и великолепными ювелирами. Многочисленные медные и бронзовые ювелирные изделия и так называемые “лячки” (формы для литья), найденные в захоронениях, служат ярким тому свидетельством. В своих лесах мастера пережигали березовую и дубовую древесину в уголь. Затем при помощи мехов, подающих вместе с воздухом кислород, повышали температуру в примитивных печах, где плавил сначала медь, а потом и железо. Медная руда привозилась из Приуралья. За железной рудой далеко не ездили. Она находилась тут же, под ногами, в болотах муромских лесов и Берёзополья. Кричное железо явилось основой целой металлообрабатывающей отрасли, которая из ремесла превратилась в искусство. Берёзопольские города правого берега реки Оки – Павлово, Ворсма, Кулебаки, Выкса – прославились на весь мир и до сих пор удивляют своими изделиями из металла. Работа

с металлом требовала немало знаний и умений и говорит о высоком уровне развития мордовского народа в начале XIII в. Вместе с тем добыча сырья для производства и торговля металлическими предметами способствовали развитию связей мордвы с другими, в том числе достаточно удаленными народами.

Украшения из захоронения женщины. Могильник Красное III. 1 – фрагмент пояса; 2,6-8 – кольцевые застёжки; 3 – височная подвеска с грузиком; 5 – спиральные перстни; 9,4 – браслет-повязка и украшения от него; 10,11 – браслеты и орнамент на пластинчатом браслете; 12 – трапециевидные подвески.

Многие летописи сообщают о загадочной “Пургасовой Руси”, проживавшей в то время на Арзамасской земле. “В то же лето (1226 г. – *А. П.*) послал великий князь Юрий братьев своих Святослава и Ивана на мордву, и победили мордву, взяли несколько сёл, и возвратилися с победой”; “В сентябре (1228 г. – *А. П.*), великий князь Юрий послал на мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремея Глебовича с полком в качестве воеводы; и когда они были за Новгородом у пределов мордовских, Юрий вернул их, не дав воевать, поскольку была непогода, лили сильные дожди день и ночь” [8]. Зимой 14 января 1228 г. “великий князь Гюрги и Ярослав и Константиновичи Василко Всеволод идоша на Мордву и Муромский князь Гюрги Давыдович вшед в землю Мордовскую Пургасову волость пожгоша жита и потравиша скот избиша полон назад послаша а Мордва вбегоша в лесы своя в тверди а кто не вбёгл тех избиша наехавшее Гюргевы молоди в четвёртый день генваря. То видевшие молоди Ярослави и Василькови и Всеволожи оутаившеса на заутрие ехавша в лес глубок а Мордва давшее им путь а сама лесом обидоша их около избиша и а иных изимаша бежаша в тверди тех там избиша и князем нашим не бысть кого воевати” [9].

“А болгарский князь пришел на Пуреша, союзника Юрия, и, услышав, что великий князь Юрий жжет села мордовские, бежал ночью прочь, а Юрий с братьями и со

всеми полками возвратился восвояси в добром здравии. <...> В то же лето (1229 г. – А. П.), в апреле, пришла мордва с Пургасом к Новгороду (к Нижнему. – А. П.), и отбились от них Новгородцы; они (мордва. – А. П.) же зажгли монастырь святой Богородицы и церковь, которые были вне города; в тот же день и отъехали прочь, захватив многих своих убитых” [8]. “Пурешёв же сын с половцы перенял их на пути, всех побил, а Пургас едва с малыми людьми ушел за реку Чар” [10].

В связи с этими событиями возникает ряд вопросов.

1. Почему так ополчились владимирские и муромские князья на эрзянскую мордву во главе с князем Пургасом? Каковы причины военных действий между русскими и мордвой?

2. Где происходили сражения и куда ушел Пургас после стычки с отрядом сына Пуреша?

3. Как и почему среди однородного мордовского племени эрзя появилась общность со странным названием “Пургасова Русь”?

4. Кем был мордовский предводитель Пургас? Племенным вождем или феодальным князем, и кем он был по национальности?

5. Каковы границы обитания эрзянского племени и Пургасовой Руси?

6. Какой главный город племени эрзя?

7. Каковы географические и экономические особенности Эрзянского края?

1. Враждебные действия между мордвой и русскими летописные источники отмечают нечасто. Если набеги кочевников Дикого Поля на Русь были регулярными, то отношения русских с мордвой носили, наоборот, миролюбивый характер. Правда, основание самого Нижнего Новгорода было связано с военным конфликтом, однако, слегка потеснившись, мордовские племена продолжали спокойно жить в своих лесах и на плодородных почвах бассейнов рек Оки, Кудьмы, Серёжи, Тёши и Пьяны. Черноземных земель, богатых лесов и рек, полных рыбой, хватало и русским. Так в чем же дело? Почему русский князь Юрий пошел на мордву войной? Для этого нужны были очень веские причины.

Мне кажется, причины эти чисто экономические. Основание Нижнего Новгорода имело целью укрепиться на стратегически важном и экономически выгодном месте при слиянии двух великих рек. Они связывали между собой земли южной Балтии, Великого Булгара, прикаспийских стран и Китая. В 1221 году водный путь участка Верхней Волги был взят под контроль русскими. Однако извилистый водный путь с достаточно сильным течением был не всегда удобен для прохода весной и осенью. Вместе с тем существовал более короткий, прямой и всегда проходимый сухопутный путь. И пролегал он через мордовские земли. Это и стало главной причиной военных действий между русскими князьями и мордвой. Русские князья намеревались контролировать, как водные, так и сухопутные пути Волго-Окского междуречья.

2. Для ответа на второй вопрос нужно, помимо разбора летописных текстов, походить по местам предполагаемых событий, а также с увеличительным стеклом покорпеть над картами. При этом туманная картина прошлого будет приобретать более четкие очертания.

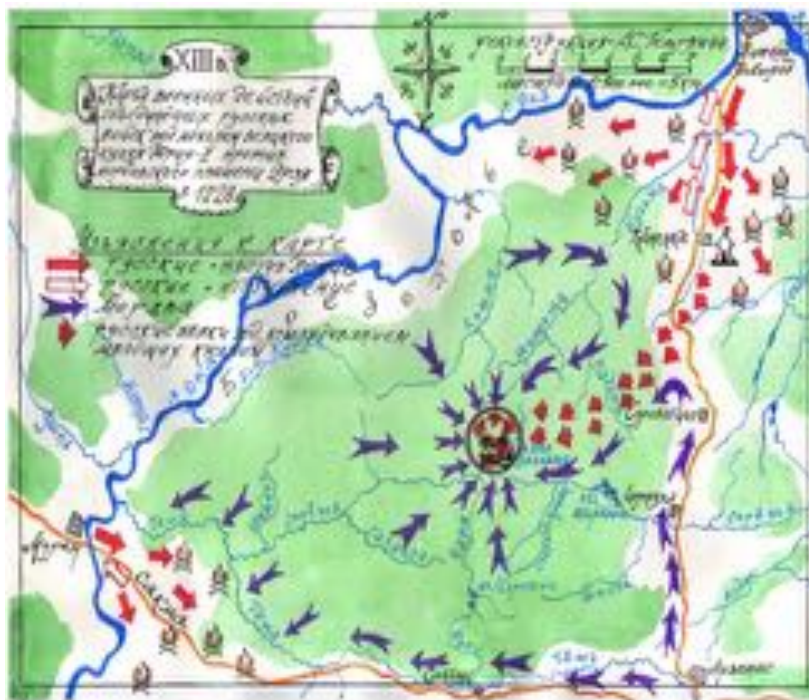
В 1226 году на верхней части Дятловых гор обустроили защитные укрепления. Нижний Новгород превратился в настоящую крепость. Затем Юрий Всеволодович приступил к претворению в жизнь другой части плана – захвату сухопутного тракта. Для этого он послал легкий отряд, возглавляемый двумя его братьями Святославом и Иваном. Они должны были произвести разведку боем. Было ли это полной неожиданностью для мордвы, мы не знаем. Летопись сообщает, что отряд взял несколько сел и вернулся с полной победой. Но можно ли доверять полностью этой информации? Ведь против большой, гу-

стонаселенной страны выступил небольшой отряд. Думается, что дело ограничилось столкновениями в приграничных селах. После набега мордва вернулась из лесов в свои селения, починила разрушенное хозяйство и продолжала жить дальше. Два года на русско-мордовской границе было спокойно.

В сентябре 1228 года великий князь Юрий II вновь снаряжает в военный поход своего любимого племянника Василька и верного воеводу Еремея. Однако чуть позже он возвращает войско с полдороги, испугавшись за своих бойцов: “А вдруг промокнут?” Такого рода причина выглядит странно, осень без дождей не бывает. Видимо, для прекращения похода была другая, более серьезная причина. И нам остается лишь предположить, что великий князь получил новую информацию о силах противника и решил подготовиться к войне более основательно.

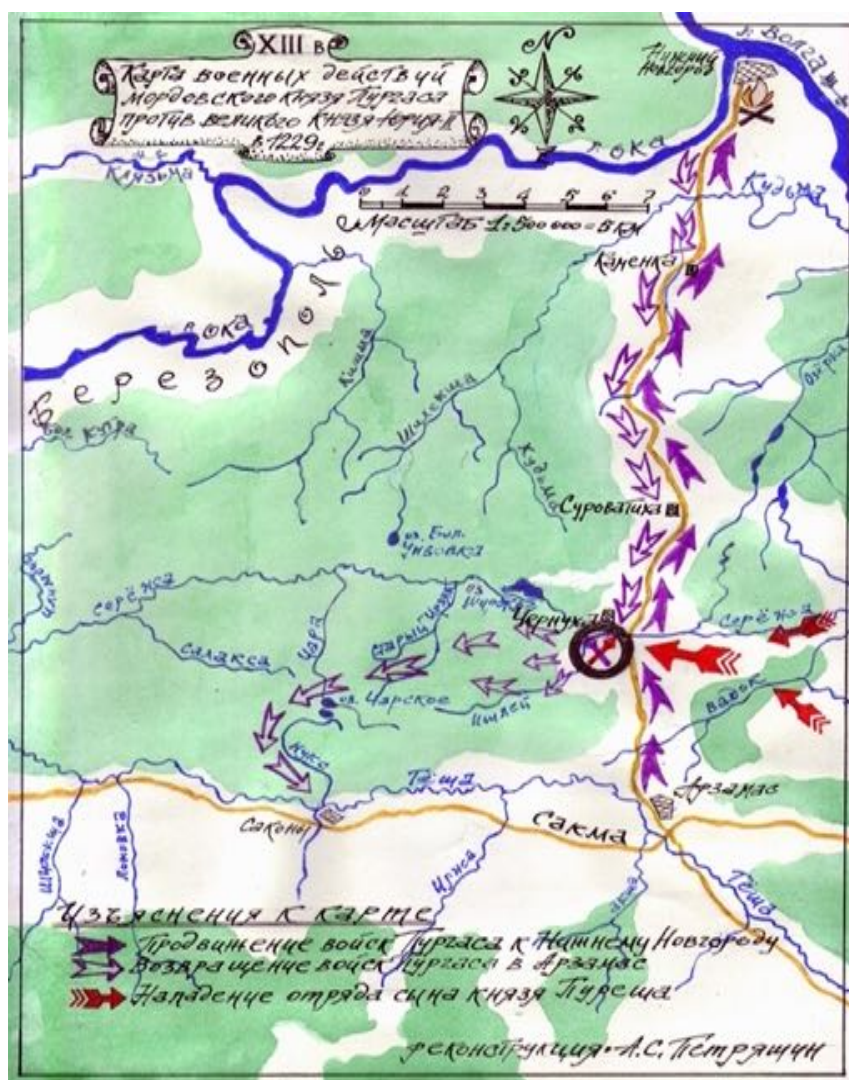
Всю оставшуюся осень и начало зимы он собирает и снаряжает войско. Вся Владимиро-Суздальская Русь, великое княжество Владимирское, в которое входили такие крупные города, как Ярославль, Ростов, Переяславль, Городец-Радиллов, Суздаль, молодой Нижний Новгород и столичные города княжества – Суздаль и Владимир, направили свои дружины под его командование. К тому же Юрий Всеволодович заключил военный союз с муромским князем и предводителем мордовского племени мокши – Пурешом. Таким образом, под его началом собралась огромная по тем временам армия.

Зимой 1228 года объединенное русское войско выступило в поход. Мордва, руководимая князем Пургасом, о наступлении русских войск, конечно, знала заранее и успела подготовиться. Тем более что две предыдущие попытки вторжения насторожили людей. Однако нападение с запада муромских отрядов под командованием князя Юрия Давыдовича было для мордвы полной неожиданностью. В отличие от нижегородцев, которым необходимо было время, чтобы дойти до пределов мордовских, муромцам надо было только перейти по льду Оку. Их нападение было внезапным, и мордва не успела спрятать хлеб со скотом, да и сами люди в плен попали. “Пургасову волость пожгоша жита и потравиша, скот избиша, полон назад послаша”. В этой фразе, правда, вызывает недоумение, что в условиях зимы муромцы потравили жито-хлеб. Возможно, летописец допустил опisku, и хлеб сожгли в амбарах, а скот избили в хлевах.

Дальше события развивались загадочным и странным образом. Младшие военачальники войска великого князя, назовем их так, узнав о том, что муромцы уже празднуют победу, раззадорились, засуетились и уговорились тайно от своих князей завоевать всю мордовскую землю. Рано утром, пока великий князь и старшие князья спали, “молоди” двинули войско в лес.

Мордва, возглавляемая профессиональным воином в нескольких поколениях князем Пургасом, с военной дружиной, состоявшей из опытных охотников, прирожденных стрелков из лука и копьёметателей, прекрасно ориентировалась в своих лесах. Заманив русское войско в лесные дебри и глубокий снег, мордовские воины окружили их и спокойно и методично расстреляли стрелами. Погибло много русичей, а остальные были взяты в плен, приведены в тверди-крепостицы и там уничтожены.

Далее русский летописец лукаво пишет, что “и князем нашим не бысть кого воевати”. Вроде бы всё, война закончилась, русскому войску можно спокойно идти домой. Но с победою или несолоно хлебавши? Во-первых, мордву в ее лесу просто так было не осилить. На интуитивном уровне они чувствуют чужих в лесу, по умолчанию стрекоту сорок “слышат” неприятеля на большом расстоянии. Во-вторых, русским князьям уже некого было вести в бой: войска не осталось. Поэтому летописец, переключая внимание, продолжает: “А болгарский князь, союзник Пургаса, который хотел побить союзника Юрия – мордовского

князя Пуреша, узнав о том, что русские жгут мордовские села, испугался и убежал ночью”. Отрывок летописи про большой военный поход против эрзянской мордвы заканчивается скромно. О победе над неприятелем не сказано ни слова.

Однако эрзяне не собирались отсиживаться по зимницам и прощать русским вероломное вторжение. От партизанской войны они перешли к наступлению. Через год, в апреле 1229 года, мордовские военные отряды под командованием Пургаса осадили Нижний Новгород. Город им взять не удалось, а вот посад вокруг крепости они сожгли, как и Благовещенский монастырь. Собрав раненых и убитых, тяжело нагруженный военный обоз двинулся коротким и прямым путем назад, в родные земли. Однако на обратном пути на израненных и уставших воинов напал большой отряд союзника Юрия, сына мордовского князя Пуреша, предводителя мокши. Сил для серьезного сопротивления у князя Пургаса не осталось, и он отступил в родной лес за реку Чар. Надо полагать, что многих раненых в обозе мокшанская мордва побила, о чем и свидетельствуют строки из летописи. Далее эрзянское войско, изрядно поредевшее в боях, ушло в свою крепость Саконы.

При тщательном исследовании карты и сопоставлении фактов удалось найти эту реку Чар. Вероятнее всего, она стала называться Чара. Небольшая, всего 32 км длиной, она берет начало недалеко от современного поселка Балахониха и протекает по дремучим, труднопроходимым муромским лесам. На своем пути она пересекает довольно крупное озеро Чарское, которое входит в систему лесных Мухтоловских озер. Течет она с юга на север и возле села Рожок впадает в реку Серёжу. Таким образом, мордовские пределы в XIII веке находились севернее реки Серёжи. Пургасово войско возвращалось кратчайшим путем в Арзамас по старой нижегородской дороге. Сейчас по ней проходит железная дорога Арзамас – Нижний Новгород. Нападение отряда сына Пуреша на Пургасово войско произошло в районе села Чернуха.

Итак, русские князья во главе с Юрием II Всеволодовичем предприняли попытку завоевать мордовские земли. Они хотели захватить торговый путь, шедший через мордовские земли. Более других этого хотели муромские князья. Поэтому, надо полагать, они и были основными застрельщиками военных действий. Однако эрзянский народ во главе с русским князем Пургасом, язычником по вероисповеданию, отстаивал независимость и защитил свою землю.

3. Все важные жизненные изменения в нашей стране отчего-то делаются революционными методами. Принятие христианства, раскол в Русской православной церкви и петровские преобразования, Октябрьская революция и перестройка. Все благие начинания сопровождаются разрушением ранее созданного, сильнейшими духовными потрясениями и огромными людскими потерями. Люди, попадая каждый раз в эти передраги, если и не погибали в братоубийственной войне или от голода, то уезжали в дальние края. Так же и в нашем случае. Часть славян и русов-язычников, живших в районах верхнего Новгорода, Ростова и Муром, не захотела принимать христианство и мигрировала к собратьям по языческой вере, мордве, – в эрзянские края. То же самое утверждал еще в XIX веке С.А. Геденон: “Пургасова Русь – не что иное, как выселение словен-язычников из Ростова и Муром в мордовскую землю” [10]. В.В. Фомин говорит о двух истоках Пургасовой Руси: северо-западной (или балтийской) и южной (аланской) [10]. Известный мордовский исследователь Н.Ф. Мокшин считает: “Более достоверным и точным следует признать “муромское” (из города Муром) происхождение воинов Пургаса” [11]. Здесь также уместно сослаться на авторитетного исследователя русских летописей А.Н. Насонова: “Пургасова Русь – это бродники (ветвь аланов. – А. П.), появившиеся в Приочье в результате половецких нашествий”. В восточной части современной Мордовии среди эрзянских и мокшанских групп встречается антропологический тип, наиболее близкий к “ильменскому” (т.е. тип русских, живших

в окрестностях Новгорода Великого) [10]. Естественно предположить, что по общепринятой в те времена традиции, по примеру славян, мордовское племя пригласило к себе на службу профессионального воина Руса, который пришел на службу со своей дружиной. “В мордовских могильниках найдены погребения воинов с воинскими доспехами: мечами, саблями, копьями, боевыми топорами, датируемые XII–XIII вв., что указывает на существование у мордвы категории воинов-дружинников” [12].

Муромцы имели своей базой город Муром. Эта деревянная крепость, наряду с Ростовом и Рязанью, – древнейшие города на землях Приочья и Верхней Волги. Муром был основан в IX в. выходцами с берегов Балтийского моря – русью (они же руги). Руги (русь) являлись одним из этносов, обитавших на берегах Балтийского моря. В те далекие времена русы еще не слились со славянами (это произошло после принятия христианства в XI–XII вв.) и не занимались, подобно славянским племенам, земледелием интенсивного характера. Они вели торговлю прибыльными товарами. Напомним ставшие хрестоматийными сообщения арабских авторов: “Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус) обнаженный меч кладет перед ребенком и говорит: “Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом”. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но у них мужчина носит кису (кусок ткани, обернутый вокруг тела наподобие римской тоги. – *А. П.*), который охватывает один бок, причем одна рука выходит наружу. И при каждом из них имеется топор, меч и нож (причем с оружием этим) он (никогда) не расстаётся. Нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами” [11]. Вот такие купцы и воины основали Муром. Жившая на берегах Оки мурома и другие племена финно-угров платили дань прекрасно вооруженным русам мехами, медом, пенькой. Торговали русы и рабами: молодыми мужчинами и девушками из окрестных земель: “С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими” [11].

Итак, с большой вероятностью можно утверждать, что Пургасова Русь – это субэтническое образование, состоявшее из южно- и восточно-балтийских славян, русов-варягов и бродников-алан. Все они были профессиональными воинами, язычниками по вере. Часть этой группы со временем растворилась среди мордвы, а другие смешались с мещерой и маджарами и, вполне возможно, приняли христианство, став родителями донского казачества.

4. Мордва – финно-угорское мирное племя. Люди жили небольшими хуторами по пять-шесть домов в лесу по берегам рек и озер, занимаясь охотой, рыбной ловлей и сбором меда, позднее земледелием. И правил ими рус – профессиональный воин, который умел воевать и руководить людьми.

Пургас – русский по национальности, князь-феодал, со своей дружиной возглавил военное дело, а затем стал управлять мордовским племенем Эрзя. В эрзянском племени отмирал древнеродовой уклад и зарождался феодализм. Имя собственное Пургас созвучно с эрзянским Пурьгине – “гром” и славяно-русским Перун – “громовержец” [13]. Такое имя не может не вызывать уважение.

5. О границах земель, на которых проживало племя эрзя, а вместе с ним и Пургасова Русь, исследователи пишут по-разному:

– П.И. Мельников-Печерский признавал “Пургаса, жившего недалеко от нынешнего города Кадома, на правом берегу реки Мокши” [10];

– В.А. Кучкин предположил, что Пургасову волость “следует искать на восток или юго-восток от Нижнего Новгорода <...> и что, по-видимому, рядом с ней, быть может ближе к реке Оке, находились владения Пуреша” [10];

– фундаментальный труд по истории Мордовии утверждает, что Пургасова волость занимала территорию в бассейне рек Суры, Алатыря, Пьяны и среднего течения Мокши. В актах XVII века упоминается “Пургасово городище” на границе мокши с эрзей (современный Пурдошанский район). Имя Пургаса сохранилось до сих пор в названиях селений (Пургасово, в 10 км севернее города Кадома), в названиях урочищ и фамилиях [12];

– по мнению профессора Е.В. Кузнецова, “занимавшее западную часть современных южных районов Нижегородской области княжество Пургаса было первым государственным образованием в этом регионе (южно-нижегородском). Где-то на северо-востоке (современный район Дальнее Константиново) от него правил другой мордовский правитель Пуреш” [11];

– Владимир Николаевич Мартьянов – арзамасец, мордвин, упорный исследователь, много лет занимавшийся археологическими исследованиями родного края, увязал устные сведения, полученные П.Д. Степановым от местной жительницы, что в районе села Большой Мокателем (Первомайский район) находилось Пургасово городище, с обнаруженным им неподалеку Понетаевским городищем и локализовал Пургасову волость на обширной территории, границей которой на севере и востоке является река Тёша, на юге Алатырь и Мокша, а на западе Ока. Он же обращал внимание на существование села Пургасово около города Кадом на Рязанщине, села Пурдошки и Пургасова городища в Мордовии, Пургасова городища около села Большой Мокателем и Пургасова прудища в верховьях реки Иржа (левый приток Тёши)” [10].

Итак, все интересующие нас топонимы расположены рядом или на самой территории обширного Арзамасского края. Это убедительно говорит о том, что именно здесь среди многочисленного эрзянского народа проживала субэтническая группа Пургасова Русь. И еще, если учитывать летописные сведения и сохранившиеся топонимические названия, такие как Ближнее Борисово или Дальнее Константиново (имена русских князей. – *А. П.*), то в начале XIII века русские князья заняли ключевые позиции в крае, потеснив с Дятловых гор мордовские племена к юго-западу. Точные границы отступления мордвы установить трудно, но приблизительным рубежом, судя по сохранившимся источникам, следует считать реку Серёжу.

Таким образом, можно очертить примерный круг границ территории, на котором проживал мордовский народ эрзя и среди них славяно-русская субэтническая группа – Пургасова Русь. С севера – река Серёжа, с востока – река Пьяна, с юга – реки Алатырь и Мокша, с запада – река Ока.

6. Где находился главный город народа эрзя? По-моему, совсем не обязательно, следуя Мельникову-Печерскому, считать, что князь Пургас жил в поселении, названном в его честь. Таких, кстати, было три. Тогда какое из трех следует выбрать?

Князь Пургас – выдающийся вождь. Юрий II Всеволодович собрал против него полки всего своего княжества, да еще позвал на подмогу муромцев и мордву-мокшу. Неужели такой князь жил на окраине своего княжества в захолустной деревушке? Как-то несолидно получается. К тому же это стратегически неправильно для профессионала-воина. Государственное образование, княжество должно было иметь свой сакральный центр, “столичное” поселение (городище). Лучшего места для него, чем современный Арзамас, было найти трудно. “В бассейне реки Тёша встречаются практически все типы археологических памятников, известные в лесной зоне Восточной Европы: стоянки, селища, городища эпохи раннего железа и мордовские тверди, грунтовые и курганные могильники. Обидно, но на территории Арзамасского района не сохранилось (или пока не найдены) такие интересные памятники, как городища и тверди, курганные могильники. <...> В черте города Арзамаса городище, скорее всего, уничтожено во время строительных работ” [14].

Территории современного города Арзамаса в археологическом аспекте почти не изучались. Поздняя застройка уничтожила почти весь древний культурный слой. Все исследователи, определяя территорию проживания мордовского народа эрзя и Пургасовой Руси, а также ее главный город и резиденцию князя Пургаса, как будто не замечали Арзамаса. И только С.В. Святкин не совсем уверенно говорит, что политический центр северомордовских племен после 1221 года “видимо, находился где-то в глубине мордовской земли. Им, возможно, был древний Арта – Арза – Арзамас” [10]. Мы в этом вопросе настроены более решительно. С большой долей уверенности можно утверждать, что главный город мордовского племени эрзя находился не “где-то в глубине мордовской земли”, а в центре огромной территории в 200 километров с севера на юг и примерно столько же с запада на восток. Столица княжества, которым управлял мордовский князь Пургас, находилась непосредственно на территории современного Арзамаса.

По поводу названия города можно отбросить легковесные байки о мифических мордовских князьях Арся и Масае, которые встретили Ивана Грозного с цветами и подарками. В переводе с мордовского “мастор” – страна, “эрзянь мастор” – страна эрзян. Далее трансформация слова: Эрзямас, Орземас и, наконец, Арзамас [15].

Итак, главный город эрзи, его столица, – это город Арзамас. Крупное мордовское поселение, расположенное в хорошо защищенном с трех сторон месте (тремя реками и заболоченной низменностью), а также с грамотно построенными искусственными сооружениями. Руководимое профессиональным воином русским князем Пургасом с военной дружиной, оно контролировало сухопутные торговые пути в Волго-Окском междуречье.

7. Тему взаимоотношений мордвы и Пургасовой Руси почти никто из историков не исследовал. А этот аспект проблемы очень важен и многое объясняет.

Благодатный Арзамасский край, заливные Пьянские и Тёшинские цветущие луга. Трава по грудь, волнами колышется серебристый ковыль. Припойменные черноземы и коричнево-темные суглинки. Дубовые, липовые, хвойные и смешанные леса. Южная граница тайги, которая переходит в лесостепь. Золотые рамена сосновых боров и опушки лиственных. А, как известно, основная жизнь кипит на границе леса и поля. Раньше распускаются листочки пригретых солнцем деревьев, птицы с гомоном прилетают сюда на ночевку, рыжая лисичка осторожно выглядывает из кустов опушки, изучая заснеженное поле и прислушиваясь к пisku мышей. Чистейшие, полноводные озера и нерестовые реки, полные ценными породами рыб. Летописные источники сообщают, что на Оке под Муромом вылавливали необыкновенно больших белуг и осетров. В более поздних документах начала XVIII века сообщается, что в арзамасских лесах водились звери: олени, лоси, медведи, волки, кабаны, зайцы, белки, лисы, куницы, горностаи, бобры, росомахи – и птицы: гуси, утки, лебеди и т.д. А один из документов, повествующий о природе края, свидетельствует, что “северное сияние летом наблюдается не часто”. Какая обида! В настоящее время северное сияние зимой ночью и на севере-то можно наблюдать не часто, а тут летом в средней полосе появлялось северное сияние – удивительно!

Арзамас находится в центре Среднерусской возвышенности на пересечении двух очень важных континентальных дорог с севера на юг и с запада на восток. По традициям тех времен города ставились на перекрестках торговых путей. К примеру, столицы хозар, волжских булгар и Казанского ханства, да и сам Нижний Новгород были построены на берегу стратегически важных участков Волги. Власти городов извлекали прибыль из их удачного расположения, собирая “тамгу” с проезжающих купцов. Возле таможенных пунктов впоследствии возникали и развивались ярмарки, такие как всемирно известная Макарьевская, а затем и Нижегородская.

Муромцы-русы построили свой город на берегу Оки не случайно. Город стоял не только на важном водном пути, но и на большом сухопутном. Прямая дорога “посу-

ху” от Мурома до Булгарского города Ошель была короче водного примерно на 150–200 км, это сокращало время в пути на два-три дня. На раскопках древнего государства Волжской Булгарии находят большое количество украшений, выполненных из балтийского янтаря, и много осколков китайской керамики. Почти все владимирские храмы XII–XIII вв. построены из белого известнякового камня, добытого в карьерах Великого Булгара. Значит, Муром и Ошель были связаны с Прибалтикой и Китаем.

Понимание того, что рядом с городом Арзамасом с IX в. (со времени основания Мурома) проходил большой международный путь, открывает новый взгляд на раннюю историю города, да и всего Волго-Окского междуречья. Можно представить, как по этой дороге мимо Арзамаса в Золотую Орду, в низовья Волги, наперегонки спешат за ханским ярлыком русские князья. Тут уж не до водных тихоходных поездок по рекам, дорог каждый час. На этом важном международном пути “из варяг в китайцы” были построены крепостицы – таможенные пункты. Вокруг них образовывались небольшие ярмарки. Следы этих крепостей сохранились до сих пор. Это большое село Саконы, сам город Арзамас, а также большое село Шарапово.

На огромной территории древнего эрзянского края в настоящее время, а это почти вся южная часть Нижегородской губернии, сохранились “такие интересные памятники, как городища и тверди, курганные могильники. Все они есть в Ардатовском, Дивеевском, Первомайском и Шатковском районах около сел Хохлово, Саконы, Стёкосово, Надёжино, Юрьевка, Кошелиха, Хозино, Верякуши, Ичалово, Корино, Понетаевка и Архангельское, в верховьях рек Акши и Иржи (левобережных притоках Тёши) и в верховьях реки Сатис (правобережный приток реки Мокши)” [16]. Эрзянский край был большой и густонаселенной страной. В ней вместе с эрзей мирно уживались мурома, черемисы, мордовские племена мокши и каратаев и многие другие народы. Особое место здесь занимали славяне-русы. Пургасова волость была важнейшей частью края, и ее история заслуживает самого пристального внимания.

* * *

Хочется закончить свой очерк картинкой собственных воспоминаний. Жили-были две деревни в Лукояновском районе Нижегородской области. Расстояние между ними 500 метров. Русская деревня моих предков с мордовским названием Поя и мордовская с русским названием Николаевка. В Пое, естественно, говорили по-русски, а в “Миколавке” – сразу на двух языках: русском и мордовском. Так и жили с давних пор...

Бабушки и внуки села Пои

Сохранилась грамота царя Михаила Федоровича к крестьянам деревни Пои Арзамасского уезда, залесного стану, данная в Москве 1623 года 8 апреля. В ней говорится: “И вы бы все крестьяне, которые в той деревне Пое <...> учнут жить, Безсона Миленина слушали, пашню на него пахали и доход помещиков платили” [17]. В обеих деревнях пахали на помещиков, ездили вместе в нарядных платках и чистых рубахах на сенокос, гуляли свадьбы, провожали и встречали солдат, вместе молились в одной церкви во имя иконы Казанской Божией Матери, пережили революцию, коллективизацию, Великую Отечественную войну, вместе ели лебеду в голодный 1947 год, о котором рассказывала мне бабушка, вместе нянчили внуков и, наконец, вместе же упокоились на одном кладбище, что на горюшке возле родника Пикшенка. Вместе прожили жизнь по-соседски, однако язык свой сохранили и некоторые древние обычаи тоже. Ругались, конечно, иногда (то один у другого травку выкосит, то еще что), только вот поссориться серьезно не успели, да теперь уж и поздно.

Фотография 1959 года. Вторая справа – моя родная бабушка Агриппина Григорьевна на руках держит мою любимую сестренку Танюшку. Уникальная фотография, говорящая о многом. Живы еще наши бабушки, и счастливы они своими внуками и внучками. Не прерывается связь поколений! Бабушки передают потомству свой жизненный опыт – традиции, обычаи, нравственные законы, основы хозяйствования. Глядя на них (простая одежда, на некоторых еще домотканые сарафаны), на босые по-летнему ноги, на натруженные руки, можно представить, какую трудную жизненную дорогу им пришлось пройти. А они же родили и воспитали детей! В каждой семье было по шесть, десять, двенадцать детей. В селе Поя много женщин было награждено званием “Матери-героиня”. Многие их дети погибли на проклятой войне. Однако этот непотопляемый, неубиваемый характер русских женщин, их мудрые, усталые глаза, их красивые лица, которые светятся счастливой улыбкой...

Вечная им слава!

Список источников и используемой литературы:

1. Филатов Н.Ф. Нижегородский край. История в документах с древнейших времен до 1917 года: хрестоматия. – Арзамас. 2001.
2. ГКУ ГАНО г. Арзамаса. ДНГУАК. Т. XVII. Вып. IV. Материалы из собрания А.Я. Садовского. – Нижний Новгород, 1914.
3. Кузнецов Е.В. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях: хрестоматия. – М., 1992.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л.: АН СССР, 1950.
5. Семёнов-Тяньшанский П.П. Географический словарь Российской империи. Т. 1. – СПб., 1863.
6. Орлов А.М. Нижегородские татары. – Нижний Новгород, 2001.
7. Мартынов В.Н. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Тёши в конце I – начале II тысячелетий н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. – Саранск, 1992.
8. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.
9. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. – Л., 1927.
10. Фомин В.В. Пургасова Русь. URL: www.portal-slovo.ru.
11. Курдин Ю.А. Под стягом Всемиловейшего Спаса: к 450-летию Казан. похода Ивана Грозного. – Арзамас: АГПИ, 2003; Кузнецов Е.В. Исторический очерк. Арзамасская сторона земли Российской: ранняя история. – Арзамас, 2002.
12. Бочкарёв В.Н. и др. Очерки истории Мордовской АССР. – Саранск. 1955.
13. Краткий эрзянско-русский словарь. URL: <http://chuvash-erzia.narod.ru/ERValks.pdf>.
14. Мартынов В.Н. Археологическая карта Арзамасского района. – Арзамас, 2002.
15. Краткий эрзянско-русский словарь. URL: <http://chuvash-erzia.narod.ru/ERValks.pdf>.
16. Мартынов В.Н. Археологическая карта Арзамасского района. – Арзамас, 2002.
17. Действия НГУАК. Т. 1. Вып. 1–14. 1887.

“Поганые князи мордовские”

Сегодня уже не осталось сомнений в том, что владения мордовского князя Пургаса находились на юго-западе Нижегородской области. Поэтому судьба его княжества является в полной мере достоянием истории Нижегородчины. В связи с этим важен вопрос, имел ли Пургас как феодал и, возможно, наследственный владлец своей волости какие-либо отношения с княжеской верхушкой Владимиро-Суздальской Руси? Были ли мордовские правители князьями в полном смысле этого слова? Или это вожди племен, выдвинувшиеся в период “военной демократии”?

В феодальных войнах побежденные правители часто не уничтожались, а встраивались в социум победителей на условиях равенства. Со временем потомки побежденных становились полноценными членами правящего слоя победителей. Такие примеры типичны для всей феодальной эпохи.

Война Пургаса и русских князей не носила этнической или конфессиональной вражды, хотя в данном случае имеет место уникальное противостояние русских дружинников-христиан с русами Пургаса, безусловными язычниками. Даже несмотря на то, что воины Пургаса, осаждая Нижний Новгород, сожгли монастырь, нигде в летописи вопрос о защите христианства, и уж тем более о каком-либо “крестовом походе” против язычников, не ставится, хотя мордва и названа “поганой” (языческой).

Рюриковичи стремились завладеть важным в стратегическом плане регионом между речья Волги, Оки и Суры, и вставшие на их пути эрзяне не были в этом случае мировоззренческими противниками. Здесь важно понимать, что если эрзяне находились в то время в стадии разложения патриархального сообщества, как нам всё еще твердят некоторые близорукие исследователи, то с ними и с их верхушкой поступили бы так же, как, например, в свое время с вождями древлян. И наоборот, если эрзянский народ представлял собой феодальное общество, то здесь не могло обойтись без интегрирующих процессов и матримониальных связей.

Примечательно, что сохранились свидетельства о наследниках Пургаса на русской службе. Советский лингвист А. Попов указывал, что в XVI–XVII вв. в среде русского дворянства существовал род дворян Пургасовых (Пургосовых), вероятно, ведший свое начало от Пургаса. Эти потомки Пургаса получали вотчины, находившиеся в границах современных Кировской, Костромской, Ярославской, Тверской и Тульской областей, где по данным писцовых книг XVI–XVII вв. имелись села Пургасы, Пургасово, Пургасова, Пургосово и др. [1] Потомки Пургаса стали русскими дворянами, и этот факт сам по себе является важным свидетельством того, что феодальная верхушка мордвы находилась на одном уровне социальной иерархии с феодалами Северо-Восточной Руси. Но если обратиться к преданиям, то в них мы встретим свидетельство более ценное, заставляющее по-новому взглянуть на статус мордовского повелителя Пургаса.

Существует несколько мордовских былин, героем которых выступает русский князь Андрей Ярославич. В них говорится о том, что князь Ярослав – отец знаменитого Александра Невского и нашего Андрея, воевавший против мордвы (о чем упоминает Лаврентьевская летопись), вышел из борьбы с Пургасом и в знак примирения женился на его дочери, красавице Утяше. Впоследствии она получила христианское имя Анастасия и стала “меньшой княгиней” – младшей женой Ярослава.

Насколько высоко правдоподобие этих легенд? Считается, что княгиня Феодосия Мстиславовна – “старшая” жена князя Ярослава – мать всех его сыновей. Во всяком случае

это написано на ее гробнице в Новгородском Юрьевом монастыре. Однако князь Андрей Ярославич был женат на дочери князя Даниила Галицкого, а упомянутая выше княгиня Феодосия была сестрой жены князя Даниила – княгини Анны. И если принять, что матью Андрея Ярославича была Феодосия, то получается, что он женился на двоюродной сестре? Такой брак вряд ли разрешил бы митрополит, даже если допустить, что его позволили бы родные сестры-княгини. И потом, надгробие могилы Феодосии-Ефросинии было изготовлено уже в XVI веке, и, возможно, мастеру не были известны все обстоятельства жизни княгини-инокини. А вот то, что матью князя Андрея была дочь эрзянского князя, и то, что он был внуком Пургаса, доказывается всей дальнейшей историей его и его потомков.

Не секрет, что у многих Рюриковичей текла в жилах кровь самых разных предков. В этих генеалогических хитросплетениях особняком стоит история княжеского рода Шуйских, основателем которого были потомки князя Андрея. По воле монгольского великого хана Андрей, вопреки старшинству, стал в 1247 году великим князем Владимирским. Правда, был он им недолго. В 1250 году владимирское княжение перешло к Александру. Возможно, Андрей Ярославович проявил непокорство татарам, так как его смещению предшествовал карательный поход на владимирские земли ордынского воеводы Неврюя. Князь Андрей удалился в эмиграцию, и не куда-нибудь, а в Швецию. Его бегство в Швецию видится нам не случайным. Археологические данные свидетельствуют о богатых связях волжских финнов (предков князя) со скандинавами. Через шесть лет, помирившись с татарами, Андрей Ярославич получил от них в удел Суздаль, Городец и Нижний Новгород. Между Суздалем и Городцом находится город Шуя. Предположение о том, что древняя Шуя – это летописная Куяба, столица финно-волжских русов, описанная в IX–X вв. арабами [4], заставляет по-другому взглянуть на причины, по которым один из ведущих родов Северо-Восточной Руси стал называться Шуйским.

Думается, что не просто так потомок Пургаса обрел право владения старинной мордовской землей – устьем Оки. И далеко не просто так его потомки стали носить фамилию Шуйские. Память о древней столице была жива, и назваться Шуйскими означало связать свою династию с ней. Но Нижний Новгород быстро рос, богател и вскоре приобрел главенствующее значение в княжестве. В силу этого потомки князя Андрея сделали его своей столицей.

Наследники Андрея вели исключительно независимую политику по отношению к московской ветви Ярославичей, наследникам Александра Невского, и всегда помнили свое происхождение. При необходимости суздальско-нижегородские Рюриковичи заключали с московскими родственниками союзы, но всегда соблюдали свои интересы. Достаточно сказать, что нижегородских князей не было на Куликовом поле, а Тохтамыш вряд ли вошел бы в Москву, если бы перед этим сыновья великого нижегородского князя Василий и Семен, бывшие в ордынской войске, не поклялись, что ордынцы не тронут город [5]. Верность мордовским корням давала себя знать, и не случайно родоначальник Шуйских правнук князя Андрея Ярославовича – суздальский князь Василий Дмитриевич носил мордовское прозвище “Кирдяпа” (“Хозяин”). Василий Кирдяпа вел себя очень своенравно и даже чеканил собственную монету. В дальнейшем Шуйские всегда занимали самое видное место при Московском дворе, были главными претендентами на русский престол, а во время Смуты, когда российский трон опустел, именно князь Шуйский стал русским царем.

Если князь Андрей был внуком Пургаса, то любопытно пристальней взглянуть на личность его деда. Несмотря на летописную славу, личность Пургаса никак не отражена в мордовских преданиях. А ведь, кажется, она должна фигурировать на самых видных местах. При отсутствии внелетописных источников здесь возникает широкое поле для интерпретаций. Существует даже мнение, что “пургас” мог быть мордовским титулом.

В первую очередь следует обратить внимание на параллель антропонима “Пургас” с именем мордовского языческого бога Пургине-паса, занимавшего одно из ведущих мест в мордовской мифологии. Исследователи считают, что языческий бог Пургине стал выдвигаться на первый план с началом складывания мордовской государственности и, подобно Перуну, был богом-покровителем воинов-дружинников [6]. Здесь очень важно отметить, что культ языческого Перуна, распространенный среди дружинников Киевской Руси, был родственен культу скандинавского Тора, литовского Перкунаса, прибалтийско-финского Перхана и мордовского Пургине-паса. Дружины русов были участниками истории всех этих народов Северно-Восточной Европы. И не менее важно, данный культ совершенно не прижился среди славянских племен, для которых русы являлись внешним фактором.

Характерно, что мордва в своих преданиях связывала с именем Пургине-паса осуществление кары за нарушение запретов на браки с представителями других народов. На предложение брачного союза с ногайцами мордовские девушки ответили [7]:

*Мы не выйдем замуж за ногайцев,
Вере-паз не велит,
Пургине-паз нас убьет,
Кто знает, куда нас пошлет.*

Это может говорить о том, что “пургас” (если это титул военного вождя) выполнял юридические и судебные функции, что вполне соотносится с правами и обязанностями предводителя воинской дружины. Любопытно, что другого летописного вождя мордвы звали Пуреш. Корень в обоих случаях один “пур”. Писательница И. Горская приводит сведения, что у мордвы было известно четыре правителя: Пургас, Пуреш, Пур Цёковость и Пур Намун, ведущих свое происхождение от бога Пургине [8]. Неизвестно, какие источники использовала исследовательница, но версия о том, что “пургас” – это титул, имеет под собой основания.

Какие вообще известны древние мордовские титулы? Л. Каптерев называл Пургаса и Пуреша “прятвами” [9], основываясь на том, что по-эрзянски “прятв” буквально означает “главарь”. Учитывая то, что он считал мордву начала XIII века первобытным племенем, это вполне объяснимо, но не может быть признано аутентичным титулом, почерпнутым из источников.

В мордовском эпосе фигурирует эрзянский титул “инязор”. Такой титул имеет мифический правитель эрзян Тюштя. Но, как заметили Е. Горюнова и В. Гольмстен, толкование “инязор” как “князь” или как “царь” ошибочно, так как оно обозначает лишь “наибольший хозяин” [10]. Скорее это “народный” титул, рожденный в процессе сложения эпоса. Из преданий, записанных на Нижегородской земле, известен мордовский титул выборного вождя “панок”. Данный титул можно считать унаследованным из сарматского прошлого (от “жупан”, “пан”). Он мог соответствовать титулу племенного вождя, но вряд ли был титулом верховного властителя. В легенде мордовский вождь Абрам говорит русскому князю: “Я не князь мордовский, а только выборный панок <...> Меня мордва не послушает” [11]. Данный ответ подразумевает, что над панками есть власть князей, которых мордва должна слушать.

Действительно, уже в XIV веке русские летописцы мордовских правителей именуют князьями – “погании князи мордовьстии” [12], хотя до этого и Пургаса, и Пуреша упоминали вообще без титулов [13]. Европейские путешественники мордовских правителей называют даже царями (rex) и говорят о царстве мордвы (Regnum Mordanorum) [14]. Значит, князья у мордвы были легитимными, и, учитывая брак дочери Пургаса с

Ярославом, в начале XIII века стояли в условной “табели о рангах” не ниже князей половецких.

Рассуждая о мордовских национальных князьях, П. Черменский полагал странным говорить о них после ордынского нашествия, будучи убежденным, что все они были истреблены степняками [15]. Но последние археологические данные заставляют пересмотреть это утверждение. Можно утверждать, что ордынцы, завоевавшие и присоединившие к своим владениям Волжско-Окско-Сурское междуречье [16], также признавали мордовскую знать равной себе. Об этом говорит археологическая находка, свидетельствующая о династическом браке между мордвином и представительницей ордынской элиты. Речь идет о парном погребении № 58 из Аткарского грунтового могильника XIII–XV вв. (раскопки С.В. Ляхова 1997 года), где в женской половине погребения была обнаружена подвеска с тамгой дома Бату [17]. Это погребение является уникальным, так как ничего подобного не было найдено ни до, ни после этого. Принадлежность девушки – супруги мордвина, захороненной в Аткарском могильнике, к ханскому роду золотоордынского государства является бесспорным фактом [18].

Опираясь на эти данные, можно утверждать, что упомянутые в русских летописях “мордовские власти” (волости. – А. М.) [19] вместе с Пургасовой волостью были полноценными средневековыми феодальными образованиями, верхушка которых рассматривалась соседями в качестве полноправных владельцев своих земель. Вероятно, после ордынского завоевания мордовские землевладельцы были встроены в золотоордынскую феодальную иерархию, став после принятия ислама “татарами”. Об этом можно судить по тому, что после начавшейся в Орде “замятни” некоторые ордынские феодалы приходили в междуречье Волги, Оки и Суры, где без какого-либо сопротивления занимали целые вотчины. П. Черменский указывал: “В начале 1360-х годов в Наровчате утвердился как самостоятельный государь (“сам о себе княжаше”) царевич Тогай. <...> Тогда же, а именно в 1362 г., прибыл в страну мордвы-эрзи на реке Пьяна князь Сегиз-Бек, построивший на этой реке крепость (“обрывая рвом ту седею”). Какой-то татарский князь утвердился на реке Тёше, построив крепость Саканы. На реке Сатис, левом притоке Мокши, в городе Сараклыч сел князь Бейхан. На средней Мокше, между Темниковом и Краснослободском, поселился князь Сеид-Ахмет” [15]. Уверенность, с которой брали власть пришельцы, говорит лишь о том, что они приходили в наследственные владения и были потомками местных феодалов. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что на территории юга современной Нижегородской области перед началом суздальско-нижегородской экспансии существовали феодальные образования мордвы, наследственная знать которых влилась в феодальное сословие соседних государств.

Список литературы

- [1] Попов. А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. – Л., 1948.
- [2] Гримберг Ф.Л. Рюриковичи, или Семисотлетие вечных вопросов. – М.: Московский лицей, 1997.
- [3] Преподобная Феодосия (в иночестве Ефросиния), княгиня. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-feodosija-v-inochestve-evfrosinija-knjaginja>.
- [4] Мальшев А.В. Пургасова русь в свете древней русской истории. – М.: Эдитус, 2020.
- [5] Повесть о Тохтамышевом разорении особого состава. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1500-1520/Maloizv_let_pamjatniki/2.php.
- [6] Юрченкова Н.Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. – Саранск, 2002.
- [7] УПТМН. Исторические песни XVI–XVIII вв. Т. 1. Ч. 2. – Саранск, 1977.

- [8] Горская И. Андрей Ярославич. Недолгий век. – М.: Армада, 1996.
- [9] Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. – Горький, 1939.
- [10] Гольмстен В.В., Горюнова Е.И. О мордовском “феодализме” // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. 8. – М. – Л., 1940.
- [11] Мельников-Печерский П.Н. ПСС. Очерки мордвы. – СПб., 1909. Т. VII.
- [12] Повесть о побоище на реке Пьяне / Воинские повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1985.
- [13] ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. – СПб., 1856.
- [14] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – М., 1957.
- [15] Черменский П.Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археологический ежегодник за 1963 год. – М., 1964.
- [16] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.
- [17] Ляхов С.В. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. – Саратов, 1999.
- [18] Бабинцев Р.В. Мордва в системе золотоордынской государственности // Известия Саратов. ун-та. Серия: История. Международные отношения. Т. 13. Вып. 2. – Саратов, 2013.
- [19] ПСРЛ. Т.11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. – М., 1965.

Анатолий Петряшин

От Мурома до Свяжска: военный поход Ивана Грозного на Казань в 1552 году

(Рождение регулярной Русской армии, городского казачества, пограничной службы России и Русской географической службы)

Это событие в истории нашего государства трудно переоценить. Победа над Казанским ханством положила конец многовековому противостоянию Руси с беспокойными соседями в среднем течении Волги и устье Камы.

Еще дед Ивана Грозного, Иван III, совершал многочисленные военные походы в эти места в 1468, 1469, 1478, 1482, 1487, 1496 и 1505 годах. Отец Грозного, Василий III, упорно и настойчиво продолжал политику отца. Укрепляя юго-восточные границы Руси, он построил город-крепость Васильсурск. В свою очередь Иван Васильевич Грозный, приняв их эстафету, предпринимал военные походы на Казань в 1541, 1546, 1547, 1549–1950, 1551 и, наконец, в 1552 годах.

Ивану Васильевичу не везло: то реки обмелеют, и тяжелогруженные корабли не могут выйти в поход, то оттепель среди зимы – и сани с пушками провалятся под лед. Многочисленные военные походы не принесли решительной победы, зато выявили слабые места, которые государь учел и исправил. В частности, из-за больших расстояний от центра крайне не хватало опорной военной базы, и она была построена в 1551 году. Ею стал город Свяжск, находящийся в непосредственной близости от Казани (29 км по прямой). Тщательно подготовившись и собрав по тем временам огромные силы (по разным данным около 150 тыс. человек), 16 июня 1552 года молодой царь выступил из Москвы.

“А сам он (царь Иван. – *А. П.*) подошел к иконе Пресвятой Богородицы, которая была на Дону с преславным и великим князем Дмитрием, пал ниц и стал молиться милосердному владыке Господу нашему Иисусу Христу и родившей его Богоматери, со многими слезами и воздыханиями сердечными, моля о помощи и о победе над сопротивными ему агарянами. <...> И пошел царь князь великий большим чистым полем к Казани со многими названными народами, служащими ему: с русскими, и с татарами, и с черкасами, и с мордовцами, и с итальянцами, и с немцами, и с поляками, в силе великой и весьма тяжелой, и шли воины четыремя дорогами, четвертый путь – реками, в лодках, шире Казанской земли” [1]. Направление – от Мурома и от Коломны на Свяжск.

Но в первый же день были получены сведения о продвижении в тыл крымцев. Пришлось государю принять решительные меры, в результате которых князь Воротынский разбил отряды крымского царевича на реке Шивороне. На военном совете 1 июля, где присутствовали князья Воротынский, Горбатый, Серебряный, Вяземский и Морозов, решено было идти двумя путями: на Рязань и Мещеру и на Владимир и Муром, дабы соединиться за Алатырем. 3 июля войска вышли, а 4 августа сошлись на реке Суре [2]. Третья часть войска, тяжелогруженная пушками, ядрами и порохом, двигалась по рекам Клязьме, Оке и Волге.

Про этот поход, особенно по движению в пределах Нижегородского края, написано так много исследований, нарисовано столько схем, карт и маршрутов, что вроде бы и добавить нечего. Однако почти каждый исследователь предлагает свой оригинальный

маршрут. Вместе с тем после знакомства с большинством описаний остается впечатление, что российский государь то ли по молодости, то ли по глупости, не подготовившись и не разведав местности, пустился в авантюрное путешествие. Не вступая в полемику с уважаемыми дореволюционными писателями и исследователями церковных древностей, предложу свою версию, сосредоточившись на вопросах, которые остаются пока без убедительных ответов. Нам предстоит выяснить, с какой же все-таки целью Иван IV предпринял этот военный поход? Каким путем шел царь? Что за город “Поль” упоминается при описании первого стана летописи? Как и для чего был основан город Арзамас? Что такое “мары” и для чего их возводили? Каковы результаты военного похода Ивана Грозного на Казань?

Прежде всего следует определиться с общим состоянием дел между Москвой и Казанью во второй половине XVI века. А обстановка сложилась критическая. Беспрестанные многолетние интриги и кровавая борьба противостоящих партий, которые приводили к власти в Казани то приверженцев московского царя, то сторонников Крыма и Турции, вконец обострили отношения двух государств. Взошедший на престол астраханский царевич Едигер-Мухаммед, ставленник Турции, всенародно поклялся быть непримиримым врагом Москвы.

Новые правители Казани, поддерживаемые астраханским и крымским ханствами, а также Османской империей, стали претендовать на земли Окско-Волжско-Сурского междуречий. Правители Турции объявили себя халифами (верховными правителями в исламском мире) и считали союзные ханства, включая Казанское, своими улусами. Они нагло заявляли свои права на земли от Черного моря до Муром и Нижнего Новгорода. Нависла угроза потери Нижегородского княжества, а вместе с тем и целостности Российского государства. Обострились религиозные противоречия. Проход по Волге к южным землям была закрыт. На западе давние заклятые “друзья” точили ножи и заблокировали выходы в Европу через Балтийское море. Наблюдая со стороны, они ожидали удобного для нападения случая. Победа была нужна как воздух!

Пеший поход имел две большие цели. Первая – утвердить православие на новых, вечно горящих конфликтами землях. И вторая – создать целостную и прочную оборонительную систему на границе Российского государства и Дикого Поля. Обе цели были одинаково важны и дополняли друг друга.

Военный поход возглавлял сам царь – хозяин земли Русской, который твердо был уверен в победе. Движение до Казани по Нижегородскому и Чувашскому краям было скорее не военным походом, а большим крестным ходом. В войске Грозного было большое количество священнослужителей, икон, церковной утвари и даже деталей внутреннего убранства храмов. На стоянках, в их ближних и дальних окрестностях, строились церкви-“обьденки”, здесь же крестилось местное население. Раздавались подарки и царские милости. Основывались православные монастыри. Активно, но деликатно для коренных жителей, по-хозяйски осваивался новый край. Теперь он включал большой торговый и посольский путь, получивший название “Царской Сакмы”. Сама эта дорога возникла, надо полагать, задолго до татаро-монгольского нашествия и, тем более, до казанского похода. Это был самый короткий сухопутный путь между городами Муром и Великий Булгар. Используя его, древняя Русь торговала с Волжской Булгарией.

Говоря о военной цели, вспомним длинный список военных походов на Среднюю Волгу – от времени царствования деда Грозного до самого Ивана Васильевича. Стоит отметить отменную подготовку русских к походу, а именно: изучение местности, подходов к укреплениям, зон размещения противника. Исследовались как водные, так и сухопутные маршруты передвижений. Много внимания было уделено картографированию и работе с картами и схемами, анализировались разнообразные пути наступления и т.д. Можно предположить, что и сам Иван Васильевич не раз с небольшим отря-

дом-дружиной выезжал для разведки местности. Он использовал накопленный опыт для создания надежной, целостной оборонительной системы государства: размечались положения будущих крепостей, определялись места для наблюдательных постов, укреплялась основная военная база – город-крепость Свияжск.

Каким же путем шел государь? Летописи сообщают, что в 1551 году зимой царь лично приезжает принимать только что построенный город Свияжск. Какой он дорогой ехал? К сожалению, об этом нет сведений. Расстояние от Москвы до Казани по рекам длиннее, чем по суше, примерно на 150–200 км. Это два-три дня быстрой езды, так что вполне вероятно, что царь выбрал более короткий путь.

Царя Ивана в чем только не обвиняли: в жестокости, деспотизме и т.д., но даже “добрый и благодарный” князь Курбский, первый и, наверное, главный биограф Грозного, который, собственно, и слепил уродливый образ великого Русского государя, ни строчки не написал о его глупости, беспечности и непредусмотрительности. Но как раз об этом и пишут первые исследователи знаменитого казанского похода, жившие в XIX и начале XX века. По их сообщениям, царь, перейдя Оку, петлял по сорок пять километров в день, как речка Пьяна, с пятидесятитысячным войском по буреломам и болотам, изредка и случайно вылавливая в окрестных лесах проводников, а то и просто снимая их с деревьев. Проводники тоже плохо знали дорогу и русский язык, плутали по лесу, и в конце пути зачем-то говорили: “Моляксо!” Как можно было, собрав огромное войско, оснастив его, имея при этом ограниченный запас времени, демонстрировать затем организационную беспомощность?

Полагаю, что дело было далеко не так. Уверен, что для похода был разработан четкий военный план, где по порядку, досконально был расписан маршрут, указаны стоянки, примерное время в пути, действия войск прикрытия и отрядов обеспечения. Закладывалось время и на общение с местным населением – великую миссионерскую деятельность “игумена земли Русской”, как впоследствии назовет Грозного Иоанн Кронштадтский. Укажем, что войско с государем во главе должно было встретиться еще с другими отрядами. И время встречи, думается, было обозначено четко и загодя.

Во многом согласен с Ю.А. Курдиным, автором книги “Под стягом всемирительнейшего Спаса”. Все как будто забыли про большую дорогу. Участник взятия Казани князь Курбский сообщает, что царь, отправившись сам на судах от Казани вверх по Волге к Нижнему Новгороду, послал конницу “не по той доброй дороге, по которой сам шел к Казани, а вдоль Волги скверными тропами”. Здесь дано очень ясное указание. Грозный шел по хорошей, “доброй” дороге. А добрая (и лучшая) дорога – это Царская Сакма. И если опираться не на разного рода художественные описания, а на текст “Казанской истории”, сообщающей места стоянок, и расположение Сакмы, то путь царя к Казани примет более четкие очертания.

В настоящее время географические карты корректируются прямо из космоса. Генерал-лейтенант Шуберт, по картам которого работали дореволюционные исследователи, и мечтать о таком не мог. Конечно же, неточности есть и в картах и, как следствие, несоответствия в названиях поселений. Однако многие топонимы древней летописи существуют и на нынешних картах.

Итак, **первый стан**: “Поиде за реку Оку на Саконский лес. И того дни ночевал в лесу на реке на Велетьме и от города Поль 30 верст” [3]. Будем искать путь по современной пятикилометровой карте Нижегородской области. Река Велетьма пересекает современную трассу Арзамас – Муром, она же, по моему мнению, и есть древняя Сакма. На перекрестке реки и дороги находится деревня Саваслейка, всего в 10 км от Мурома. Это и понятно, в первый день пройдено небольшое расстояние: переправа через широкую реку заняла много времени, начало похода – необходимо вработаться.

“И от города Польша 30 верст”. Эту фразу исследователи обычно не комментируют. Верста – русская мера длины, равная 1,0668 км, и в нужном направлении на расстоянии порядка 30 км нет претендентов на роль города Поля. Но стоит вспомнить, что до XVIII века для межевания и определения расстояний между населенными пунктами использовалась не обычная (стандартная), а межевая верста – 2,1336 км. Измеряя расстояние межевой верстой, мы получаем 64 километра. До современного села Саконы от Саваслейки по Сакме (современной большой дороге) – 57,5 километра. Слово “Польша” (от греческого “Полис” – “город”) можно отнести к обозначению Саконского городища как города на месте поля, города на заливных лугах левого берега реки Тёша, “польского” города.

Второй стан на Шилокше. По большой дороге во второй день было пройдено 27,5 км до современной деревни Шилокши, стоящей на одноименной реке при впадении ее в Тёшу.

Третий стан под Саконским городищем. От Шилокши до Сакон разогнались, поспевают уже 30 км, никуда не сворачивая по той же большой дороге.

Сообщения о городище разных исследователей противоречивы. Так, арзамасский археолог, исследователь древней мордовской культуры В.Н. Мартыянов утверждает, что археологический объект Саконы II является ярким представителем мордовского городища-тверди (крепости. – *А. П.*) мордвы Пургасовой. Правда, и его смущает местоположение городища. “Тверди располагались, как правило, вдали от больших рек, в вершинах мелких оврагов. Площадь их – от 0,3 до 4,0 га. Многие из них до сих пор находятся в лесу. Из семи известных городищ только одно (Саконы II) находится на правом берегу реки Тёши. На большей части из них – небольшой культурный слой (или отсутствует совсем), что может свидетельствовать о коротких сроках проживания на них. Все рассматриваемые нами городища-тверди построены не ранее рубежа I–II тыс. до н.э. Мощные оборонительные сооружения свидетельствуют о назначении городищ: укрывать жителей от набегов. Окружающие их болота, густой лес были серьезной преградой на пути княжеских дружин” [4]. Здесь требуется пояснение. На современной территории села Саконы и в его окрестностях существовало два городища: Саконы I и Саконы II. В самом селе сохранились следы небольшого городища (Саконы I) с хорошо видимыми валами крепости, треугольной в плане со сторонами примерно 65, 73 и 86 метров. В двух километрах к северу от него, за рекой

Тёшей, располагалось второе городище (Саконы II), которое было в несколько раз больше первого. Так вот, третий стан следует связывать с городищем Саконы I, которое расположено на левом берегу реки Тёши.

Мордовские крепостицы представляли собой частокол или срубы в столбы со рвом на 30–40 сотках, типичный схрон в дремучем лесу. Основной их функцией было защититься, спрятаться получше. Саконское городище расположено в поле, на виду, на берегу реки, перекрывает большую торговую дорогу и выпадает из видového ряда мордовских городищ. В книге “Нижегородские татары” А.М. Орлов пишет о нем так: “Одним из первых татарских объектов, обнаруженных во время похода в пределах Нижегородского края, было татарское селение Саконы. <...> Саконское городище возникло задолго до похода (Ивана Грозного на Казань. – *А. П.*). По всей вероятности, оно возведено татарами – выходцами из Чеготайского (Джагатайского) улуса в конце XIII в. Они поселились в пределах современного Ардатовского района. Городище в Саконах служило резиденцией владетельных князей. Подле него находился единственный в крае каменный курган, воздвигаемый обычно для кипчакских вождей. <...> Не случайно здесь находился таможенный пост на старинной торговой дороге, связывающий русские земли с Булгарией и степными городами. В связи с установлением контроля со стороны Казанского ханства дорога в 1498 г. была закрыта” [5]. Весьма примечательно, что, делая ошеломляюще смелые и безапелляционные заявления, их автор не приводит никаких ссылок. Откуда почерпнуты сведения про “резиденцию”, “таможенный пост”, “контроль Казанского ханства”, “1498 г.” и, внимание, “каменный курган кипчакского вождя”. Что это – домыслы, легковесные умозаключения или данные фольклора? Где доказательства? Владимир Николаевич Мартьянов, упорный археолог, тщательно исследовавший эту территорию, ничего не сообщает в своих отчетах о каменном кургане, да еще и, к тому же, кипчакского вождя.

Чье же городище было в Саконах? Мордовское, русское, татарское или болгарское? Ни археологических доказательств, ни документальных свидетельств исторических источников на этот счет пока нет. Вопрос требует отдельного изучения. Можно лишь сделать осторожные предположения, что городище существовало до похода, царь о нем знал, и оно вошло как важный элемент в единую оборонительную систему Русского царства.

Четвертый стан на поле, на Ирже. Река Иржа – левый приток Тёши. Вокруг предполагаемого места стана современные сёла Ветошкино, Булдаково, Четвертаково, Семёново, Скорятино, Слизнево. По прямой от Сакон – 25 километров по той же большой дороге. Доказательство того, что именно здесь был четвертый стан и что именно здесь проходила Сакма, – рукопись XVII века, найденная мною в архиве древних актов в Москве: “На леве вражком же до Сакмы по граням межою едучи от Кавлея (речка. – *А. П.*) до Сакмы на праве земля боярина князя Ондreja Васильевича Ситцкого а на леве земля и луги и всякие угодыя Спасского монастыря да межа Спасской же земле от Первовской пустоши Скорятина от вражка, что вышел к Сакме полем Сакмою до первые грани до помещиковы земли до Ивана да Василия Своетиновых” [6].

Пятый стан на Авшечь-реке. Под современной деревней Сальниково существовал мост через речку Акшу. Место, где он когда-то существовал, и сейчас можно определить по сохранившемуся рельефу местности. Железной дороги тогда, конечно, не было, была прямая дорога от Сальникова до Заречного. Летопись сообщает: “Идучи вверх (от впадения Акши в Тёшу. – *А. П.*) речкою Авшею да на мост, что через речку Авшу” [7]. Сакма проходила этим мостом через Сальниково на Ямскую слободу, само название которой говорит о том, что здесь находился Ям – промежуточная станция, неотъемлемая часть большой дороги. В пойме рек Акши и Тёши, возле существовавшей уже в 1552 году Ямской слободы (современное название Заречное, а до того

Странниково), и расположилось на отдых русское войско. Ямская Слобода с русскими ямщиками-охотниками, как их тогда называли, возникла, надо полагать, задолго до времени похода и основания Арзамаса как элемент старой большой дороги. “А на монастыре в ямской слободе <...> церковь деревяна, клетцки Михаил Архангел, да у тоё ж церкви придел святых мучеников Флора и Лавра” [7]. Выходя из Ямской слободы, дорога пересекала реку Тёшу и постепенно поднималась по правому высокому берегу Тёши в северном направлении. О Михайло-Архангельском монастыре в Ямской слободе, к сожалению, сведений больше не найдено. Можно предположить, что его основание – это тоже результат похода Ивана Грозного. По преданию, шатер Ивана Грозного находился на том месте, где ныне возле древней дороги стоит недавно восстановленный из руин Иоанновский храм.

Впереди на север, в пределах 2 км, через пойму реки Шамки, на высоком плато расположилось мордовское поселение – племенной центр эрзи. К сожалению, пока не найдены исторические документы, в которых говорилось бы о раннем периоде города Арзамаса. Все имеющиеся сведения имеют под собой устную, легендарную основу.

Пятая остановка была одной из самых важных, здесь государь задержался на два дня. Место, где расположен исторический центр современного Арзамаса, было очень удобным для устройства крепости. Поэтому надо с большой долей уверенности полагать, что царь посвятил эти дни обсуждению плана строительства крепости и крещению мордвы. Озеро Святое и земля Спасо-Преображенского монастыря, думается, были местом этого события. Впоследствии Арзамас стал ядром огромной оборонительной системы юго-восточных границ Московской Руси и центром распространения христианской культуры в Арзамасском крае.

По всей вероятности, на это же время приходится решение царя о строительстве большой Засечной черты. Начало ему было положено опять-таки здесь, при закладке Арзамасского кремля. Засака потом протянулась на многие километры. В нее были встроены, как сообщают источники, Арзамасские, Собакинские, Шатковские и Пузские ворота. Впоследствии появились еще и Ардатовские. Это только на территории Арзамасского района. По мере расширения границ России Засечная черта продолжала строиться и далее на юг, вплоть до реки Терек. Некоторые исследователи сравнивали русские засечные черты по трудоемкости и протяженности с Великой Китайской стеной.

После взятия Казани для охраны участка Арзамасской засечной черты рядом с Арзамасским кремлем были поселены 600 казаков. Это событие ознаменовало рождение регулярной строевой службы городского казачества России.

Шестой стан на реке Кевзе. Небольшая речка, приток Пьяны. Русское войско и после Арзамаса шло прямо, не сворачивая с Царской Сакмы, через современные села – Кирилловка, Саблуково, Успенское, Медынцево. В Дубенском был сделан привал. Это и есть шестой стан. Сохранившиеся в Дубенском храм XVII века с отдельно стоящей колокольней – еще одно тому подтверждение. Конечно же, самые первые деревянные церкви-“обыденки” не сохранились, но построенные на их месте каменные храмы мы можем увидеть воочию. Подобными Воскресенскому храму в Дубенском являются Ивановский храм в микрорайоне Ивановский (Арзамас) и храм во имя Николая Чудотворца в селе Вазьян.

Многие исследователи утверждают, что государь был в селе Вазьян. Хочется поддержать наблюдение Ю.А. Курдина [8], что царь отправился туда верхом на коне с небольшим отрядом. Расстояние от Дубенского до Вазьяна около 10 км. Всему войску идти туда полдня, да еще столько же займут сборы. И это только в один конец. Конники же осияют путь туда и обратно за час.

Надпись, сделанная в 1773 году на церковных воротах помещиком этого села Г.О. Лопатиным, гласит: “Сии царские ворота с прочими святыми иконы, предстоящими древнего письма, пожалованы от великаго Государя, царя и великаго князя Иоанна Васильевича, во время шествия его Величества в 7060 (1552 г. – *А. П.*) году под Казань и были поставлены в новопостроенную им клетчатую церковь во имя Николая Чудотворца в с. Вазьян” [11]. Молодой царь по-хозяйски осваивал новые владения: строил церкви, намечал опорные пункты оборонительной системы. Ведь что такое построить церковь? Сначала молебен с освящением и установкой креста на месте алтаря будущего храма. Затем строительство пусть небольшого, но церковного здания с полом, потолком, окнами, дверями, внутренним убранством, крышей и, наконец, установка креста на маковку. Далее не менее торжественное освящение храма. С этого момента в нем служит свой, “родной” священник. Войско уходит дальше, а православный священник остается один среди дремучих лесов, болот, диких зверей и не всегда дружелюбно настроенных местных племен. Это ли не подвиг во имя веры православной? Сколько душевных и физических трудов нужно было затратить, чтобы окрестный народ нашел дорогу к этому храму. Не забудем и то, что место для строительства храмов тоже выбирали тщательно, порой неделями и даже месяцами. Поэтому до сих пор даже среди многоэтажной застройки они поражают своим выверенным расположением. Так и в нашем случае: царственно поставленный храм на горе у дороги как бы парит над окрестными полями и заливными лугами. Слово “вазьян” в переводе с мордовского языка означает “озеро”. Видимо, озеро существовало в те времена под горой, в речной пойме. В нем-то тогда и крестил священник-миссионер языческие племена. Удивительно гармоничные пропорции Никольского храма в Вазьяне, его гениально продуманные линии никого не оставят равнодушным. Остается только сожалеть, что прекрасный храм заброшен и в нем не ведутся богослужения.

Седьмой стан на озере Икше. Направление на Путятино и далее – Смирново, Костянка, Бритово, Ногаево, Языково, Чапары, Шарапово. Дорога пересекает истоки реки Малой Якшенки (современное название). Вероятно, где-то здесь и было озеро Икша. Во время отдыха войско занимало большую площадь. Например, если шириной стана считать полосы по 50 метров от краев дороги, то его длина составит от четырех до пяти километров. Следовательно, и локализовать центр стана (царский шатер) можно лишь с некоторым разбросом. Головная часть колонны может находиться у одного конца озера, а хвостовая – у другого. Но это частности. Дневная норма движения войска – 26 километров. Это означает, что середина пути до восьмого стана (села Юрьево – см. далее) находится между деревней Ногаево и селом Языково и местоположение седьмого стана (с учетом погрешности) указано верно.

Место седьмого стана тоже по-своему примечательно. И.А. Милотворский пишет: “На прямом продолжении пути с З. на В. есть еще деревня Чапары и село Шарاپово. В версте от Чапар сохранилась древняя насыпь, называемая Шишки, имеющая в длину и ширину по 15 сажений, круглой формы с гладкой поверхностью. По народному преданию это и есть место привала войска. Немного далее на юго-восток, при селе Шарапове, рядом с большой дорогой, находится городище, окруженное земляными валами, имеющее внутри себя площадку не менее 20 сажений. По народному преданию тоже памятник похода” [3]. Село Шарапovo расположено на значительной возвышенности, а вот от него к левому берегу реки Пьяна, к Юрьеву, идет пологий спуск. Очень удобное место для устройства защитных сооружений. Тем более, рядом с Сакмой. Территория в диаметре около 50 метров, окруженная валами, не может быть ничем иным, кроме как небольшой крепостью. Намеченные заранее и сооруженные во время похода защитные сооружения из-за давности лет, к сожалению, не дожили до наших дней, однако их остатки подтверждают наши предположения. Во время привалов воины занимались в том числе земляными работами, строя оборонительные рубежи.

Восьмой стан на озере, не дошед Пьяны-реки. Прочертим маршрут от Языкова, Анненкова и Шарапова мимо Свербино по правому берегу реки Киржень в район между селами Паново-Леонтьево и Юрьеву. Те же походные 26 километров в день. Твердыми свидетельствами стоянки царского войска именно в этом месте являются сохранившиеся до наших времен курганы или, как еще их называют, “мары”: “Другими обозначенными пунктами этой стоянки могут служить пять курганов – насыпей близ бывшего погоста Сакма, на берегу реки Пьяны (в полутора верстах от Панова), и два земляных мара между Юрьевым и Гагиным (верстах в 5–6 от него)” [3]. Большая торгово-посольская дорога Сакма подходит к реке Пьяне как раз у села Юрьева (отсюда и название погоста). Здесь же находится и переправа через реку. Государь продолжает свою миссионерскую деятельность по распространению христианской культуры. Учреждает в Сакме Троицкий, а затем и Николаевский монастыри.

Теперь о курганах и земляных марах. Архимандрит Макарий приводит их размеры: “А самые насыпи величиною вообще до двух аршин вышины и от трех до шести сажень длины и ширины” [10]. В переводе на современные меры это 1,5 метра высотой и 6,5–12,5 метра в диаметре. Для чего они строились? Мары были составляющей частью системы оповещения. Они выступали земляным фундаментом для сигнальных и наблюдательных вышек. Основания вышек не должны подмываться и заливаться водой в сильный дождь и весеннее половодье, замататься снегом зимой. Кроме того, в зависимости от складок местности этот объект должен был находиться как можно выше над землей, чтобы наблюдатель мог видеть соседние вышки. На верхней площадке вышек, на специальной площадке под навесом, был приготовлен запас горючего материала, который во время возникшей опасности поджигался. Тем самым подавался сигнал следующему по цепочке наблюдателю. Ночью, для яркости огня, жгли сухое топливо, в ясную солнечную погоду в огонь подбрасывали сырые смолистые ветки, обмазанные дегтем, чтобы больше дымили. На вышке для надежности обычно дежурили по два человека. В те времена была даже специальная категория – “подымные люди”. Это крестьяне-казаки, которые поселились неподалеку от оборонительной системы на выделенной им земле. Главным делом подымных людей было по очереди нести службу по наблюдению с вышек за Диким Полем. Система была очень эффективная. Тревожные вести за считанные минуты передавались на сотни километров. Это было очень важно для мирных русских селений. Люди успевали укрыться в крепостях за прочными стенами и подготовиться к обороне.

Восьмой стан – место очень важное. Переправа через достаточно широкую, особенно весной в половодье, реку. Размещение здесь большого количества объектов оборонительной системы было логично и оправданно. В этом месте к основному войску, составлявшему 50 тысяч человек, присоединился отряд татарского князя Як Сеит Червсеева. Воины, укрепив мосты, переправились на правый высокий берег и двинулись вдоль Пьяны на юго-восток, опять же по царской Сакме. Река Пьяна хоть и петляет, но направление выдерживает. С юго-востока на северо-запад. Течет она в этом месте, Гягинском районе, под высоким правым берегом, так же, как река Тёша от Лукоянова до Арзамаса. В пойменной части левых берегов этих рек заливные луга, а правые – гористые, поросшие раменем вековых лесов. На гребнях этих земляных волн рельефа и были созданы засечные черты оборонной системы. Располагались они почти параллельно друг другу на расстоянии примерно в 50 километров и служили надежной защитой границ государства с юго-восточной стороны.

Девятый стан на озере Дубровке. Это правый берег реки Пьяны, в которую с левой стороны впадают реки Чека и Сая, район современных сел и деревень Лукьяновка, Свирино, Черновское, Ниловка и Дубровка. Как и прежде, государь по пути продвижения строит не только защитные военные сооружения, но и создает “духовный щит” против недругов. Здесь мы находим следы еще одного Никольского монастыря. В деревне Ниловка (бывшее Никольское) в 1912 году оставалось небольшое деревянное здание – часовня, в которой хранились иконы, взятые сюда из бывшего когда-то здесь мужского Никольского монастыря. На месте монастырского храма и была возведена эта часовня. “В народе сохранилось предание, что этот монастырь был основан на месте 9-й стоянки Грозного” [3].

В военном отношении эта местность особенная. Предположительно здесь смыкалась Пьянская оборонительная система и Алатурская “засека”. Об этом красноречиво говорят названия поселений: Казаково, Солдатское и Грозная крепость, а также многочисленные майданы, неперенные спутники засечных черт. С восьмого стана до девятого примерно 30 км всё по той же Сакме.

Десятый стан был на реке Медянке. Войско повернуло с юго-восточного на северо-восточное направление. В этом районе среди притоков Суры есть и Малая Медяна, и Большая Медяна, и просто Медяна, но река Медянка одна. И если опираться на дневную норму продвижения войска (25–30 км) и название реки, то десятый стан приходится на истоки двух рек – Пьянки и Медянки. Это район большого современного селения Сеченово.

Одиннадцатый стан на Мяне. И еще дополнение: “Грозный 1 августа – в первый Спас – стоял на воде, употребив на этот переход не менее двух дней”. Обычно войско Грозного останавливалось вблизи больших водоемов или рек, а тут прямо эпическое стояние на воде. Видно, воды было так много, что летописец прибегнул к гиперболе. Река Менья имеет протяженность примерно 70 км и впадает в Суру, третью по величине и полноводности в Волго-Окском-Сурском бассейне. Выражение “стоял на воде” предполагает выход войска к Суру. Наиболее удобной стоянкой вблизи впадения Мени в Суру представляется село Порецкое (это уже Чувашия). От Муром до Порецкого на Суру около 300 км. До Свияжска оставалось пройти еще около 150 км.

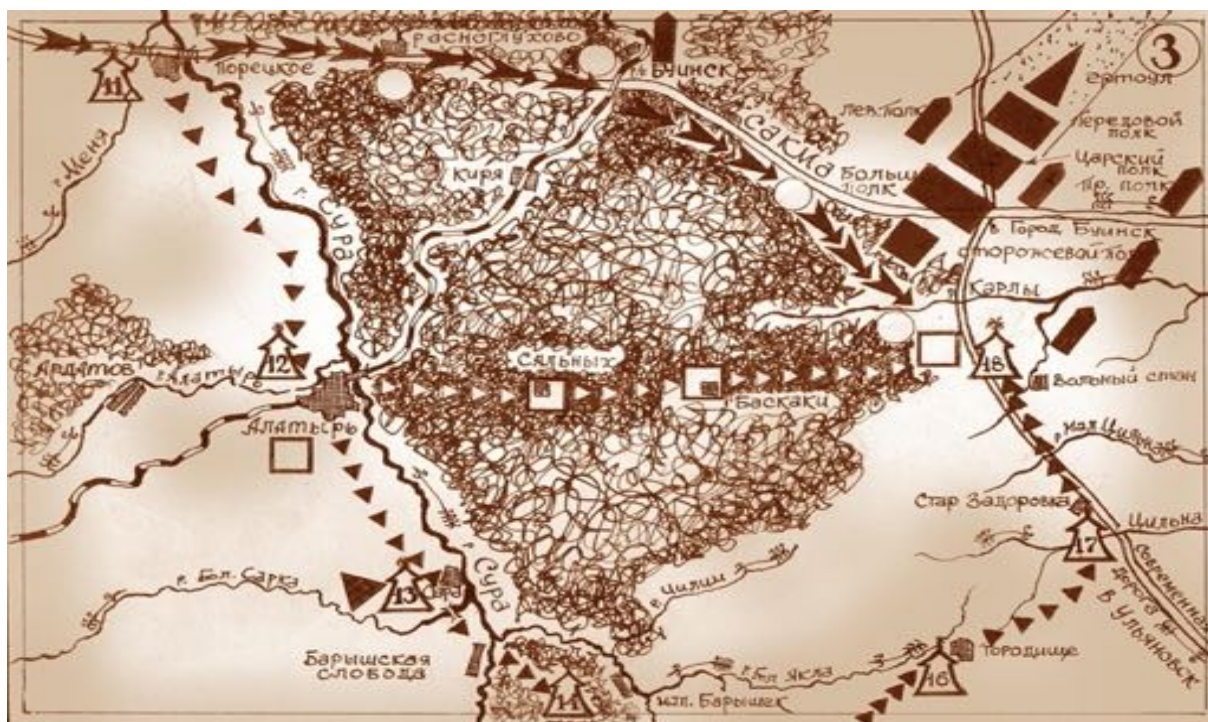
На Суру к “основному полку – матице великой” подошли еще два отряда. Еникей Темниковский, шедший вдоль реки Алатыря от города Темникова предположительно через современные поселки Новоямская слобода, Нарукосово, Починки, Кемля-Ичалки, подошел к селению Алатырь, одолев в общей сложности примерно 200 километров. Отряд князя Мстиславского пришел на реку Большую Сарку из Мещеры [3]. Он прошел примерно 250 км через современные Сасово, Краснослободск, Ромоданово,

Атышево к устью реки Большая Сарка, где в месте впадения ее в Суру расположено селение Сара.

Отдохнув в Порецком с 1 по 4 августа, русское войско переправилось через Суру и двинулось в направлении крупных поселений Республики Чувашия (современные названия Буинск и Ибреси).

Двенадцатый стан основной части войска располагался в районе современных поселений Старокаменное и Красноглухово. Шло туда воинство, вероятно, всё по той же Сакме. Сам царь 3 августа ночевал под городом Алатырь (**двенадцатый стан царского шатра**). Здесь же он встретился с Еникеем Темниковским и пришедшими с ним татарами и мордвой.

Тринадцатый стан царского шатра на реке Большая Сарка. 4 августа царь ночевал в поселении Сара на Суре при впадении в нее реки Большая Сарка (это древнее село, известное еще со времен князя Константина Нижегородского, с XIV в.). На следующее утро вместе со своими ближними боярами и отрядом князя Мстиславского он переправился через Суру. Таким образом, русские войска переправлялись через реку Суру в трех местах: в районе села Порецкого (основная часть войска), в районе Алатыря (отряд Еникея Темниковского) и в месте расположения древнего поселения Сара Великая (мещерский отряд князя Мстиславского).

Четырнадцатый стан царского шатра на реке Сура под Баранчевым городищем. В настоящее время населенного пункта с таким названием нет. Но есть на левом берегу Суры довольно крупное поселение с названием Барышская Слобода. Оно расположено при впадении в Суру реки Барышек в 8 км от Сары. Выше по течению есть также селение Малый Барышек. Значение этих топонимов, возможно, восходит к названиям – “баран-барашек”. Не здесь ли и располагалось Баранчьево городище?

На следующее утро 6 августа был великий праздник – Преображение Господне, который торжественно отмечался всем войском. Далее Патриаршая летопись сообщает о стоянках на реках, надо полагать, правого полка под командованием князя Мстиславского, в котором и находился сам государь. Однако конкретные места стоянок не уточ-

няются. Поэтому будем руководствоваться дневной нормой продвижения войска и общим направлением на Свияжск.

Пятнадцатый стан царского шатра на речке Кивате: “Тут Царь благочестивый 6-го числа дневал на благолепное Преображение Господа нашего Иисуса Христа”. Ныне существующая небольшая деревня Кивать расположена на одноименной речке, впадающей слева в реку Барыш (правый приток Суры). От Барышской Слободы в юго-восточном направлении до деревни Кивать примерно 25 км, привычная дневная норма продвижения войска. Набожный государь, который строго соблюдал каноны христианской веры, торжественно отмечал праздник, молился за удачу в огромном ратном деле вместе со своим братом Владимиром Андреевичем, воеводами и всем русским воинством.

Шестнадцатый стан царского шатра на Якле. 7 августа отряд князя Мстиславского, пройдя за день 28 км, сделал привал на реке Большая Якла (правый приток реки Барыш). Здесь находятся селение Новое Чекурское и деревня Городище. С большой долей уверенности можно утверждать, что название это пришло из тех далеких времен и отражает факт строительства городка русскими мастерами.

Тринадцатый стан основной части войска. В тот же день, 7 августа, “Матица великая” продвинулась для соединения с другими отрядами в восточном направлении по Царской Сакме и пришла в поселок Буинск. Опираясь на скупые строки летописей, можно сделать осторожные предположения о перестроении здесь русского войска. Небольшая часть войска с тяжело нагруженным обозом свернула с Сакмы влево (ее стали называть левый полк) и двинулась на современный Канаш. Остальная часть войска свернула с Сакмы вправо.

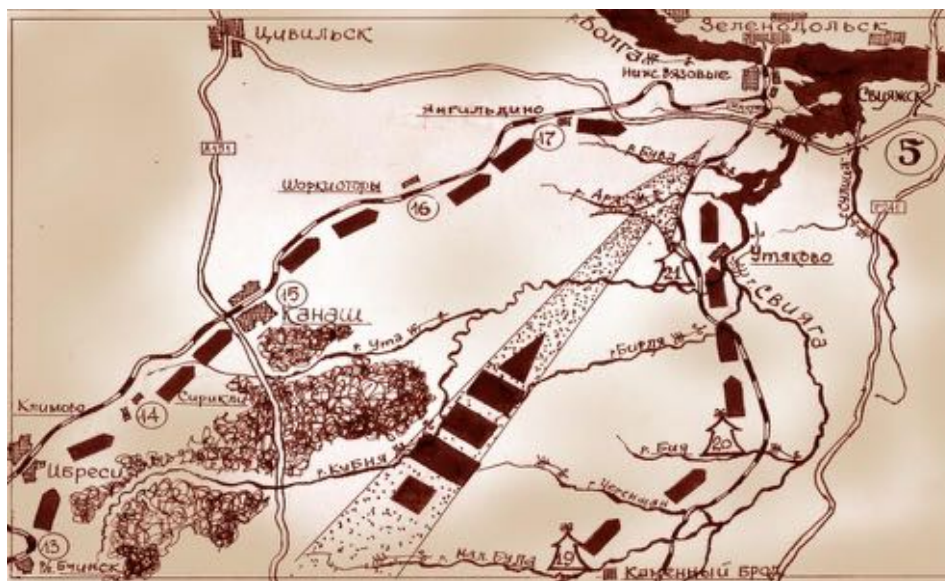
Семнадцатый стан царского шатра на Чивлы (8 августа). “Тут государя встретили многие горние люди, а били челом о своем отступлении (об измене. – А. П.); сказывают, страхом от государя отступили, что их воевали казанцы. И государь их пожаловал, проступки их отдает, и ести зовет и удовляет ествою и питием, отпускает их по селом, являет им готовым бытии с собою, государем, на Казань; они же обещаются государю служить” [11]. Топоним “Чивлы” на современных картах отсутствует. Искать приходится, опираясь на длину дневного перехода войска и направление движения. Наш выбор стана – это район нынешних деревень Старая и Новая Задоровки, Алёшкин-

Саплык и Новые Алгаши, в бассейне рек Малая Цильна и Цильна, левых притоков реки Свияги. Может, Цильна изначально звучало как Чивлы?

Четырнадцатый стан левого полка (8 августа). Войско, минуя Ибреси, останавливается на отдых в районе современных поселений Климово, Сирикли, Тойси-Паразуси, недалеко от реки Хома. Про эту остановку в летописных документах ничего не сказано, и наши предположения чисто умозрительны. Однако, во-первых, неоспоримо направление пути – Свияжск. Во-вторых, следует учесть рельеф местности. По самому высокому месту (гребню водораздела, включающего истоки близлежащих рек) проходит железная дорога. Более удобный путь на Казань трудно найти.

Восемнадцатый стан царского шатра на Карле (9 августа). Река Карла – левый приток реки Свияги. На расстоянии 25 км от семнадцатого стана расположены поселения Мокрая Савалеевка, Каменный Брод и Вольный Стан. В этом месте царь перестраивает свои полки из разрозненных колонн в боевой походный порядок: “Тут на полях пришли к государю справа воеводы его государевы боярин и воевода князь Иван Фёдорович Мстиславский с товарищи. И государь велел передовому полку перед своим полком за ертоулом пойти, а правой руки велел идти направи у себя, а большому полку велел идти назади своего полку, а за ним сторожевому полку; а левой руки велел государь идти у своего царского полку налево” [11]. Впереди город-крепость Свияжск, вокруг знакомая, разведанная ертоулом (полком разведки) местность, с присягнувшими на верную службу народами, справа река Свияга, отделяющая от неприятельских земель, и все равно государь не расслабляется. Никакой беспечности, твердое соблюдение законов военной науки. При этом сам царь постоянно находился в правом полку, лично изучая местность и выстраивая линию будущей оборонительной системы.

Пятнадцатый стан левого полка: город Канаши (9 августа).

Девятнадцатый стан царского шатра на Буле (10 августа). Река Була – левый приток Свияги. Здесь расположены деревни Апанасово-Темяши, Бик-Утево, Кабаланы и Каменный Брод. Селение с таким названием встречалось на предыдущей стоянке, у реки Карле. Что это – простое совпадение или следствия одного и того же великого события – похода Грозного? Так или иначе, учитывая широкий фронт движения армии, можно с уверенностью сказать, что отдыхало русское воинство от правого полка до левого на расстоянии примерно в 80 км, от чувашских поселков Буинск и Ибреси до татарского города Буинск.

Шестнадцатый стан левого полка (10 августа). Местечко с названиями селений Шоркистры, Чубаево, Урмары, правый берег реки Малый Аниш. Удобное место для водопоя и отдыха от жары и тяжелой физической работы.

Двадцатый стан царского шатра на Бее (11 августа). Правый полк, остановки которого отмечает летописец Никон, сделал привал на берегах небольшой и короткой речки Бия, левого притока Свияги. Здесь государь назначил встречу свияжским воеводам. Интересна строка летописи: “И как государь пошел к стану и туто его государя встретили”. Согласимся, что это описание человека, привыкшего делать дело, во все вникать и контролировать исполнение своих указаний.

Семнадцатый стан левого полка: истоки рек Секерка и Бува. (11 августа). Рядом поселения – Уразмётево, Янгильдино, Тюрлема. Это последний полевой стан левого полка перед рекой Волгой. Отдохнув, полк на следующий день, двигаясь по левому берегу Секерка, прибыл к Свияжску.

Двадцать первый стан царского шатра: поселения с современными названиями Утяково и Утяшки, селение и железнодорожная станция Кубня (12 августа). Путь до них от предыдущего стана составляет примерно 32 километра. Но близость заветной точки похода окрыляла войско.

Военная энциклопедия сообщает: “13 августа вся рать, запасы и наряд в Свияжске” [2]. В те времена нарядом называли артиллерию. Тяжелые пушки, огромное количество запасов: пороха, пушечных ядер, нарезанного свинца для пищалей, средств для осады и т.д. – всё это под командованием царских воевод Шиг-Алея и Петра Булгакова, перевозилось водным путем – сначала по Клязьме, а затем по Волге. Уже один этот факт говорит о предусмотрительности царя и его сановников и глубокой проработке всех нюансов похода. Важно также указать, что загодя “царь приказывает касимовскому царевичу Шигалею и воеводам привести к правде всю Горную страну”, так что “в течение лета 1551 г. ездили к государю человек по 500–600, а государь их жаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом князей, мурз и сотных. Казаков жаловал шубами з бархатом, золотом, а иным чюваше и черемисе камчатые атласные, а молодым однорятки и сукна и шубы белые, а всех государь пожаловал доспехи и конми и деньгами” [5]. Благодаря продуманной политике царя войско продвигалось по миролюбиво настроенной и заранее изученной территории, не опасаясь крупных столкновений с неприятелем. В общей сложности участвовало в походе около ста пятидесяти тысяч человек. Вести о продвижении войска были известны не только в Казани, но и в самой Турции, но охотников напасть на русскую рать не нашлось. Да, были отдельные мелкие стычки с татарами, но это были единичные эпизоды. В большинстве своем местное население всячески помогало и способствовало походу: “И такое воинство Богом уготовано пищу обретаху на поли, убо всяким благовонным овощем довляхуся... Мордва вся потребная приношаху хлеб, мед, говяды, ова дарованием, ина же продаваху и мосты делаху” [3]. Обратим внимание на выражение “ина же продаваху”: Грозный покупал фураж и продукты питания у местного населения за деньги, и это характеризует его как дальновидного политика. Стоит вспомнить также имена так называемых проводников, о которых сообщает архимандрит Макарий: мордвинов Калейку, Кужендея, Гольцова и татарина Бахметьку, дети и внуки которого на службе у русских царей добились княжеских высот. Поход был “быстр, искусен, смел” [2]. Войско прошло 800 верст от Москвы до Свияжска, где отдохнуло “как дома” (князь Курбский) перед последним переходом к Казани. Впереди его ожидало сорок дней тяжелейших боев...

Казанский поход 1552 года был выдающимся деянием русского народа.

- 1. В результате победы из рабских колодок, цепей и от кнута палачей было освобождено более 100 000 пленных русских людей – женщин, детей, молодых мужчин.**
- 2. Московская Русь увеличила свои земли более чем в два раза.**
- 3. Поход открыл торговые пути по Волге и путь казакам Ермака в Сибирь.**

4. Были созданы регулярные профессиональные войска (Русская армия), ядром которой стали стрельцы.

5. Впервые вольное русское казачество было приведено “в роту” (к присяге) и поставлено на государственную военную службу. Казаки наделялись землей для кормления, за ними закрепилось название “городовое казачество”.

6. Впервые на Руси на основе городского казачества создается пограничная служба. Одним из первых ее центров стал Арзамас, его казачья слобода Выездное. При этом создается сложная, огромная по размеру, сравнимая с Великой Китайской стеной оборонительная система юго-восточных границ Русского государства. Многочисленные ряды засечных черт (с расширением Русского государства) будут вскоре построены вплоть до реки Терек.

7. Впервые в военных действиях широко применялась артиллерия, что во многом способствовало победе русских дружин. Производство пушек и пороха для них стало результатом успешного развития металлургии и химического производства.

8. Впервые была создана “армия” ученых-землепроходцев, землемеров и географов. В 1550 году был выполнен Большой чертеж Московской Руси с привязкой к карте городов, сёл, рек, озер. Определены и промерены расстояния по рекам и сухопутным путям.

9. Во время похода было основано пять монастырей и построено огромное число храмов – церквей-“обыденок”.

10. Земли Волго-Окско-Сурского междуречья стали прообразом (моделью) многонационального государства, Великой России.

11. В походе проявились лучшие человеческие качества великого государя Ивана Грозного: талант организатора и полководца, государственная мудрость и ответственность за судьбу малых племен и покоренных народов.

Всё это неоспоримые факты, а не коварные исторические сплетни, пущенные в обиход изменником Курбским. Всё это было сделано по воле и замыслу одного человека, хозяина земли Русской – царя Ивана IV, которому исполнилось к тому времени всего лишь 22 года.

Страшная жара! По словам летописца, в тот год пересохла все болота, малые речки и ручьи. Пыль, пот, тучи насекомых и тяжелая физическая ратная работа каждый день – всё преодолели русские воины, а вместе с ними и царь, еще, по сути, юноша. После этого похода великий князь Иван IV Васильевич действительно становится царем – Грозным для врагов, а Московская Русь – Великой Россией!

Список литературы

1. Бурова Т.Л. Россия XIV–XVI веков. – Арзамас: АГПИ, 1998. – С. 111.
2. Военная энциклопедия. – СПб., 1911. – С. 284.
3. Милотворский И.А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г. / УГ ГАНО – 2; Арзамас // ДНГУАК. Т. XIII. Вып. 3. – Н. Новгород, 1912. – С. 10. И далее по тексту о станах Грозного по Нижегородской губернии.
4. Мартьянов В.Н. Археологическая карта Арзамасского района. – Арзамас: АГПИ, 2002. – С. 17.
5. Орлов А.М. Нижегородские татары. Этнические корни и исторические судьбы: очерки. – Н. Новгород, 2001. – С. 104–105.
6. Выпись из писцовых и межевых книг игумену Ионе на рыбные ловли и на крестьян. Спасский монастырь // РГАДА. Ф. 281. Коллегия экономии. Д. 256. Год 7135 (1626). 9-е октября.
7. Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке. Переписная книга Арзамасской Ямской слободы 1628 г. – Арзамас: АГПИ, 2000. – С. 108.
8. Курдин Ю.А. Под стягом Всемиловейшего Спаса. – Арзамас: АГПИ, 2002.
9. Действия НГУАК УГ ГАНО-2. Арзамас. Вып. 10: XV. Заседание 4 марта 1891 года.
10. Архимандрит Макарий. Памятники церковных древностей. – Н. Новгород, 1999. – С. 487; Гацисский А.С. Погост Сакма // ДНГУАК. Т. III. – Н. Новгород, 1870.
11. Патриаршая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 13. – М., 1965. – С. 199–203. URL: <http://wordweb.ru/2007/11/29/o-pokhode-ivana-groznogo-na-kazan.html>.

БАШНИ КРЕМЛЯ

Андрей Тремасов

ОТКАЗНАЯ “СТРЕЛЬНИЦКАЯ” БАШНЯ

...Здесь памятник тому, чье имя – Минин,
Здесь башня Отказная и стрелецкая...
Святая, нерассказанная, светская,
Хранившая веков минувших иней...

Перед кремлем была ты самой первой,
Непобедимой и пятиугольной...
До битвы у врагов сдавали нервы,
И слух ласкали звоны чаш застольных...

Здесь памятник тому, чье имя – Минин!!!

Ярослав Кауров

ДМИТРОВСКАЯ БАШНЯ

А Дмитровская – форт центральный –
Огнем пищальных батарей
Секла разбойных и опальных
И прогоняла от дверей.

Теперь она, дворцов стройнее,
Царит как храм и как музей,
И флаги плещутся над нею
И привечают всех друзей.

Андрей Тремасов

КЛАДОВАЯ БАШНЯ

Кладовая башня – Кладинец,
Меч, что Русь незримо защищает...
Сыну передал его отец,
Сталь дорогу Веры освещает...

Кладовая башня в годы смут
Дарит горожанам утешенье...
Ангелы надежду берегут,
Чтоб душа познала воскрешенье...

Воскрешенье – это облака,
Совесь, озарение, строка...

Татьяна Родионова

НИКОЛЬСКАЯ БАШНЯ

Никольской церкви слышен звон
На улице Никольской.
И сквозь века прорвется он
Пусть башнею кремлевской!
И вот близ берега стоят
Двух рек больших и древних,
На Нижний Новгород глядят
Никольской башни стены.
Сейчас нет рва, зато есть съезд,
И каждый его знает:
Его, который уже век
Зеленским величают.

КОРОМЫСЛОВА БАШНЯ

Башня Коромыслова –
Узница легенд.
Полчище неписанных
Боевых побед.
Не могла отстроиться
До тех пор, пока
Кто-то не схоронится
От руки стрелка.
Так, однажды по воду
Девушка пошла.
Ранним утром смолоду
Смерть свою нашла.
Расплелися косыньки,
Девушка кричит...
Так живьем и бросили
Под земли гранит.
Подарила жизнь тебе,
Прокричав неистово.
И стоит теперь
Башня Коромыслова.

Андрей Трemasов

ТАЙНИЦКАЯ БАШНЯ

Тайницкая башня – мудрость стен,
Силу придают не только стрелы,
Но и книжный шелест перемен,
Если книги старцев наших целы...

Тайницкая башня – тайна строк,
Выкованных вечностью когда-то...
Здесь бывал и воин, и пророк,
Но веками стерта эта дата...

СЕВЕРНАЯ БАШНЯ

Северная башня – сны кремля,
Ты царишь легендами времен...
Пушкою незримою паля
В сторону, где нет давно имен...

Был шатер, а ныне – Божий храм
Благодарно на тебя глядит...
Северная башня – путь к стихам,
Соловей на веточке сидит...

Тень Литовца-мастера хранит
Эти камни, этот Холм Святой...
Песнями соловушка звенит,
Брось в него монеткой золотой!

Попадешь... исполнится мечта,
Даже если та мечта – не та...

Дарья Максимова

СЕВЕРНАЯ БАШНЯ

И неба светлые просторы,
И ветра безутешный шум,
И Волги синей дивны взоры –
Возвысили извечность дум.

Литовец там легендой снова
Воскреснет – башня спасена.
И ясен град проклятьем слова,
И башня издали видна.

Видна, покуда думы знойны
Творят мистический сюжет,
И башни Северной достойны
Лишь небо, воин и поэт.

Сергей Мурзинский

СЕВЕРНАЯ

Северный ветер мне бьет по упругим щекам –
Будто седой генерал-исполин.
Северный камень – преграда жестоким векам
Этот форпост – он всему господин.

Северный воин сурово и зорко глядел
(Зрят, как и прежде, бойницы-глаза!)
Он созерцал свой бескрайний заволжский удел –
Диким соседям навеки гроза.

Север литой в этой массе! И вечен, и свят!
Камень холодный ветрами согрет.
Снова на стражу – хоть витязи древние спят –
Станет здесь северный русский поэт.

Ярослав Кауров

ЧАСОВАЯ БАШНЯ

Над Волгой и Окой вставая,
Как рыцарь с гордой головой,
Сурово смотрит Часовая –
Кремля великий часовой.

С нее видны такие дали –
Луга, леса, изгибы рек, –
Как будто планами баталий
Исчерчен первозданный снег.

Она темна и неприступна.
Отсюда воевода мог
Следить за ханом неотступно,
Как за рабом своим у ног.

Андрей Трemasов

ИВАНОВСКАЯ БАШНЯ

Ивановская башня – ополченье,
Багровый стяг и Господа рука...
Предназначение, предназначенье
Венчает Русский Гений на века!!!

Ивановская башня – глас народа
И окрыленность, спасшая Москву
В год славного и страшного похода...
Трёхперстье отпустило тетиву,
Послав СТРЕЛУ.

Сергей Мурзинский

БЕЛАЯ

Белые бороды тех мастеров
Волжские ветры ласкали.
Строг и изящен, красив и суров,
Смотрит он в дальние дали.

Кремль возведен. И по белым стенам
Белые витязи стали.
Вас не хватает, о витязи, нам,
Белые люди из стали!

Нет больше давних свирепых врагов,
Спит богатырь обветшавший.
Высится он среди белых снегов.
Спи, шлемоносец уставший!

Девушек белых таинственный смех
Нежит наш северный камень,
Белая доблесть равняет нас всех –
Сага и быль, лёд и пламень...

Ярослав Кауров

БЕЛАЯ БАШНЯ

Все пять бойниц у Белой башни
Всегда нацелены на порт,
Из доброй пушки выстрел страшный
Пробьет челна чужого борт.

Спокойно под такой защитой
И торговать, и пировать,
Послов встречать с богатой свитой,
Отстаивать свои права.

Татьяна Родионова

ЗАЧАТЬЕВСКАЯ БАШНЯ

Зачатская башня названа так,
Как звался былой монастырь.
С нее отражались сотни атак,
Виднелась просторов ширь.
С течением лет изменялась не раз,
Не раз закрывались врата.
Но ныне ты снова открыта для глаз,
Ограда теперь отперта.
На памятном месте – осколки времен,
Сама ты не стерта с земли.
Пройдут сквозь тебя еще сотни имен,
Как сотни печалей прошли.

Ярослав Кауров

БОРИСОГЛЕБСКАЯ БАШНЯ

Борисоглебская на склоне,
Как драгоценный оберег.
Святые головы не склонят
Князя Руси Борис и Глеб.

Ползи на стену, коль не страшно,
Под сотнями тяжелых стрел
И думай, что тебя из башни
Берут пищали на прицел.

Андрей Трemasов

ГЕОРГИЕВСКАЯ БАШНЯ

Эту башню Георгий хранит,
Да, тот самый, убивший змея...
Здесь оружие поныне звенит,
И враги подступиться не смеют...

К этой башне. В ней сила Кремля,
Сила будущих поколений...
Богом названа Русской земля,
Где рождается воин и гений!!!

ПОРОХОВАЯ БАШНЯ

Пороховая башня – тот запас
Для русских ружей, пушек и пищалей,
Что Бог просыпал. Можно и на глаз
Палить, как нам умельцы завещали...

Пороховая башня – дым веков
И грозное врагам предупрежденье...
Всегда хватало у Руси врагов,
Но все они терпели поражение...
Под пулей, под ядром и под мечом,
А меч силен не хитростью – плечом!!!

Михаил Чижов

ОБ ИМЕНАХ И ТОПОНИМАХ

1. Историки

Порой это слово хочется взять в кавычки.

Как-то проходил по Нижегородскому кремлю, где летом обычно много организованных туристических групп. Остановился возле монументального памятника с двумя бронзовыми фигурами. Экскурсовод, молоденькая девушка, бойко докладывала окружившим ее туристам:

– Перед нами памятник великому князю Георгию Всеволодовичу, основателю Нижнего Новгорода, и его духовному наставнику святителю Симону. Торжественное его открытие состоялось 26 февраля 2008 года в присутствии губернатора Валерия Шанцева и архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия.

Вдруг из толпы раздался ехидный голос:

– Это не тот ли Юрий, сын Всеволода Большое Гнездо?

Девица смешалась, не зная, что ответить. И тот же голос продолжал спрашивать:

– Почему в летописях всюду пишут Юрий, а нижегородцы ставят памятник Георгию?

В самом деле, почему? Меня этот вопрос тоже давно интересовал. Ясное дело, что греческое имя Георгий легко трансформируется через Гюрги (татарский вариант произношения Георгия) в Юрия, считающегося мирским. Элементарный, казалось бы, вопрос: закрепить в исторических хрониках единственный вариант написания имени третьего сына великого Владимирского князя Всеволода Большое Гнездо. В московских исторических изданиях его всегда называют Юрием Всеволодовичем, да еще с приставкой II (второй)! Он основатель Нижнего Новгорода, погибший в битве с татарами на реке Сити. Первым Юрием из великих князей был дед его Юрий Долгорукий, основатель Москвы, которого только Николай Карамзин в своей “Истории государства Российского” посмел назвать Георгием. Закрепилось же за ним твердо Юрий. И памятник в Москве установлен Юрию Долгорукому, а не Георгию.

Почти двести лет назад Михаил Погодин, известнейший русский историк, предупреждал, что есть в истории имена и даты, с которыми следует обращаться “с крайней осторожностью”. Так почему же московские историки называют основателя столицы Юрием, а нижегородские историки с именем основателя своего города путаются и доньне? Мало того, эту путаницу они закрепляют в XXI веке в бронзе, хотя в книгах по истории города приводят фото записи нижегородского летописца старославянскими буквами: “Лета 6729 великий князь Юрий Всеволодович заложил град на усте реки Оки и нарече имя ему Новгород Нижний”.

Определиться бы русским историкам раз и навсегда с именами предков. И не столько для себя, а для молодых, чтобы не было у них в голове путаницы, от которой рождается неуважение к собственной истории. Молодые не будут рыться в старых книгах и даже в Интернете, чтобы объяснить расхождения. Им нужна четкость.

Можно тем не менее понять и нижегородских историков. В 1645 году Юрий Всеволодович был причислен к лику святых под именем “Святого благоверного князя Георгия Всеволодовича”. В синодиках Русской православной церкви (РПЦ) XVII века имени Юрий не было, только Георгий. Наверное, требуется всякий раз, когда делается ссылка на лето-

пись с именем Юрий, делать сноску, почему он стал Георгием. Разговорный вариант пусть остается только за Юрием Долгоруким, которого к лику святых не причисляли.

Другой пример путаницы связан с именем Козьмы Минина. Тут всё с точностью до наоборот. В церковных синодиках того времени не было имени Кузьма, а только Косма (происходит от греческого “космос” – мир). То есть имя вдохновителя нижегородского ополчения при крещении было Косма. Однако его земляки, наши современники, упорно именуют Минина на простонародный манер Кузьмой. Героя, которого царь Михаил Романов за заслуги возвел в чин думного дворянина, называют как простого мужика. И хочется приветствовать точность надписи на памятниках гражданину Минину в Нижнем Новгороде и Балахне. На обоих имя Козьма.

В истории много белых пятен из-за недостатка археологических и неточностей летописных и хронологических данных. Потому-то приходится выдвигать гипотезы. Споры историков, как правило, возникают при обсуждении нечетких сведений, при этом они делятся на “консервативную” и “либеральную” части. Pro et contra. Самое печальное в этом противостоянии – абсолютное неприятие точки зрения другой стороны, словно нет ничего ценного в ее доказательствах. Спорщики упиваются своей “правотой” (зачастую ошибочной), не слыша аргументов противной стороны, и громят “редуты” оппонентов, как во время боевых действий. Обеим группам не важна истина, им нужна “победа”. Нет бы сесть за круглый стол и спокойно и вдумчиво договориться, ликвидируя очередное “пятно”, затуманивающее Историю ненужными домыслами и оставляющее вопросы, которые рано или поздно будут заданы любознательными потомками.

Господа “историки” в Российской Федерации разработали и утвердили в качестве учебников истории для средних школ 85 разновидностей. История на любой вкус! Для каждого региона своя. Вкушайте, подрастающие поколения, разные исторические блюда, в том числе дурно пахнущие и несъедобные, формируйте расколотое сознание, лелейте ненависть к истории родного государства. А как иначе, если в одном учебнике Сталин представлен вампиром, а в другом – успешным менеджером, поднявшим Россию от сохи в космос. А как относиться к учебникам, утверждающим, что фашистов победил “генерал-мороз”, маршал Жуков заваливал противника трупами красноармейцев, а сталинизм – родной “брат” нацизму (смотри, например, учебник Шубина). И при всем при этом наши власти удивляются, почему в Восточной Европе рушат памятники советским освободителям. Да потому что мы сами внутри страны не определились со своим прошлым и делим историю на “до” и “после”, не имея единого взгляда на нее.

Что в сердце варится, на лице не угаится.

2. Путаница

Смотрю телеканал “Волга”. Идет репортаж с берега реки Старки, что протекает вдоль улицы Генерала Ивлиева. Молодая тележурналистка вельможным (другое слово подобрать невозможно) голосом вещает:

– Мы ведем репортаж с берега речки Старки.

Я тут же внутренне похвалил ведущую: “Молодец, наконец-то на телевидении узнали правильное название”, – но тут же осёкся, услышав:

– Она же Кова, она же Рахма.

Ну вот, думаю, приплыли...

Удивляет равнодушие нижегородцев к названиям, связанным с малой родиной. Отчего нам так безразличны точные наименования исторических мест? Передо мной десять подробных карт нагорной части Нижнего Новгорода, и каждая из них отличается друг от друга названиями малых рек города. На одной из них Кова впадает в Рахму, а Старки вовсе

нет. На другой есть и Старка, и Кова, но Рахма берет исток около станции Мыза, а не в Щербинках. В общем, как написал Корней Чуковский в своей “Путанице”:

Замякали котята:
– Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!

Мы пока тоже “хрюкаем”, как кому вздумается.

Откроем “Очерки истории и описание Нижнего Новгорода” Николая Ивановича Храмцовского (1818–1890), знаменитого краеведа. Он рассказывает о городе в 1855 году и пишет, в частности: “Между улицами Тихоновской и Варварской, от самой Варварской дамбы до городской черты, пролегает Ковалихинская улица. Она идет по оврагу, в котором прежде тек упоминаемый в летописях и старинных актах Нижнего Новгорода Ковалихинский ручей”. До сих пор улицу Ковалихинскую зовут просто Ковалихой, здесь когда-то было много кузниц, в которых мастера ковали металл. Для этой работы требовалось много воды, ее и брали из ручья. Вот данные городского магистрата, приведенные в кратком очерке “История города Горького” от 1971 года: “К концу XVIII в. в городе действовало 58 кузниц; 72 семьи занимались кузнечным делом, некоторые работали по найму в чужих кузницах”. Название ручья Ковалиха сократили до Ковы. Такие сокращения – обычное дело у русских.

В издании “Нижний Новгород. Карта пассажирского транспорта”, подготовленном Верхневолжским аэрогеодезическим предприятием в 1998 г. (и исправленном в 2002 г.), указано, что Кова берет исток в районе телецентра. Но местные жители называют ласково этот ручей Кадочка. Видимо, здесь некогда были бондарные мастерские, производившие кадки (кадочки). Для их изготовления также нужно было много воды для замачивания и распаривания дубовых дощечек. Я не буду более ссылаться на названия карт, ибо все они подготовлены вышеназванным предприятием, черпающим свои сведения из неизвестных и непроверенных источников.

Теперь о Рахме, которая, по данным того же предприятия, начинается у станции Мыза. Местные называют свой ручей Дубёнка. И это тоже имеет объяснение. Здесь были дубравы, остатки которых сохранились и находятся за зданием райотдела милиции Приокского района. Этот ручей дал название и поселку Дубёнки.

Занимаясь биографией знаменитого психиатра Петра Кащенко, оставившего заметный след в истории города, я обнаружил в архиве Нижегородской области проект постройки психбольницы в районе села Ляхово. Выполнен он не менее знаменитым архитектором Павлом Малиновским. Уникальный, кстати, проект, предусматривавший, в частности, организацию водоснабжения и водоотведения с очисткой стоков. Поначалу хотели бурить скважины с добычей артезианской воды, но от этой идеи отказались из-за дороговизны (воды залегали очень глубоко). Малиновский осуществил следующее: на речке Рахме, с истоком от нынешнего микрорайона Щербинки-2, сделали запруду. Из пруда и брали чистой родниковую воду. После Великой Отечественной войны вокруг пруда возникло садоводческое товарищество “Дружба”. Пруд в связи со строительством многоэтажек и загрязнением воды спустили в начале 70-х годов.

Между тем данные о речке Старке в Интернете соответствуют действительности. Исток у Старки на улице Косогорной, что за бывшей макаронной фабрикой (остановка транспорта “Гостиница “Ока” на проспекте Гагарина). Кова впадает в Старку вблизи села Высоково, а сама она пополняет воды Рахмы за селом Утечино. Так давайте же наконец придем к общему согласию и не будем вести себя так, как котята из “Путаницы” Чуковского.

Ярослав Кауров

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ... НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ

(Отрывки из семейных хроник)

Мой дом стоит в центре Гребешка – горы над слиянием Оки и Волги. В доме живет восьмое поколение нашего рода. В родовом древе сплелись и купеческие, и дворянские корни. Один из предков был ревизором, другой – тайным советником. В этом доме родилась и моя прабабушка Инна Федоровна Жаркова-Рудая. <...>

Когда-то каждый маленький деревянный домик на Гребешке был окружен садом, имел свое лицо, был не похож на другие. Семьи здесь были большие, несколько поколений жили вместе: и дети не были брошены, и старикам находилось место и дело. Малышня играла в лапту, молодежь водила хороводы. “А мы просо сеяли, сеяли!” – пели одни. “А мы просо вытопчем, вытопчем!” – пела другая ватага, наступая на первую. А старики сидели на лавочках, вспоминали молодость.

По рассказам бабушки, весной Гребешок благоухал: первой зацветала черемуха, потом – сирень, яблони, вишни, груши, сливы. Люди выходили из ставших душными домов. Дымились самовары, пили чай. Открывались окна, выставлялись зимние рамы. Казалось, после зимы оттаивала душа. Звучали романсы и песни под гитару. Дружили здесь домами, ходили друг к другу в гости.

Посвящается маме

Судьбой неведомой ведомый –
На счастье или на беду –
Я пленник родового дома
И старой яблони в саду,

И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
И будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.

Пока пишу, пока мечтаю,
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают
И что-то тихо говорят,

И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года ...
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.

Немного надо одиноким:
Чтобы, как сотни лет назад,
Вздыхал, нашёптывая строки,
Мой старый дом, мой старый сад.

У нас дома на несколько голосов пели “Вечерний звон”, вспоминали ушедших. Старожилы рассказывают, что пел на Гребешке и Шаляпин, пытался перепеть его Горький. А осенью в садах на открытом огне варили варенье. Дети ждали пенок, сладкое облако парило над Гребешком. Моя прабаушка выставляла на улицу корзины с яблоками: “Бери, кто хочешь, сколько хочешь”.

Дом рода Кауровых (Гребешок)

За домом был старый прекрасный сад: семена растений выписывали со всего света, пористые камни для окантовки клумб привозили издалека. За время революций, войн, голода сад был запущен, заглох, липы выросли до небес. Лишь теперь мы его возродили, и он снова стал прекрасен.

Мой магический сад весь зарос до краев,
Перелился листвой за заборы.
Как зеленый парад – миллионы ручьев,
Заливающих Дятловы горы.

И по склонам, бурля, ниспадает листва
И к Оке у подножья стремится,
И звучат, словно заговор млечный, слова,
Что напеты великою жрицей.

И поток, как гроза, в жаркий город проник,
Напитав ароматами лето,
Но я знаю, где бьет изначальный родник, –
Он в саду, в нежном сердце поэта.

Строить мой дом начал в самом начале XIX века Александр Александрович Жарков, потомственный почетный гражданин, государственный чиновник, ревизор. Его портрет, выполненный маслом, висит у нас на почетном месте. Отец его, тоже Александр Александрович, был купцом второй гильдии. Женат строитель дома был на Анне Павловне Вяхиревой – из мелкопоместных дворян и купцов. Купеческая ветвь Вяхиревых была состоятельной, они подарили городу Карповскую церковь и первый роддом. В 1812 году в Нижний Новгород хлынули волны беженцев из Москвы. Тогда мои предки познакомились с видными представителями московских знатных фамилий: Карамзиным, Батюшковым, Василием Львовичем Пушкиным, Малиновским, Глинкой.

В следующем поколении Фёдор Александрович Жарков, также потомственный почетный гражданин, продолжил отделку и меблировку дома. В нем зазвучал клавесин, заиграл золотой свет на креслах из карельской березы. Этот клавесин и мебель в революцию солдаты выбросили на снег, когда попытались произвести выселение. Не удалось.

А во второй половине XIX века Фёдор Александрович, не выбившийся в высокие чины, увлекался тем, что выписывал со всего мира и разводил у себя в саду экзотические растения. На них приходили полюбоваться многие нижегородцы. Брат Фёдора Александровича был художником. Фёдор Александрович был женат на Татьяне Павловне Чадулиной, купеческой дочери. Ее сестра Ольга, которую дочь Татьяны Павловны, Инна, звала Баболей, вышла замуж за пожилого купца Кожевникова. После его смерти Ольга Павловна не захотела заниматься предприятием мужа и продала дело. Отступных от компаньонов получила более миллиона. Детей у нее не было, и занималась она преимущественно собой – выстроила огромный каменный особняк с монументальными конюшнями, была страстной театралкой и любительницей лошадей. Имела лучший выезд в Нижнем Новгороде.

С этой ее страстью связан семейный анекдот. Когда мамин брат Даниил Николаевич Емельянов привел в дом невесту, его бабушка томно поинтересовалась, где та проживает? Невеста объяснила. Брови у бабушки взлетели вверх. “У Баболей на конюшнях?” – не поверила она. Конец жизни, пришедшийся на послереволюционные годы, Баболя провела, живя в крошечном мезонинчике нашего дома. Там трудно даже выпрямиться в полный рост, но она, как рассказывают, нисколько не печалилась этим обстоятельством.

Дочь Фёдора Александровича, Инна Фёдоровна, вышла замуж в Петербург. Ее избранником стал Ефим Варфоломеевич Рудой из дворянского рода с Западной Украины. В этой ветви было много известных фамилий: Бертеневы, Бестужевы и многие другие. Однако отец Ефима Варфоломеевича поссорился с родными и ушел из семьи. Так что прадедушке пришлось начинать карьеру с низов. Он работал служащим, а потом управляющим всем имуществом графини Шуваловой.

Графиня была необычайно богата. Говорят, чуть ли не богаче венценосных Романовых. Прадедушка с семьей некоторое время жил в ее петербургском дворце, который стал в советское время Дворцом дружбы народов. Ей достались по наследству все Демидовские уральские заводы, сотни имений, небольшой город на Украине. У нас до сих пор сохранился подписанный ею документ, по которому она доверяет Ефиму Варфоломеевичу Рудому заключать от ее имени любые сделки, – столь высоко было ее доверие к нему. Она вела необыкновенно скромный образ жизни, помогала всем, кто к ней обращался, и имела только одно экстравагантное увлечение – коллекционировала средневековые замки. Да, не дверные замки, а именно укрепленные средневековые жилища аристократов с зубчатыми стенами, стрельчатыми окнами и высокими башнями.

Дедушка ездил по Европе и скупал их для нее. Графиня выбирала их по крупным фотографиям. Часть из них сохранилась у нас в семейном архиве. Шувалова доби-

лась у императора, чтобы Ефиму Варфоломеевичу шли государственные чины. Он дослужился до тайного советника. А еще он был человеком необыкновенной силы: ломал подковы, сворачивал пальцами в трубочку пятаки, перерубал ребром ладони спинки венских стульев.

В тяжелые революционные годы никто из моих родных даже мысли не допускал, что можно оставить Россию. После революции они вернулись из Петербурга в родной нижегородский дом, он стал их пристанищем и спасением. <...>

Мои предки отличались завидной способностью вовремя умирать. Фёдор Александрович Жарков скоропостижно скончался в первом нижегородском трамвае в 1916 году, не дожив до революционного 1917-го, а Ефим Варфоломеевич Рудой оставил мир в 1937-м, не дождавшись репрессий. Его сыну Николаю повезло меньше – он прошел три лагеря: русский, немецкий и снова русский.

* * *

Со стороны отца, Валерия Витальевича Каурова, предки принадлежали к крестьянскому сословию. И это дает возможность охватить жизнь России со многих сторон. Вслушаться во все ноты ее огромного стройного хора.

Прапрадед Анисим Никитич был плотогоном, возглавлял артель, сплавлявшую по рекам лес. Получал большие деньги, но, идя обратно в деревню, загуливал, спуская большую часть добытого. Когда дед еще мальчиком участвовал в кампании по ликвидации безграмотности (все мои предки до седьмого колена грамоту знали), он проходил по тем селам, где развивал свою бурную деятельность Анисим. Старушки узнавали по “фамильным” чертам лица, что он внук Анисима Никитича, зазывали к себе в дом, угощали пирогами со сметаной и не могли на него наглядеться. Видимо, Анисим умел угодить женскому полу. <...>

Прадед Алексей Анисимович Кауров воевал в Первую мировую. В революцию охранял Смольный, видел Ленина. Вернувшись, организовал в деревне одну из первых коммун. Дело не пошло, коммуна развалилась. Прадед попробовал стать единоличником, нажил имущество, его раскулачили, еле успел сбежать. В результате он переезжал с места на место, его пытались раскулачить раз шесть. Человек он был уникальный. В 1947 году, разуверившись в партии, прадед положил на стол партийный билет, тут бы ему и конец, но легкий на ногу артиллерист снова удрал. В годы правления Никиты Хрущева прадед для эксперимента засадил участок кукурузой. Ничего не получилось, и прадед объявил, что Никита – дурень. За это у него отобрали приусадебный участок. Упрямый, как бык, старик натаскал на крышу пристроя к дому земли и устроил там сады Семирамиды. Его урожаю завидовали соседи. Он был талантливым агрономом-самоучкой и везде сажал яблоневые сады. Его нет, а сады в тех деревнях, где он жил, цветут...

Оставшиеся от прадеда записки написаны странным, но, видимо, характерным для того времени языком. Я не изменил в них ничего, для того чтобы аромат времени просочился на страницы этих хроник. Меня восхищает язык, которым написаны воспоминания прадеда. Все это очень напоминает Платонова. Когда впервые начинаешь вчитываться в его прозу, кажется, что все это гротеск, не могут так говорить люди. Злая сатира на послереволюционное время. Читая после произведений Чехова и Куприна “Котлован”, проникаешься уверенностью, что все происходит на другой планете. И только потом вживаешься и осознаешь своеобразную красоту. С одной стороны, исковерканный русский язык. Но прослеживается мелодия революции.

Все привыкли восхищаться языком Бабеля, одесские рассказы вошли в классику русской литературы. Глумление одесситов над правилами фонетики и грамматики беспрельдно. Но как смешно, как остро. Крестьянская речь не менее прекрасна. Мне эта

речь кажется какой-то вкусной, пахнувшей молоком, хвоей и луком, душистыми травами сенокоса и домашними соленьями.

Поражает, каким обстоятельным и метким является этот язык: “мне почти теперь не спится ночей”, “развратило в нечестие”, “много приходится положить трудов и не поспать в мечтаниях много темных ночей, и не вкушать никаких сластей и разных телесных удовольствий”, “убегал из избы от приглашения, считая неловким и совестным обедать у людей”. А чего стоят такие фразы, как “употребление водки в некоторых пылких сердцах делает большое возбуждение к труду”, “но воровством не вовлекались, за это им выношу благодарность”, “Хорт Федор как из бедноты – врун, болтун, хотя зашел в хороший дом, но скоро обеднел”. <...>

Дед – Виталий Алексеевич Кауров – инженер, капитан первого ранга, подводник, служил на Дальнем Востоке, воевал с японцами, участвовал в высадке десанта. Подводные лодки были маленькими, ненадежными, почти все его друзья остались на дне Японского моря. Он был прекрасным инженером. Однажды дал вторую жизнь списанной подводной лодке – перенес дизель на катер, собрал его, починил и долго гонял по бухте Совгавани. После снова разобрал и вернул на подводную лодку. Вообще-то такой мотор собирается только в заводских условиях. Если вспомнить, какой огромный дизель на подводной лодке и какие тяжелые у этого двигателя детали, то можно представить, насколько упорным был в ту пору мой молодой дед.

Уже после войны дед снова совершил подвиг. Подводная лодка тонула возле самого пирса. Все побежали с нее, а дед – наоборот – ринулся внутрь. Открыв кингстоны нужных отсеков, дед сбалансировал лодку, и она осталась на плаву. Но сам он остался замурованным в темном отсеке на целые сутки, не понимал, утонула лодка или нет. Собственно, все решили, что дед утонул. О чем он думал эти сутки, когда в отсеке кончался кислород?

Когда приехала комиссия разбираться с этим делом, деду хотели дать звание адмирала, но он запил, обиделся на товарищей, что так долго его не могли спасти, и за неделю так и не появился перед комиссией. Числилось, что он зашел в порт, но где находится в настоящий момент – неизвестно (друзья прикрывали). За это хотели его было даже разжаловать, но всё же оставили всё как было и вторым орденом “Красной Звезды” наградили.

В 1932 году дед Виталий Алексеевич Кауров вместе с отцом – Алексеем Анисимовичем Кауровым – приехал в Ленинград на заработки. Алексей Анисимович работал десятником на строительстве Дома культуры на Васильевском острове. Время было голодное. Устроиться Виталию Алексеевичу удалось только разнорабочим. Но невероятная, горячая тяга к учению сыграла свою роль. Дед мечтал стать инженером. И, отчасти с голодухи, пошел по комсомольской путевке в военно-морское училище. (1933–1938 гг.)

Друзья ходили на вечеринки, а он почти не выходил из училища. Ко времени окончания он был один-одинешенек. И товарищ его, стеснительного и робкого, пригласил на танцульки. И там познакомил с полненькой веселой певуньей, которая сразу стала учить его танцевать. Она не побоялась ехать с ним, почти незнакомым, через всю страну. По окончании училища дед срочно женился и уехал на Дальний Восток служить на Тихоокеанском флоте подводником. Расписались, а знакомились во время долгой дороги, и стала она его подругой на всю жизнь. <...>

Муж другой моей бабушки – Иларию Ефимовну Рудой – Николай Иванович Емельянов работал инженером на авиационном заводе. У них было двое детей: сын Даниил и дочка Галина – моя мама. Им выпала судьба стать свидетелями трудных для всей страны военных лет.

Моя мама, Галина Николаевна Каурова (Емельянова), преподаватель медицинского института, кандидат биологических наук, рассказывает: “Помню день объявления войны. Мне три года, я сижу на спинке кровати, надо мной черное круглое радио. Что-то объявляют, мама с папой вскрикивают, и я мягко падаю на кровать. Они плачут.

Когда начиналась бомбежка и объявляли воздушную тревогу, мама брала меня на руки, надевала через плечо мешок из детской клеенки с какими-то припасами, брала за руку братика, и мы спускались по лестнице в овраг, в бомбоубежище. Длинные лавки, тусклые лампочки, страх, уныние и тишина. Между лавками, как ангелы, ходят женщины в белом и предлагают помощь.

С нашего Гребешка было видно зарево пожаров на Автозаводе, который бомбили особенно сильно. Оттуда к нам переселились родственники. Начался голод, любимой едой была свекольная ботва, жаренная на рыбьем жире; его выдавали детям.

Воспоминания детства – это запахи и звуки, это теплый, нагретый солнцем тротуар перед домом, это бабушкино окно, полное роз, это далекое счастье, которое лежит глубоко у тебя в душе и всплывает, когда тебе плохо, и лечит тебя. Это мягкие мамины волосы, когда она их расчесывает, такая красивая и до боли любимая, это теплая вода, которой тебя окатывают после купания в старом корыте, а кот Пусик сидит рядом и пробует воду лапкой. Потом тебя закутывают и несут в теплую постельку и целуют мама и папа. Этот кусочек счастья лежит в твоей душе всю жизнь и не дает душе очерстветь, стать взрослой и безразличной. <...>

В каждой семье бывает черная полоса, полоса несчастий. Когда я оканчивала школу, у нас умер папа, мама тяжело болела, и врачи говорили, что надежды нет. Я буквально жила с ней в палате. За это время умерла бабушка (Инна Федоровна Рудая-Жаркова), которой тоже была нужна моя помощь. Мама понемногу поправлялась, и я пришла первый раз домой, чтобы выспаться. Позвонили в дверь, я открыла. Вошел незнакомец с тортом и цветами и робко спросил бабушку Инну Федоровну. Мне пришлось ему всё объяснить, и он заплакал: “Опоздал! Опоздал! Разрешите хоть постоять у Вас...” Он прошел в бабушкину комнату, прижался к печке, обнял её: “Ваша бабушка и эта печка спасли нашу семью в войну”. И я стала вспоминать.

В войну мы жили очень тесно, в каждой комнате – по несколько человек. Только у бабушки комната была своя, хоть и очень маленькая. Сын ее, мой дядя, пропал без вести в самом начале войны. И она почти постоянно молилась за его здоровье – в комнате был иконостас. В первое лето войны город был наводнен беженцами из Москвы. Бабушка (Инна Федоровна Рудая-Жаркова) пустила жить в летнюю комнату, конечно, бесплатно, семейство Лифшиц: маму, папу и маленькую очень красивую девочку. Но наступили осенние холода, и бабушка пустила их в свою комнату. Спали на матрацах, на полу. В какой-то момент глава семейства стал куда-то уходить, часто плакать. Бабушка еле уговорила его рассказать. Оказывается, с последним пароходом из Москвы приехало еще одно семейство – их родственники, тоже Лифшиц, с двумя детьми, – и они сейчас замерзали на пристани. Бабушка (Инна Федоровна Рудая-Жаркова) приютила и их. В комнате можно было уже только сидеть или стоять. Она сбегала к соседям, купила молока, отпаивала детей. Мы с братом давно тогда уже и забыли, что такое молоко, но понимали, что эвакуированным оно нужнее. Отзывчивость во время войны была необыкновенная. Молиться бабушке за сына стало просто негде.

Когда после войны через Гребешок прошел смерч, мы получили телеграмму из Москвы: “Если вы лишились жилья, все приезжайте к нам в Москву. Лифшиц”.

Вот так моя мама Галина Николаевна Каурова вспоминает войну.

Брат моей бабушки Иларию Ефимовну Рудой Николай Ефимович Рудой еще до войны попал в НКВД с обвинением в шпионаже в пользу Японии. Обвинение, конечно,

абсурдное, но в то время “невиновных не сажали”. Если уж попался – не отпускали. В 1938 году Николай Ефимович Рудой сидел девять месяцев в предварительном заключении в тюрьме. В камере было так тесно, что можно было только стоять. На допросах пытали, чтобы он признал себя шпионом. Вопрос только каким – немецким или японским. Дядя Коля знал немецкий, а японского не знал, поэтому решили присвоить звание немецкого шпиона. Он не рассказывал ничего ни о тюрьме 38-го года, ни о последующем немецком плене. Но иногда вырывалось, что у наших сидеть было даже страшнее. В 1938 году собрали все деньги у всех родных, и его жена Катюша поехала в Москву к лучшему адвокату Комодову. Принять ее он просто физически не мог – столько людей его осаждали. Миловидная молоденькая женщина не придумала ничего другого, как сесть у него перед подъездом и сидеть, пусть без надежды. Не знаю, сколько тетя Катя просидела дней, но он не выдержал и сам подошел к ней. Он выяснил, что никакого группового дела по своей неграмотности чекисты ему не придумали. И он оказался шпионом, ни от кого не получающим информацию и никому не передающим. Шпион сам по себе?! Поэтому его легко можно было оправдать. Необходимо было только оправдать их действия. За что он сидел девять месяцев?

Решили, пусть он возьмет на себя вину в том, что сказал, на каком трамвае можно доехать на автозавод. И указал неизвестному прохожему, где проходит кабель. То есть то место, которое помечают красной масляной краской, чтобы его случайно не повредили. Этого как раз хватило на девять месяцев заключения, и дядю Колю все-таки отпустили.

В первые же дни войны дядя Коля попал на фронт. И сразу в окружение. Многие километры он нес на плечах своего товарища. На его плечах товарищ и умер. Обессиленный, он потерял сознание. А когда очнулся, вокруг были немцы.

Начались его мытарства по концентрационным лагерям. Он заболел туберкулезом. На ноге у него появился огромный абсцесс. Дядя Коля умирал. Врач, которого потом сожгли, просто проткнул этот абсцесс и выпустил гной. Так он спас дяде Коле жизнь. Без крова в любую погоду, почти без еды. Был страшный тиф, вшей собирали горстями, ели крысы. Таскали с места на место какие-то бревна. Кто нес, а кто, умирающий, только держался за бревно. Если падал – его уничтожали. Дядя Коля был в нескольких лагерях, даже в Освенциме. Заключенным деревянными циркулями измеряли черепа и так определяли – семит или нет. Дядя Коля был несколько похож на еврея, да и фамилия подозрительная – Рудой. Измерением определили, что он славянин. Удивительно, но охранники по своей инициативе не проявляли жестокости. И вообще дядя Коля считал их недалекими. Например, они не знали ни Гёте, ни Гейне. Дядя Коля читал им стихи на немецком по памяти, и они удивлялись, что в Германии были такие хорошие поэты. Они были патологически честны и не понимали, что можно воровать. Заключенные крали у них завтраки, а солдаты рейха только удивленно оглядывались, уверенные, что завтрак потерян.

Все четыре года войны дядя Коля официально считался пропавшим без вести, погибшим. Прабабушка получала за него пенсию как за погибшего, но молилась как за живого. <...> После плена, куда в начале войны попала большая часть нашей армии, он должен был сидеть еще и в советских лагерях, как без вины виноватый преступник. От плена так не отделаешься. Дома шепотом говорили, что они с товарищем выступили свидетелями судьбы друг друга. Заявили, что все время находились в лагерях рядом и подтверждают, что ни тот ни другой Родине не изменяли. Дядя Коля был освобожден, но его периодически вызывали на Воробьевку. И каждый раз домашние не знали, вернется ли он. В последний раз его вызвали, чтобы извиниться. <...>

Встреча мамы с отцом в воспоминаниях мамы

Любить – это отдать всё и даже больше, чем имеешь. Любовь пришла ко мне великой нежностью. Когда я наконец-то поступила в университет, Он подошел ко мне в раздевалке и сказал, что давно знает меня еще по художественному музею. Я действительно работала в музее, когда не сумела поступить в университет. Я любила каждый зал, каждый уголок музея на набережной. Этот дворец стал моим домом. Я с радостью шла “на работу”. А работа заключалась лишь в том, что я готовилась быть экскурсоводом и тайно мечтала поехать в Ленинград, чтобы поступить на искусствоведческий факультет. Хотя, конечно, понимала, что это невозможно. Я не могла оставить больную маму. В музее была чудная библиотека. Все сотрудники относились ко мне как к “дочери полка” – жалели и охраняли. Это был счастливый период. Сотрудники музея читали лекции для студентов театрального училища, и я ходила тоже. Будущие артисты были так внимательны ко мне, а я так стеснялась, что никого из них и не запомнила. А среди них был и мой будущий суженый. Заметила я его только в университете. Я – будущий биолог, он – будущий физик. Только тут я заметила его глаза, нежно мерцающие, робкие и восторженные. Я очень растерялась и влюбилась с первого взгляда. Он был необычайно красив, но не броской, яркой, а какой-то трепетной красотой. Голова моя закружилась, я перестала видеть окружающее. Я стеснялась даже, когда он брал меня за руку, – это было каким-то табу. А первый поцелуй сделал меня его рабой. Мы стали вечерами ходить по улицам, и он, раскрепощая меня, целовал под каждым фонарем. Я до сих пор не поняла силы физической любви – для меня любовь – это нежность и преданность, когда земля уходит из-под ног, и теряешь сознание только от того, что Он рядом. Год мы допоздна провожали друг друга, а со второго курса ему пришлось уйти. В перерыве между лекциями я сбежала в ЗАГС, где мы просто поставили свои подписи. Вся группа с нетерпением ждала моего возвращения, я опоздала на занятие. Преподавательница – высокая, мощная женщина с басовитым голосом – резюмировала: “Ха, замуж выйти не сложно. Я тоже выходила, главное – что потом”. Мои мама и бабушка очень его полюбили. Свадьбы не было. Просто после ЗАГСА накрыли стол, и его родители, мои мама и бабушка поздравили нас. Бабушка срезала на окне самую красивую розу и приколола ее мне бриллиантовой брошкой. Начались очень трудные, но счастливые дни. К нашему счастью, в доме освободилась комната, и мы могли уединиться.

* * *

Иногда нас спрашивают, не страшно ли нам жить в таком старом доме и нет ли у нас привидений? Мы отвечаем, что не страшно, потому как предки наши были добрыми, честными людьми и оставили о себе хорошую память. Когда в 1996 году нам, одним из первых в Нижнем Новгороде, заново отдавали в собственность землю, купленную 200 лет назад нашими предками, то сказали, что делают это “из уважения к нашей семье”.

Сегодня соседи в шутку называют наш дом “Домом ученых”. Кандидаты, доктора, профессора, академики разных специальностей живут в нем. Брат моей мамы, Даниил Николаевич Емельянов, – доктор химических наук, приглашенный профессор Университета Калабрии, работает в ННГУ. Мама – кандидат биологических наук. Члены нашей семьи имеют разные профессии: химик, физик, биолог, географ, медик, но все тяготеют к научным исследованиям. Я – доктор медицинских наук, автор 30 изобретений и совместного с мамой открытия стволовых клеток жировой ткани.

В своем характере я ясно вижу черты всех своих предков: настойчивость и увлеченность наукой мамы Галины Николаевны Кауровой, артистизм отца Валерия Витальевича Каурова, трудолюбие и кротость деда Виталия Алексеевича Каурова, стремление к прекрасному и аристократизм бабушки Иларии Ефимовны Емельяновой-Рудой, обстоятельность и педантичность прадеда Ефима Варфоломеевича Рудого, революционный фанатизм прадеда Алексея Анисимовича Каурова. Все они живут во мне, и я не мог бы быть иным.

Всех моих предков объединяла любовь к России, ни один из них, какие бы лихие года ни наступали, не оставил родину. И Нижний Новгород был для всех домом.

Сергей Скатов

Наш праздник!

К предыстории Дня народного единства...

В конце 1998 года в Нижнем Новгороде была создана некоммерческая организация Фонд Минина и Пожарского. С единственной целью: в эпоху всеобщего духовного и материального уныния, упадка вернуть обществу, народу как святыню имена спасителей Отечества Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

Актив Фонда составляли несколько человек, автор этих строк был в их числе. В то же время ни Фонда не было бы, ни его дальнейших успехов, если бы не поддержали нас губернатор Нижегородской области И.П. Скляр и глава областного Законодательного собрания А.А. Козерадский. Более того: Иван Петрович и Анатолий Александрович вошли физическими лицами в соучредители Фонда, лично подписались под гарантиями его будущей деятельности. Была создана светская организация, однако незримо за всеми нашими начинаниями стоял митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай: Фонд был учрежден с его ведома и по его благословию.

Начали с того, что к весне 1999 года подготовили необходимую документацию и инициировали учреждение в Нижнем Новгороде и области двух новых праздников: 21 мая – День памяти гражданина Минина (даты предполагаемой кончины национального героя) и 4 ноября – День славы Нижегородского ополчения.

Приближался первый из них. Но как отмечать, если нет традиций?

Учащимся средних учебных заведений (через областной департамент образования) мы предложили провести конкурс сочинений соответствующей тематики. Профессор Нижегородского госуниверситета В.П. Макарихин составил методичку для преподавателей, назвав ее в точности так, как и праздник. Для нижегородского Губернского духового оркестра мною был написан “Марш ополченцев”. Припев у него был такой:

Мы ополченцы! Мы – едины!
Надежный самый мы оплот.
Пожарский с нами,
С нами Минин
Из века в век, из года в год!
Сломить нельзя такую силу.
Да встанет нас хотя бы взвод –

Мы за тебя стеной, Россия,
Мы за тебя стеной, Россия!
Мы волей Божией – народ!
Мы волей Божией – народ!

Итак, 21 мая 1999 года. Нижегородский кремль, полдень. Областное мероприятие у стелы, посвященной победе Нижегородского ополчения. Участвуют первые лица региона. Речи сказаны. Объявляют марш. В сопровождении оркестра спел, выложился. Пауза. Ну, всё, думаю, провал. И вдруг появляется помощник Ивана Петровича: “Губернатор просит исполнить еще раз”. Исполнили.

Иван Петрович взмахом руки зовет в президиум.

И первый, кто ко мне обращается, – Владыка!

Улыбается. Спрашивает:

– Как там, говоришь, в песне у тебя?

– Мы волей Божией – народ! – отвечаю.

– Хо-о-орошо! – говорит Владыка и подает руку.

Я припал. Митрополит коротко и твердо наложил Крест. Подошел Умар-хазрат, лидер нижегородских мусульман, сказал теплые слова, поздравил с премьерой А.А. Козерадский, а Иван Петрович простодушно сказал:

– Пойдем фотографироваться!

Мы вышли к Вечному огню. Люди вокруг шумели, обсуждали (по-моему, всех происходящее задело за живое). Щелкали фотоаппараты. А вот фотография того памятного дня:

*21 мая 1999 г. Нижегородский кремль. В центре (слева направо):
И.П. Складов, автор (с звездиками), А.А. Козерадский, Владыка Николай*

Иван Петрович сказал: “Ты даже не представляешь, что сегодня случилось...”

А что случилось?

Сейчас понимаю: мы тогда победили!

Не знаю точно, сколько потом о славном Ополчении 1612 года было опубликовано статей и интервью, прочитано лекций, проведено концертов и прочих мероприятий. Широко звучал и “Марш ополченцев”: им в Нижнем встречали парламентариев

и министров, послов и президентов. Очень скоро святые имена Минина и Пожарского стали в городе и области, что называется, на слуху. В какой-то момент, впрочем, мы поняли, что нижегородские рамки тесны. И родилась инициатива – культурно-патриотическая акция “Алтарь Отечества”.

Акция стартовала 21 мая 2001 года от стен Нижегородского кремля. Около ста нижегородцев – историки, краеведы, священнослужители, писатели, артисты, представители общественности – автобусами выехали по местам боевой славы Нижегородского ополчения: Нижний Новгород – Балахна – Пурех – Юрьевец – Кинешма – Кострома – Ярославль – Переславль-Залесский – Москва. По ходу маршрута проводились молебны, выставки, концерты, творческие встречи. В столице заключительный гала-концерт состоялся на Васильевском спуске у Московского кремля.

В походе с благословения митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая мы собрали сотни подписей под обращением к российским властям, в котором говорилось о необходимости проведения комплекса государственных мероприятий, дабы воздать должное памяти героев народного ополчения 1611–1612 годов. Одним из главных пунктов обращения было вернуть статус общероссийского праздника 4 ноября, в православии – дню Казанской иконы Божьей Матери, испокон веков учрежденному и празднуемому на Руси в честь победы Нижегородского ополчения. Обращение с подписями по прибытии акции в Москву было передано в соответствующие инстанции.

* * *

Старт работы Фонда получился феерическим. Но впереди было время испытаний. Почил Владыка Николай. И.П. Складова на новый срок губернатором не переизбирали. А.А. Козерадский потерял свой пост. Фонд Минина и Пожарского оказался лишен любой поддержки и влияния. Испытывали мы это и на себе. У Георгия Кузенкова, например, начались неприятности по основному месту работы. Он – один из руководителей крупного оборонно-промышленного комплекса, и ему стали намекать, что его общественная деятельность претит “оборонке”. Место он, в конечном итоге, потерял. Меня все реже печатали в областных изданиях, запрещали выходить на сцену. И так по всему спектру наших инициатив – негласный запрет!

Весной 2002 года пришлось переехать в Москву. Георгий Кузенков остался в Фонде, по сути, в одиночестве. Он сконцентрировался на реставрации храма Рождества Иоанна Предтечи, которую начинал еще Владыка Николай (это знаменитая, а к тому времени в полном упадке церковь, запечатленная на эпохальном полотне К. Маковского “Воззвание Минина к нижегородцам в 1611 году”), но при этом пытался спасти и другие начинания Фонда.

Мой же переезд в столицу оказался судьбоносным!

Поначалу устроился в ЦДРА – Центральный дом Российской армии Минобороны РФ, что на Суворовской площади. Исполнял обязанности начальника группы подготовки и проведения федеральных программ. Должность была офицерская, но аттестован не был, а потому зарплату получал мизерную. Мой резон был спасти с помощью Минобороны акцию “Алтарь Отечества”.

Да, в мае 2001 года, на День памяти Кузьмы Минина, мы впервые смогли провести эту акцию, эффект был оглушающий. Однако очередному губернатору, в прошлом первому секретарю Горьковского обкома КПСС, сменившему И.П. Складова, фигуры Минина и Пожарского чем-то “не показались”, и он был категорически против повторения акции. Но вода камень точит. В рамках своей служебной деятельности мне удалось включить “Алтарь Отечества” в план культурных мероприятий Минобороны РФ на текущий 2002 год.

К подготовке присоединилось Нижегородское землячество в Москве. Его председатель – Виктор Александрович Карпочев – ранее занимал в нашей области ответственные руководящие посты. А как генерал, в недавнем прошлом один из высших чинов союзного МВД, стоял на четко выраженных патриотических позициях. Виктор Александрович “вывел” меня на Правительство Москвы. Почва здесь оказалась благодатная!

И.П. Складов рассказывал мне, как много и в красках описывал столичному мэру Ю.М. Лужкову наши нижегородские инициативы относительно чествования героев 1612 года. Договорились они даже, что столица изготовит и подарит Нижнему копию знаменитого памятника Минину и Пожарскому скульптора Ивана Мартоса, установленного в 1818 году на Красной площади в Москве. Летом 2002-го Ю.М. Лужков открыл “Алтарю Отечества” финансирование.

Итогом нашей деятельности стал гала-концерт в канун 4 ноября 2002 года в ЦДРА. В следующем, 2003 году акция завершалась уже точно 4 ноября в зале Церковных соборов храма Христа Спасителя в Москве! И с тех пор она стала ежегодной, регулярной, проходящей именно в День народного единства!

* * *

Однажды на заседании Русского исторического общества в Центральном доме литераторов я познакомился с Олегом Юрьевичем Кассиным. Итогом этой и последующих наших встреч стало создание Общероссийского общественного движения “Народный Собор”, взявшего на вооружение до сих пор злободневный лозунг Кузьмы Минина: “Купно за едино!” (“Вместе за одно!”). На традиционных Царских чтениях в Иванове Господь даровал еще одного многолетнего и надежного друга – главного редактора “Русской народной линии” Анатолия Дмитриевича Степанова. Олег Юрьевич помогал мне организационно, Анатолий Дмитриевич печатал на страницах своих изданий. Оба они поддержали идею ратовать за канонизацию, церковное прославление народных героев Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, по аналогии с русскими полководцами благоверными князьями Дмитрием Донским и Александром Невским.

Тема эта особая, так что пришлось с год ходить по столичным библиотекам, изыскивая аргументы для Церкви. Плодом этих походов стало обширное исследование “Прославление К. Минина и Д. Пожарского в свете православного канона, русского летописания и историографии Смутного времени”. В августе 2004 года оно впервые было опубликовано на информационном портале “Русская линия”. Тогда же, отпечатав труд, с сопроводительным письмом к Святейшему за своей и Олега Юрьевича Кассина подписью пошел на Чистый переулочек в Патриархию.

Меня принял заведующий канцелярией отец Владимир. Мы проговорили полтора, если не все два, часа. Эх и дотошный же оказался седовласый батюшка! Но при этом очень добрый и сердечный. В конце беседы он произнес:

– Обещаю. В ближайшее время ляжет на стол Святейшему.

То, что он исполнил обещание, мы убедились, и довольно скоро.

Мы снова победили. В сентябре 2004 года Патриарх Московский и всея Руси Алексей II выступил с инициативой вернуть 4 ноября его традиционный статус (День Казанской иконы Божией Матери), сделать этот день выходным, а празднику дать название – День народного единства.

С канонизацией же народных героев, как полагаю, в Церкви решили не спешить. Церковное прославление, причисление к лику святых – дело, как правило, нескорое.

Достаточно сказать, что великий русский полководец Дмитрий Донской был канонизирован Поместным собором РПЦ лишь в 1988 году.

Святейшего поддержали руководители других религиозных конфессий России, многие депутаты Государственной думы РФ. 27 декабря 2004 года проект по поводу Дня народного единства был принят Госдумой в третьем чтении и стал Федеральным законом. При этом 327 депутатов проголосовали “за”, двое воздержались, 104 (все без исключения коммунисты) были “против”.

Что “смутило” коммунистов? То, что усмотрели в новом празднике альтернативу Дню Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября. А значит, налицо были, с их точки зрения, либеральные происки, дабы этот святой для коммунистов всея Руси день оттенить, “загладить” и, в конечном счете, стереть с российского календаря.

Спору нет: происки либералов при их единодушном голосовании в Госдуме были очевидны. Но праздник-то чем виноват?! И так ли уж он внове для России?

В своем “Прославлении...” я писал:

“22 октября (4 ноября по н. ст.) 1612 г. ополченцы штурмом взяли Китай-город. Эта победа и предопределила окончательную капитуляцию противника. В 1649 г. Царь Алексей Михайлович повелел “во всех городах, по вся годы” праздновать этот день в честь чудотворной Казанской иконы Божией Матери – Спасительницы России: с ней, чудотворной, Ополчение освободило Москву, “в воспоминание помощи, оказанной Свыше заступлением Богородицы, Русскому государству в годину лихолетья”. Праздник изначально носил как религиозный, так и общегражданский характер.

И только с Октябрьским переворотом 1917 г. светское общество, увы, добрую традицию утратило. Но православные всем миром празднуют! Каждый год! На протяжении уже более трех с половиной столетий! Несмотря на все возможные хитросплетения эпох и завихрения в умах правителей **4 ноября, на День Казанской Иконы Божией Матери**, по всей России поминаются герои Ополчения 1611–1612 гг. Поминаются, как и подобает, молитвой, крестными ходами, перезвоном колоколов”.

И еще писал, что ополченцы под руководством земского старосты Кузьмы Минина и воеводы князя Дмитрия Пожарского сплотили “общей освободительной идеей людей разных народностей и вероисповедания, так же как исстари Россия объединила под своим крылом многие народы многих вер. Среди ополченцев числились татары из Касимова и Темникова, Алатыря и Казани, Кадома и Шацка. Царевич Араслан с боевым отрядом из далекой и загадочной Сибири. Чуваши, черемисы, востяки, мордва, башкиры... Ополчение, собранное К. Мининым и Д. Пожарским, было в полном смысле народным, многонациональным. Что лишний раз подтверждает тот давно всем известный факт, что неотъемлемыми чертами истинно православного человека являются веротерпимость и добрососедство”.

* * *

Коммунисты и по сей день не успокоились. Хотя многие, как уверяют, теперь ходят в церковь. Парадоксально, но очень быстро и либеральная общественность в новом празднике, скажем так, усомнилась. Очень и даже очень тревожат ее не пресловутые Русские марши, которые спонтанно и повсеместно стали устраиваться на 4 ноября и в которых так или иначе проглядывают провокационные моменты, нередко устраиваемые самими же либералами, их внедренной в патриотические круги агентурой. Тревожит осмысление народом отечественной истории.

Народное ополчение 1611–1612 гг., при всем его национальном многообразии и безусловном согласии, возглавили русские. Русские же и составили подавляющее его большинство. То есть патриотизм глубоко национален, патриот имеет национальность!

И поневоле задумаешься о державообразующей роли русского народа, которая де-юре не зафиксирована ни в одном из государственных документов. Как и основополагающие для нас понятия “русский”, “русский народ”, отсутствующие в наших паспортах и законодательных актах и даже в Основном законе – Конституции РФ.

Нашим стратегическим противникам ныне страшнее всего пробуждающееся в России народное, в том числе русское, самосознание. Думая о событиях 1612 года, каждый непременно зафиксирует в голове, что оккупировали Москву не только и не столько поляки, а интернациональный сброд со всей Европы. И зримо, даже через четыре столетия, усмотрит в той Смуте “след” извечно бдящего во имя своих непреходящих интересов Ватикана.

Не обойдется и без аналогий!

Может, как и столетия назад при “семибоярщине”, нами пытаются править некая “семибанкирщина” или “семиолигарщина”?

И как тут, празднуя очередное 4 Ноября, человеку не спросить у самого себя, кто он, откуда и, наконец, зачем живет?! Уже этим важен и значим День народного единства. Хочется этого кому-либо или нет, но День народного единства на Руси укрепляется, традиции его закладываются, развиваются.

А я в этот День всё вспоминаю вопрос Владыки:

– Как там, говоришь, в песне у тебя?..

Ярослав Кауров

Нижегородский Холм поэтов

В театре всё начинается с вешалки, а в нашей истории всё началось с театра. Около двадцати пяти лет в Нижнем Новгороде существует “Театр поэтов”. Это полноценный театральный коллектив с коллекцией исторических костюмов, реквизитом, которому могли бы позавидовать многие деятели искусства: шпаги, мечи, кубки, кинжалы, алебарды, старинные весы, картины и гобелены. Однако актеров сначала было только двое: Ярослав Кауров и Андрей Тремасов.

Театр можно считать оригинальным и единственным в своем роде. Его создатели захотели вернуться к истокам театральной истории, во времена бардов, скальдов, труверов, которые магически ткали холст выступления на глазах у публики. Таким был театр до Эсхила и Софокла. Автор текста и музыки сам играет созданную им роль перед зрителями. Это театрализация поэзии и поэтизирование театра. Каждое выступление посвящено определенной эпохе: Древнему Риму, Элладу, Средневековью, Смутному времени в России, Ренессансу.

В спектаклях “Театра поэтов” нет сюжета, фабулы, но каждое стихотворение, каждая песня являются ролью, обыгранной костюмами и реквизитом, которые в свою очередь имеют подлинную историческую ценность (камзолы сшиты из лионского бархата XVIII века, часы, сабли, шпаги – XIX век). Звучат монологи монахов, жрецов, рыцарей, шутов, королей и ростовщиков. Интересно, что во время спектакля идет такое вхождение в век, в роль, аутентичную обстановку, что автор стихотворения, он же актер, проживает собственный текст совершенно искренне, и душа больше раскрывается на сцене, чем в реальной жизни.

*Зачем мы начали играть?
Не хватит ли игры и в жизни?
С безликих маску не сорвать:
Без маски нет лица в отчизне.
Быть может, неудачник мстит,
Играя грешником кумира,
Быть может, маска – это щит
От наступающего мира?
Привыкли думать вы, что здесь
Фальшиво счастье и несчастье,
Царит надуманная спесь,
Горят надуманные страсти.
Нет, здесь отсутствует финал,
И вечно с этой вечной сцены
Мы вглядываемся в ваш зал,
В веках не видя перемены.
И есть ли в нашей жизни час,
Когда бы мог раскрыться гений?
Мы носим маски среди вас
И сбрасываем их на сцене.
Камзол, манжеты и колет*

*Для нас удобней, современной.
Вне времени живет поэт,
Вне времени его творенья.
Вы не поверите ему
Без фабулы и блеска пьесы,
Средь вас нет места ни уму
Шута, ни верности принцессы.
Не может быть, чтоб среди вас
Он жил, творил, любил и бредил,
Лишь здесь, сегодня и сейчас,
В спектакле, вы – его соседи.
Сомненья можете пресечь,
Высоким стилем насладиться,
Услышать истинную речь,
Увидеть истинные лица.*

Идея театра родилась во время совместных выступлений Ярослава Каурова с Евгением Павловичем Леоновым, приехавшим для творческих встреч в Нижний Новгород. Это послужило прекрасной школой актерского мастерства и искреннего, требующего “тратить сердце” отношения к театру. За двадцать пять лет было поставлено более двадцати спектаклей, охватывающих всю историю человечества: “Египет – колыбель страха”, “Аркаим”, “Эхо Эллады”, “Древний Рим”, “Рыцари”, “Пилигримы”, “За кулисами шекспировского театра “Глобус”, “Галантный век”, “Шепот дьявола”, “Голос Божий”, “Дворянское гнездо”, “Декаданс”, “Белая гвардия”, “Любви мелодия нетленна”, “Орден рыцарей красоты”, “Дождливый день”, “Третий Рим” и т.д.

Соловей поэзии на стене Кремля

В 2001 году театр выступает в Болдине с Беллой Ахмадулиной. В 2004 году выходит четырехсотстраничный том “Театра поэтов”, объединивший тексты ко всем спектаклям. Вместо вступления в нем помещены рекомендации в Союз писателей, данные Ярославу Каурову и Андрею Тремасову поэтом Юрием Адриановым. Послесловие написал профессор, историк и культуролог Владимир Михайлович Строгоцкий.

Постепенно вокруг театра стала собираться творческая интеллигенция. Возникла потребность в постоянном общении вне рамок клубов, музеев и других официальных институтов. Хотелось воли и простора.

Каждый город интересен своими легендами. Есть такие и в Нижнем Новгороде. Одной из недавних легенд стал уникальный СОЛОВЕЙ ПОЭЗИИ, что на кремлевской стене. Северная башня Кремля известна тем, что именно с нее произвели чудесный выстрел, ядро попало в один из шатров монгольского военачальника, что и защитило город от очередного набега захватчиков.

Ныне площадку возле Северной башни облюбовали поэты. Наверное, нигде в мире нет такого возвышенного места, с которого бы открывался вид на скрещение великих рек с их безмерной водной гладью, на величественный город с древними храмами и такие глубоко русские бескрайние заливные луга. Это и есть “Холм поэтов”. Под кремлевской стеной – естественное возвышение, послужившее сценой, а ниже достаточно места для публики. Лучших декораций не может себе пожелать ни один театр.

Как известно, творческий люд избегает всяческих рамок и границ. Вот и нижегородские поэты избрали для себя открытую сцену. Началось все с того, что в 1998 году Ярослав Кауров и Андрей Тремасов изготовили и установили у подножия башни стальную плиту: “Холм поэтов. Открыт 25 июля 1998 года”. Некоторое время спустя Холм поэтов обзавелся своим хранителем. По своему эскизу Ярослав Кауров, при помощи друга-кузнеца Вячеслава Кузнецова, выковал соловья на изящной веточке с несколькими листочками.

Андрей Тремасов любовно покрыл певца поэзии антикоррозийным составом, наши товарищи, Андрей Кульпин и Виктор Сударев, торжественно водрузили соловушку на стену Кремля. С тех пор нижегородский родственник петербургского чижика-пыжика неразрывно связан с Холмом поэтов.

Но каждому движению нужен рупор, нужна связь с почитателями и читателями. И с 1999 года начал издаваться журнал “Холм поэтов”, стихи десятков авторов были изданы в серии “Библиотека Холма поэтов”. Всё это делалось вскладчину и не требовало государственной поддержки. На открытой сцене Холма происходят различные действия, привлекающие внимание жителей и гостей города. В этом уже известном всем нижегородским поэтам и многим представителям Москвы, Питера и других российских городов, а также иностранцам очаге культуры кипели страсти: поэты дрались на шпагах, дуэлянты стреляли друг в друга из старинных пистолетов, поднимались роскошные древние кубки с современным вином, танцевали дамы в средневековых платьях, звучала гитара и, главное, читали, читали и читали стихи.

Холм поэтов

Вот только избранные моменты насыщенной жизни Холма поэтов.

1-й номер журнала: “Дуэль” (поэтическое действо, имевшее место быть на Холме поэтов 9 февраля 1999 года), “Альбом” (поэтическое действо, имевшее место быть в литературно-мемориальном музее Н.А. Добролюбова 18 марта 1999 года), “Бал” (поэтическое действо, назначенное на день выхода в свет нашего журнала 6 июня 1999 года).

2-й номер: двадцать девятое февраля 2000 года – “Тени поэтов”: авторы журнала писали и озвучивали стилизации известных поэтов – прозвучали “ненаписанные стихи” Аполлинера, Белого, Брюсова, Готье, Гумилева, Лермонтова, Киплинга, Пастернака; последнее в тысячелетии солнечное затмение: поэты с завязанными глазами олицетворяли заблудившееся человечество, у которого все же остается надежда на прозрение.

3-й номер: “Посвящение в рыцари Красоты”; “Перекресток времен”: преемственность поэтов XX–XXI веков.

4-й номер, экспериментальный: 100-летие подвига команды крейсера “Варяг” – действо, собравшее несколько сотен человек, несмотря на суровую зимнюю погоду; а также память ополчения К. Минина и Д. Пожарского, результатом которого был выход русских поэтических грамот.

В одном из действий вереница поэтов в черных плащах с завязанными глазами поднималась на сцену, читали по очереди свои стихи, а затем спускались на площадку к зрителям и, раскинув руки, застывали в позе распятых. В другом (“Дуэли”) на утоптанном снегу кавалеры в белых рубашках, несмотря на мороз, яростно фехтовали, а один из поэтов (Илья Арбенин), сраженный пулей повесы (Андрея Тремасова), рушился в рыхлый сугроб и надолго замирал (рискуя своей драгоценной поэтической жизнью). На 100-летие подвига команды крейсера “Варяг” прошла целая демонстрация. В святые для каждого русского человека праздники Победы 9 Мая декламировали стихи о войне, чистили автоматы и, сидя на плащ-палатках с пилотками на головах, ели солдатскую кашу.

...Однажды я с трепетом приближался к памятному месту: вандалов хватает везде, невольно начнешь беспокоиться. Слава Богу, соловей был на месте, а под ним, на стальной плите, виднелся серовато-белый след птичьего помета. “Он ожил!” – благоговейно подумал я...

В дальнейшем журнал стал всероссийским и даже международным. А собираются на Холме поэтов все, кто имеет отношение к поэзии и просто любит ее. В этом и был смысл создания такой легенды – сделать площадку, которая, несмотря на решения любой администрации, будет открыта для творчества. Лишь ураган и тайфуны могут сдержать нижегородских поэтов, и даже стихии это удастся не всегда. Так древний Кремль стал колыбелью не только города, но и культуры.

Евгений Галкин

Занимаемая должность – поэт

Ехал однажды Фёдор Иванович Шаляпин в экипаже “легкого извозчика”. Словоохотливый возница обратился к своему седоку с вопросом: “Кем служишь, барин?” “Я пою”, – гордо ответил Шаляпин. “Так и я пою, когда душа просит, – не унимался дотошный лихач, – а служишь кем?”

Этот исторический анекдот вспомнился мне во время оформления Юрием Андреевичем Адриановым пенсии. Работники пенсионного отдела долго добивались от него справки о месте работы и занимаемой должности. “Я – поэт, член Союза писателей России. У меня стаж литератора более сорока лет!” – объяснял будущий пенсионер. “Что Вы стихи пишете, мы знаем. А работали где и кем?” Так забавная история о Шаляпине повторилась неожиданно в жизни нижегородского литератора.

Возможность повторения этой истории была заложена еще в 1967 году. Именно тогда молодой поэт, автор вышедших в Москве и Горьком книг, двумя годами ранее ставший полноправным членом творческого Союза писателей СССР, принял ответственное и рискованное решение – уйти с должности редактора молодежных передач Горьковской студии телевидения на профессиональную работу литератора, на “вольные хлеба”. Он добровольно лишил себя регулярной заработной платы, а вместе с ней и материального достатка, но, избрав должность поэта, получил столь необходимую для творчества свободу, которой оставался верен и которой в полной мере пользовался до конца жизни.

Время подтвердило верность принятого решения. “Вольные хлеба” научили Адрианова менять “литературное оружие”: наряду с поэтическими сборниками из-под его пера стали выходить книги прозы, краеведческие и литературоведческие работы, киносценарии, телевизионные пьесы... Природный талант, огромная работоспособность, мастерское владение словом, поэтическая и жизненная раскованность принесли Юрию Адрианову всероссийское признание. Оно выразилось как в почетных званиях и наградах, так и в высокой оценке его творчества собратьями по перу. “Выдающийся поэт России, замечательный исторический писатель, неутомимый патриот Отечества” – такими словами поздравлял его Союз писателей России с 60-летним юбилеем...

*Юрий Андреевич на Откосе
(фото из архива Е.И. Галкина)*

Что же до нерешенного вопроса о месте работы и занимаемой должности Юрия Адрианова, то сам поэт еще много лет назад написал об этом в одном из своих стихотворений, повторяя мудрую мысль классика:

*– Где служите, поэт? –
Карамзина спросили.
И был его ответ:
– Я числюсь по России!*

Ярослав Кауров

Юрий Андреевич Адрианов

Более двадцати лет я дружил с талантливейшим поэтом Юрием Андреевичем Адриановым. Когда выпускал свой первый сборник, попросил Юрия Андреевича отобрать для него стихи. Автору, особенно в начале своего творческого пути, трудно понять, какие из стихов хороши, а какие являются только этапом в становлении мастерства, тренировкой, поиском своего лица. Юрий Андреевич отобрал половину из того, что было написано мной к тому моменту. И я никогда не печатал оставшуюся половину. Мне была задана планка, ниже которой опускаться дурно.

Дальше в нашей жизни были десятки, а то и сотни встреч. Иногда на праздниках в больших залах, иногда в доме у Юрия Андреевича. Каждый раз это была вежа в моей жизни, подарок судьбы. Барин и нищий, интеллигент и человек, не стесняющийся крепких выражений, поэт и философ Юрий Андреевич всегда умел сказать такие слова, что это влияло на сердце, на судьбу. У меня осталось множество книг, подаренных и подписанных мне Юрием Андреевичем.

Потомок гордого дворянского рода (один из предков Адрианова был даже градоначальником Москвы), он, по-моему, предпочитал простых трудяг рафинированным надменным интеллектуалам из новых “аристократов”. Хочется особо сказать о том, как красив был Адрианов. До самой старости, до самых последних дней его лицо, отмеченное благородством мудрости, обрамленное волной седых волос, которые так любила поправлять его жена Наташа, было возвышенно прекрасно.

*В рабочем кабинете
(фото из архива Е.И. Галкина)*

О человеке можно судить по характеру животных, которые его окружают. Кто в городе не помнит двух великолепных русских гончих Юрия Андреевича! Когда вы входили в его дом, даже эти собаки окружали вас заботой, интеллигентной вежливостью и преданностью. Таких великолепных, державшихся с аристократическим достоинством компаньонов я больше не встречал. Можно было часами смотреть в эти почти женские, чистые и глубокие, огромные и влажные глаза. Длинное-длинное собачье лицо ложилось к вам на колени, и глаза бо-

гини с любовью и печалью неотрывно следили за вами. Глядя мягкие золотые кудри, я как будто переносился в другое время, в мир усадеб и хлебосольных, праздных фило-софов, отдыхающих на лоне природы от петербургских балов. Адрианов был большим любителем псовой охоты. Ему посвящено несколько моих стихотворений:

Бледнеет сумерек слюда,
И открываются ворота,
И выезжают господа,
И начинается охота.

Держа арапники в руках,
Как символ власти господина,
Гарцуют в дорогих мехах
Дворяне – старый барин с сыном.

Охотники ведут собак,
На сворках гончие, борзые,
Играет молодой гончак,
Косятся лошади гнедые.

Доезжих где-то слышен гон
И улюлюканье лихое,
Как будто лес со всех сторон
Ожил от зимнего покоя.

Вот на опушке крупный волк
С седой спиной показался,
И старый барин вдруг умолк,
Помолодел и подобрался.

“Ату, ату!” – и понеслись
Гнедые лошади, собаки,
С галопа перейдя на рысь,
Чтоб первым долететь до драки.

И первым барин молодой,
Собак арапником стегая,
Не придержав коня уздой,
Вмиг соскочил с него, играя.

И прыгнул зверю на хребет,
Ловя его рукой за уши,
Пьянее крови браги нет,
Чтоб воина потешить душу.

И, придавив его, вогнал
Блестящий, острый, как иголка,
Прямой охотничий кинжал
По рукоять под ребра волка.

Вот так по рощам, по полям
Под лай собак, придворных крики
Создавший титул короля
Скакал когда-то Карл Великий.

Вот так же русские князья,
Которым власть давало вече,
С дружиной верные друзья,
Неслись вперед, расправив плечи.

И эту нить не разорвать,
Она в крови у меченосцев,
Как будто вновь идут на рать
Перун и Один – братья россов.

Из крови в кровь, из рода в род
Передается эта сила,
Которая не раз народ
От разоренья защитила.

То кровь князей, то кровь бояр –
Храбрейших, первых в лютой драке,
Тех, что секли хазар, татар,
Французов, немцев и поляков.

Всегда узнаешь этот взгляд –
Хозяев, а не белоручек,
Что в рост под пулями стоят,
Сказав: “Не кланяться, поручик!”

В молодости он много путешествовал по стране, был знаком с Юрием Гагариным.

Юрий Андреевич был глубоким знатоком истории. Особенно он любил рассказывать о Бородинском сражении, знал расположение всех полков и развитие битвы. Если мы гуляли по открытой местности, Адрианов руками показывал, где располагались те или иные полки, создавая неизгладимое впечатление присутствия. Когда он тяжело заболел, и ему уже ампутировали ногу, я вместе с Андреем Трemasовым выносил его из дома на брезентовых носилках в карету “скорой помощи”. Мне все время казалось, что мы выносим его с Бородинского сражения, где он был смертельно ранен, как князь Багратион.

Всё чаще, граф, я вспоминаю
Редутов ряд перед Москвой.
Как сладостно ходить по краю,
Не опасаясь ничего.

А к вечеру всё изменилось:
Бог нас берёт, а наш старик,
Наш генерал (Судьбы немилость)
Седую головой поник.

Ты помнишь, друг, его с тобою
Мы выносили на руках
Из огнедышащего боя,
Свинцом взрывающего прах.

И ветер рвал седые кудри
На лбу возвышенном его,
Холодном, белом, словно в пудре,
А взор не видел ничего.

И знамя свешивалось тогой
И, обезумевший от ран,
Его оторванную ногу
За нами, плача, нес улан.

Он шел по полю как Мессия
И, зная, что пришла беда,
Не за себя, а за Россию
Выл, как юродивый, тогда.

И всё ж тогда была надежда –
Хотя устали от войны,
Нам всем хотелось жить, как прежде.
На сердце не было вины.

Наш генерал был славный барин –
Поэт российской жизни всей.
Ты помнишь, даже князь Гагарин
Был первым среди его друзей.

Как был приветлив дом огромный.
Теперь он разорен, увы...
А дядюшка его, ты помнишь,
Градоначальник был Москвы.

А что за славные борзые –
Глаза мадонны, милуй Бог!
Он славился на всю Россию
И был в подборе крайне строг.

Напружина-то как пружина!
Каков оскал, каков щипец!
Что за уборная псовина,
Что за правило, наконец!

Какое общество бывало
В наследственном особняке.
Какие задавал он балы
И фейерверки на реке.

Прошли года, и в наших душах
Уж не отчаянье, а грусть,
Но время память не разрушит
И славу павшего за Русь.

Общество не до конца ещё осознало значение Адрианова для русской словесности. Он является классиком литературы. Я уверен, что через пятьдесят лет без его стихов не обойдется ни один курс русского языка. И загадка успеха проста. Юрий Андреевич никогда не шел на сговор ни с одной из быстро менявшихся властей и не разменивался на временки. Он гениально писал о России.

Анатолий Абрашкин

Горьковская радиофизика: этапы становления

*К 75-летию радиофизического факультета
ГГУ – ННГУ*

Всякое начало имеет свою предысторию. Как дерево обязано существованием не только корням, но и почве, на которой произросло, так и **Институт прикладной физики Российской академии наук (ИПФ РАН)** немислим без подвижнических усилий тех первых ученых, которые обеспечили расцвет и славу нижегородской радиофизики.

В 1918 году по постановлению В.И. Ленина была создана **Нижегородская радиолaborатория (НРЛ)**. Ее главное предназначение состояло в том, чтобы оснастить Красную Армию современной и надежной радиосвязью. Для работы в лаборатории были приглашены в основном иногородние сотрудники. Среди них были первоклассные специалисты-радиотехники: М.А. Бонч-Бруевич, В.К. Лебединский, А.Ф. Шорин, Д.А. Рожанский, В.П. Вологдин, братья Б.А. и Г.А. Остроумовы, А.М. Кугушев, А.А. Пистолькорс, О.В. Лосев, С.И. Шапошников и другие. В рамках программы научных исследований в лаборатории развивались два направления – разработка электронно-ламповых генераторов (группа Бонч-Бруевича) и быстро крутящихся динамо-машин (группа Вологодина). В 1923 году “вологдинцы” покинули лабораторию, переехав в Петроград. “Бонч-бруевиченцы” же остались в Нижнем (вплоть до закрытия лаборатории в 1929 году) и успешно доказали большую перспективность методов электронно-ламповой генерации радиочастотных колебаний по сравнению с электромеханическими.

Нельзя не упомянуть и о цикле экспериментов по полупроводниковой электронике, проведенном Олегом Владимировичем Лосевым (1903–1942 гг.) во время его работы в НРЛ. Он открыл (1922 г.), что поверхность “металл – полупроводниковый кристалл” (кристадин) может генерировать и усиливать электромагнитные колебания до 10 МГц и выше. В середине 1920-х годов газеты и научные журналы Европы и Америки написали об этом сенсационном открытии. Но внутри НРЛ это направление исследований, к сожалению, так и не получило должного развития. (Уже работая в Петрограде, О.В. Лосев в 1939 г. указал принцип действия транзистора.)

Первые варяги-радиофизики не “пустили” корней на нижегородской земле. Не вырастили они и учеников, способных поставить дело радиофизики на твердую почву. Эту задачу, однако, успешно решил второй “научный десант”, прибывший из столицы в начале 1930-х годов. Именно Александра Александровича Андропова, Марию Тихоновну Грехову и Габриэля Семеновича Горелика можно с полным правом назвать основателями нижегородской школы радиофизики.

“Десантники второго прилета сразу же прижились около **Горьковского госуниверситета (ГГУ)** плюс небольшого **Горьковского исследовательского физико-технического института (ГИФТИ)**. Они приехали образованными сами и стремились образовать других. И не гастрольно приехали, а навсегда. Семейно. Кланово” (М.А. Миллер). Три московских первопроходца своими лучшими качествами удивительно дополняли друг друга. Один из них был математиком от Бога, вторая блестяще

проявила себя как талантливый и настойчивый экспериментатор в электронике и электромагнетизме, а также как гений-организатор, третий же самозабвенно и талантливо развивал концепцию общности свойств колебательных и волновых движений. Их творческий союз стал тем притягивающим множеством, вокруг которого оформилась, обрела смысл и горизонты развития новая наука – радиофизика.

А.А. Андронов (1901–1952 гг.) – москвич, выпускник Московского университета 1925 года по специальности “Теоретическая физика”. В 1926–1929 гг. он был аспирантом Л.И. Мандельштама, с которым не порывал тесных научных контактов до конца его жизни. С 1931 года он стал работать в ГИФТИ и ГГУ (в должности профессора). А.А. Андронов с коллегами получили всемирно признанные результаты по качественной теории дифференциальных уравнений, описывающих нелинейные колебательные системы. Эти исследования стали первым камнем научного фундамента, на котором позднее выросла горьковская школа радиофизики (мы говорим – Горький, читаем – Нижний, и наоборот!). В 1937 году вместе со своими учениками А.А. Виттом и С.Э. Хайкиным А.А. Андронов издал монографию “Теория колебаний”, которая стала настольной книгой для целого поколения ученых. Ее перевели американцы, на нее ссылаются во всем мире. На Родине ее переиздавали дважды – в 1959 и 1981 годах (при первом издании имя репрессированного А.А. Витта приказом “сверху” было вычеркнуто из числа авторов, но при следующих публикациях восстановлено). Излагаемые в книге новые точки зрения, подходы и методы стали широко использоваться в радиотехнике и радиофизике, в теории автоматического регулирования, в вибрационной технике, динамике твердого тела и многом другом...

Судьба М.Т. Греховой (1902–1995 гг.) – напоминание всем и каждому, что любовь к избранному делу способна творить чудеса. Она родилась в одном из пригородов Варшавы. Затем ее семья переехала в Москву, где Мария в 1918 году окончила среднюю школу и начала трудовую жизнь с должности секретаря-машинистки. Одновременно она училась на физико-математическом факультете Московского госуниверситета и в 1924 году окончила его, получив диплом физика-экспериментатора. В те годы такая профессия была редкостью даже для представителей сильного пола (до революции физики-экспериментаторы целенаправленно готовились только в Германии).

В 1932 году по путевке Наркомпроса Мария Тихоновна добровольно переехала в Нижний Новгород. Поражает энтузиазм, с которым она “завоевывала” Нижний: Мария Тихоновна успешно совмещала работу сразу в трех научных учреждениях: ГИФТИ, ГГУ и **Центральной военно-индустриальной радиолaborатории** – наследнице распавшейся к тому времени НРЛ. И всюду постоянно организовывала новые научно-исследовательские коллективы. Ее главным научным увлечением, зародившемся еще в Москве, была проблема связи на дециметровых волнах – комплексная проблема, включающая в себя генерацию сверхвысокочастотных (СВЧ) колебаний, излучение, распространение и прием. В 1936 году ей без защиты была присвоена степень доктора физико-математических наук, а в 1938 она стала профессором. В 1945 году, когда при госуниверситете был организован **радиофизический факультет (РФ)**, Мария Тихоновна стала его первым деканом (1945–1947 гг.).

Создание факультета – важнейшая веха в истории нижегородской радиофизики. Со временем он превратился в главный источник подготовки радиофизических кадров, обеспечив преемственность в передаче знаний для нескольких поколений ученых. Первый заведующий кафедрой общей физики Г.С. Горелик запомнился как блестящий лектор. Он “создавал лекционные спектакли, исторические инсценировки, он любил конфликтную драматургию физики” (М.А. Миллер). На основе своих лекций Г.С. Горелик написал знаменитый учебник “Колебания и волны”, который на долгие годы стал азбукой студента радиофака.

К работе на факультете были привлечены талантливые педагоги. В области математики это Артемий Григорьевич Майер, электроники – Виктор Иванович Гапонов, электродинамики – Михаил Львович Левин, термодинамики и квантовой физики – Александр Григорьевич Самойлович, астрофизики – Виталий Лазаревич Гинзбург, радиотехники – Алексей Иванович Скибарко и Израиль Лазаревич Бернштейн, общей физики – Александра Григорьевна Любина...

А.Г. Майер принадлежал к числу тех математиков, которые с готовностью обсуждают физические проблемы, стремятся проникнуть в существо вопроса и не ограничиваются его формальным рассмотрением. Он сыграл исключительную роль в налаживании диалога между математиками школы Андропова и физиками РФ. Можно без преувеличения сказать, что А.Г. Майер был одним из наиболее значимых творцов колебательно-волновой культурой – “фирменного знака” и предмета особой гордости нижегородских радиофизиков.

В.И. Гапонов – муж М.Т. Греховой, еще один десантник. Ему принадлежит крылатая фраза, ставшая девизом начального этапа развития РФ: “Радиофизика держится на трех китах: теории колебаний, электродинамике и электронике”. М.Л. Левин, тоже десантник, но поневоле, широко известен своими работами в теории антенн. Ему по праву принадлежит основополагающая роль в формировании на факультете электродинамической культуры. Человек драматической судьбы, переживший необоснованные репрессии и ссылки, он неизменно являл собою пример гражданского мужества и неистребимой интеллигентности. “Его поколению выпала доля жить среди двоякомыслия: истинная и ложная системы взглядов почти на все живое и неживое существовали совместно, как вложенные друг в друга пространства. Притом с ограниченным правом выбора. Было совсем непросто распорядиться собой. Михаил Львович выбрался из этой чудовищной кутерьмы (свето-тьмы) благодаря ясному, критическому и веселому умению думать. <...> А вырвавшись сам, он вытащил из этой трясины многих своих учеников” (М.А. Миллер).

Часть преподавателей приезжали для чтения курсов специально из Москвы. Среди них был будущий Нобелевский лауреат, академик В.Л. Гинзбург. Каждый его приезд приводил к оживлению научной жизни: семинары, обсуждения, дискуссии, новости “из первых рук” расширяли кругозор нижегородцев и придавали им новый импульс интереса к нерешенным проблемам физики. В.Л. Гинзбург прочитал студентам несколько законченных курсов, и каждый из них перевоплощался потом в монографию или учебное пособие. Его влияние на развитие нижегородской радиофизики сохранилось даже после того, как он перестал регулярно посещать Горький. В.Л. Гинзбург в течение многих лет по-прежнему сохранял пост главного редактора журнала “Радиофизика” и определял его издательскую стратегию. В числе московских преподавателей РФ были также академик Евгений Львович Фейнберг и член-корреспондент АН СССР Сергей Михайлович Рытов.

Трудами первых преподавателей радиофака, их коллег и учеников были заложены основы нижегородской радиофизики. Она естественным образом вписалась в радиотехнические традиции, оставленные НРЛ, наполнила их новым содержанием и расширила пределы их приложения. На первых порах радиофизика понималась еще в узком смысле, когда теория колебаний и волн применялась преимущественно к радиотехническим, электронным и электродинамическим системам. Похоже, что творцы новой науки даже не подозревали, насколько раздвинутся области ее приложения в будущем. Но уже и тогда им было ясно, что простое соединение двух хорошо понятных слов породило совершенно новую, захватывающую “идеологию”, способную утвердиться в науке всерьез и надолго.

1956-й – год создания **Научно-исследовательского радиофизического института (НИРФИ)** – стал знаковым для горьковской радиофизики. Это было, что называется, выходом в свет. Город Горький официально обрел статус физического центра всесоюзного значения. До международного признания предстоял еще долгий путь, этому, кроме того, в значительной степени мешала “закрытость” отдельных работ и самого города. Но решающий шаг на пути вхождения в элиту мировой науки был сделан. Он был вершинным творением Марии Тихоновны, первого директора НИРФИ. Наряду с ней ядро научного коллектива составили известные физики В.Л. Гинзбург, В.С. Троицкий, И.Л. Бернштейн, М.М. Кобрин и молодые ученые – выпускники РФ ГГУ: А.В. Гапонов-Грехов, Г.Г. Гетманцев, Б.Н. Гершман, Н.Г. Денисов, В.А. Зверев, М.А. Миллер и другие.

Научные наработки, определившие будущее “лицо” НИРФИ, были накоплены еще в маленьких лабораториях ГИФТИ и РФ. ГИФТИ стал зародышем нового института: сначала (28 сентября 1956 г.) 73 его сотрудника, а чуть позже (16 января 1957 г.) еще 15 гифтинцев были зачислены в штат НИРФИ. К работе в новом институте были привлечены также сотрудники радиотехнического факультета **Горьковского политехнического института (НГПИ)**. Почти все научные направления, которые стали для созданного института приоритетными, были инициированы основоположниками послевоенной радиофизики. На НИРФИ было возложено выполнение научно-исследовательских работ в области радиофизики и радиотехники – и в первую очередь радиоастрономии для нужд радионавигации, радиолокации и радиосвязи, а также выполнение опытных разработок в этой области совместно с научно-исследовательскими и конструкторскими бюро промышленных министерств.

Приведем названия отделов НИРФИ-56 вместе с именами их руководителей.

1. Теоретдел (член-корр., проф. В.Л. Гинзбург).
2. Отдел СВЧ-приборостроения (д. ф.-м. н., проф. М.Т. Грехова).
3. Отдел радиолокационной астрономии и распространения СВЧ-колебаний (к. ф.-м.н. М.М. Кобрин).
4. Отдел СВЧ-электроники (д. ф.-м. н., проф. А.В. Гапонов).
5. Отдел СВЧ-электродинамики (к. ф.-м. н. М.А. Миллер).
6. Отдел помехоустойчивой аппаратуры (д. т. н., проф. Д.В. Агеев).
7. Отдел СВЧ-радиоастрономии СВЧ-радиоспектроскопии (к. ф.-м. н., В.С Троицкий).
8. Отдел космического радиоизлучения и физики ионосферы (к. ф.-м. н. Г.Г. Гетманцев).
9. Отдел физики электрических флуктуаций (д. ф.-м. н. И.Л. Берштейн).
10. Отдел гидроакустики (к. ф.-м. н. А.Н. Бархатов).
11. Отдел статистической радиофизики (к. ф.-м. н. В.А. Зверев).
12. Отдел импульсной техники (к. т. н. Л.А. Моругин).
13. Отдел радиоспектроскопии (д. т. н., проф. Л.А. Мясников).
14. Отдел матфизики (д. ф.-м. н., проф. А.Г. Сигалов).

В этом перечне названий в изобилии присутствует прилагательное “сверхвысокочастотные” (то есть с частотой от $3 \cdot 10^7$ до $3 \cdot 10^{12}$ Гц). Но уже наметился и возможный отход от узкоспециальной радиотематики, связанный как со смещением исследований в другие части спектра электромагнитных излучений, так и в другие области физики (акустика, гидродинамика, электродинамика плазмы). Ученые института методично и целенаправленно раздвигали пределы приложения радиофизических ме-

тодов все шире и шире. Позже, после выделения из НИРФИ академического Института прикладной физики, особое развитие и особый статус в ИПФ получили как раз новые и новейшие направления физики, в которых опыт радиофизического подхода был особенно ценен. Поэтому выделим среди творческих достижений нирфинцев и ключевых исторических событий только те, которые существенным образом повлияли на будущую судьбу ИПФ РАН, программу научных исследований и стали полноправной частью его истории.

31 июля 1957 года Приказом Минвуза СССР № 787 при Научно-исследовательском радиофизическом институте была создана редакция журнала **“Известия высших учебных заведений. Радиофизика”** (главный редактор – чл.-корр. АН СССР В.Л. Гинзбург, заместитель главного редактора – к. ф.-м. н. В.И. Гапонов). В 1958 году вышел первый номер журнала.

В 1958 г. в институте проведена **Всесоюзная конференция** по статистической радиофизике.

1958–1960 гг. Выходят работы А.В. Гапонова-Грехова и М.А. Миллера по **воздействию высокочастотного электромагнитного поля на заряженные частицы**. (За силой воздействия впоследствии закрепится название **“сила Миллера”**.)

1959 г. Институт посещает академик Анатолий Петрович Александров. Узнав об открытом здесь **оригинальном способе акустического обнаружения подводных кораблей**, основанном на измерении дискретных низкочастотных составляющих спектра, лежащих в области частот вращения гребного вала (В.А. Кротов – натурный эксперимент; В.П. Докучаев – теория; С.М. Горский – лабораторный эксперимент), А.П. Александров выступает с инициативой внедрения открытия в практику Военно-Морского Флота (ВМФ). Как следствие этого, в итоге НИРФИ была поручена крупная работа по созданию действующего макета тракта обнаружения целей по излучаемым ими дискретным составляющим спектра. **“Исследования, связанные с этой темой, были поддержаны ВМФ и правительством так всесторонне и оглушительно, что о таком никто из сотрудников НИРФИ не мог и мечтать. Для выполнения этих работ институту был придан целый завод. Аппаратура, необходимая для исследований (включая оригинальную, специально изготовленную), потребовала для ее доставки на выделенный корабль трех рейсов грузового самолета”**, – вспоминает Виталий Анатольевич Зверев, назначенный ответственным за данную программу исследований.

В 1962 г. проведен **Всесоюзный симпозиум по дифракции волн**.

23 апреля 1962 года был запущен **третий в СССР лазер** на рубиновом активном элементе отечественного производства (А.М. Кубарев, Е.Л. Розенберг, А.А. Гончаров). **“Сначала сами находящиеся в комнате очумело смотрели на красное пятнышко на дальней стене комнаты. Убедившись, что это не галлюцинация, стали приглашать всех, кто был поблизости. Затем началось столпотворение. Сотрудники института выстраивались в очередь, их группами приглашали в комнату “на два выстрела”. Выстрелами называли вспышки лазера, поскольку они сопровождались очень громким хлопком. Из-за пондеромоторных сил лампы подсветки вздрагивали, а тонкий металлический корпус резонировал. Профессор С.А. Жевакин упорно утверждал, что не видел никакого луча, поскольку его глаза моргают от громкого звука. Пришлось его пересадить к самому экрану, чтобы звук достигал его ушей попозже”** (из воспоминаний А.М. Кубарева).

6 сентября 1963 г. запущен **первый неодимовый лазер** в НИРФИ.

В 1964 г. выходят **книги**: Железняков В.В. **Радиоизлучение Солнца и планет** (М.: Наука); Файн В.М., Ханин Я.И. **Квантовая радиофизика** (М.: Наука). Работа профессора И.Л. Берштейна **“Флуктуации амплитуды и фазы в ламповом генераторе”** отмечена премией им. Л.И. Мандельштама.

1964–1967 гг. Выходят работы В.И. Таланова по **теории эффекта самофокусировки волновых пучков в средах с кубичной нелинейностью**. В них открыты авторские решения нелинейного уравнения Шредингера для таких пучков (1964 г.), новый класс инвариантных преобразований и аналог теоремы вириала для этого уравнения, позволивший указать достаточное условие самофокусировки пучков произвольного профиля; фундаментальный результат о поперечной неустойчивости плоской волны в нелинейной среде (совместно с В.И. Беспаловым, 1966 г.) и дано развитие общей теории пространственно-временного самовоздействия волн в диспергирующих средах (совместно с А.Г. Литваком, 1967 г.).

22 ноября 1966 г. АН СССР и Минвуз РСФСР приняли следующее решение: “Учитывая, что институт проводит в основном фундаментальные исследования по перспективным теоретическим и экспериментальным вопросам радиофизики, что НИРФИ является одним из ведущих научных учреждений в этой области науки и что деятельность его в целях обеспечения быстрее решения наиболее важных проблем должна быть тесно связана с работой академических научных учреждений, Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР и АН СССР признали необходимым **осуществлять со стороны АН СССР методическое руководство работой НИРФИ**, которое возлагалось на Отделение общей и прикладной физики АН СССР”.

1967 год. **Создан новый класс приборов**, основанных на новых методах взаимодействия электромагнитных волн с электронным пучком, названных “**мазеры на циклотронном резонансе**”. За теоретическое и экспериментальное исследование индуцированного циклотронного излучения, приведшего к созданию этого класса электронных приборов, А.В. Гапонову-Грехову, М.И. Петелину, И.И. Антакову, В.А. Флягину и В.К. Юлпатову в 1967 году присуждена Государственная премия СССР.

1963–1968 гг. Л.А. Островским был **изучен новый класс модулированных волн** (волны огибающих). Открыты эффект модуляционной неустойчивости, уединенные (солитоны) и ударные волны огибающих. Эти результаты зарегистрированы в качестве открытия.

Конец 1960-х гг. В.А. Зверев и А.И. Калачев предложили **принцип “параметрической” (нелинейной) антенны**, что дало мощный толчок развитию нелинейной акустики во всем мире.

В 1970 г. А.В. Гапонов-Грехов избран **действительным членом Академии наук СССР**.

В 1971 г. вышла книга В.А. Зверева, Е.Ф. Орлова “**Оптические анализаторы спектра**”.

В марте 1972 г. проведена первая **Всесоюзная школа по нелинейным волнам**. Следующая была организована через год, а далее, вплоть до 1989 г., школы проходили раз в два года. В то время школы были одной из традиционных форм общения ученых. Но тот факт, что нижегородские школы по нелинейным волнам стали традиционными и имели всесоюзный резонанс, отражает тот качественно новый уровень, на который вышли физики-нижегородцы. Слава о горьковских школах гремела по всей стране. На них приезжали крупнейшие советские физики, работавшие в области нелинейных колебаний и волн. Тематика школ была невероятно широка и разнообразна – от астрофизики до сверхпроводимости, от волн в океане до полупроводниковых генераторов, от турбулентности до плазменных неустойчивостей. Одним из наиболее активных организаторов этих научных форумов был М.И. Рабинович.

В 1973 г. М.Т. Греховой организован и много лет под ее руководством работал **Семинар по проблеме применения достижений радиоэлектроники в медицине** с участием ведущих ученых и разработчиков аппаратуры со всей страны.

1974 г. – работы члена-корреспондента АН СССР В.С. Троицкого по исследованию Луны астрономическими методами были отмечены **премией им. А.С. Попова**. В.И. Турчин стал **лауреатом премии Ленинского комсомола** за исследование и разработку голографических методов и аппаратуры для моделирования и измерения параметров антенн.

1975–1977 гг. Под руководством В.И. Таланова выполнен цикл работ по **распространению мощного лазерного излучения в прозрачной атмосфере**, заложивших основы нового направления – нелинейной оптики атмосферы.

К середине 1970-х годов стало очевидным, что ряд научных направлений, оформившихся и развивавшихся внутри НИРФИ, “переросли” рамки минвузовских программ. Развернутые исследования по электронике, гидрофизике и физике атмосферы требовали и существенно иного базового финансирования. В этой ситуации президент АН СССР А.П. Александров выступил с идеей создания в системе АН СССР академического института, сочетающего фундаментальные и прикладные исследования.

28 июля 1976 г. Совет Министров СССР принял предложение Академии наук об организации в г. Горьком на базе ряда отделов Научно-исследовательского радиофизического института (НИРФИ) Минвуза РСФСР Института прикладной физики (ИПФ) АН СССР.

30 декабря 1976 г. Президиум АН СССР утвердил создание ИПФ в составе Отделения общей физики и астрономии и назначил его директором академика А.В. Гапонова-Грехова.

14 апреля 1977 г. Президиум АН СССР поручил ИПФ проведение фундаментальных и прикладных исследований в области физики плазмы, электроники больших мощностей, физики атмосферы, гидрофизики и квантовой электроники.

620 сотрудников НИРФИ (чуть более трети от общего числа) перешли на работу в ИПФ. Новый институт должен был стать новой вехой в развитии радиофизики. Слово “радиофизика” стало теперь пониматься в широком смысле, как наука о колебаниях и волнах самой разной физической природы: электромагнитных, звуковых, распространяющихся в жидкости (поверхностных, внутренних и даже цунами), в земной толще и т.д. Соответственно расширился и круг проблем, которые должны были рассматриваться в рамках данной науки, – это возбуждение колебаний и волн в неравновесных средах и системах, изучение и распространение волн, взаимодействие волн со средой, регистрация и обработка колебательных и волновых сигналов. Обозначались также и ранее не обсуждавшиеся перспективы в решении прикладных задач: создание новых технологий и новой аппаратуры, диагностика природной среды, технических устройств и биологических объектов. Такое понимание радиофизики сделало ее не только областью науки в строгом смысле слова (по единству объектов изучения), но и научной культурой (по единству подходов к изучению различных объектов).

Обозревая “доипфановский” путь развития нижегородской физики, нельзя все-таки не подивиться содеянному. Да, древо физики на месте слияния Волги и Оки росло неуклонно и непрерывно. Но сколько счастливых случайностей, неожиданных добрых начинаний и непредсказуемых удач сложились в “нужной фазе” и способствовали его расцвету! Ведь, по глубоком размышлении, может даже показаться, что радиофизика состоялась в Нижнем “вопреки обстоятельствам” (А.В. Гапонов-Грехов). Судите сами: да, в царской России университетские центры создавались “на периферии” империи, но Нижний Новгород не был в их числе. Он считался городом купеческим, и на первом месте здесь всегда была наука капитала. Нижегородская наука – детище XX века, и создавалась она, по существу, на “пустом месте”. Но опять-таки когда и кем? Как ни крути, но приходится признать, что Нижний входил в отечественную науку как-то по-

особому, скорее “вопреки обстоятельствам”. Да, в годы Гражданской войны к нам была эвакуирована часть Варшавского университета, ставшая основой будущего ГГУ. Однако научная традиция – это прежде всего люди и достижения. Ни о том, ни о другом из той поры нет даже никаких легенд. Нижегородская радиолоборатория, но ее славу унаследовала ЦВИРЛ (впоследствии завод имени Фрунзе). Это полностью военная тематика, практически не затрагивающая фундаментальные исследования.

И вот появляются столичные ученые, которые привносят в провинциальную науку дух академизма и новых мировых веяний. Они выступают инициаторами и генераторами создания новых научных структур. Это загадка, подвиг, чудо! Известна масса примеров, когда государство само инициировало создание академгородков, научных центров (тот же Саров), но здесь произошло все наоборот!

Классики нижегородской радиофизики исповедовали и неизменно отстаивали принцип коллективного творчества в науке. Дружба и подлинный интерес к Науке перевешивали все остальное. Создание ИРФ, и НИРФИ, и ИПФ РАН было закономерным итогом внутреннего развития предшествующих им научных структур. В Нижнем все научные начинания шли от ученых, так сказать, “снизу”. Это определяющая черта нашего становления, и, похоже, в этом с нами едва ли кто сравнится. Да, А.П. Александров – добрый гений нижегородской физики, но ведь его нужно было заинтересовать, удивить, наконец поддержать достижениями экстракласса.

Тем более, с того знаменательного момента, когда на Горьковской земле появилась полновесная академическая макроструктура – Институт прикладной физики.

Сергей Герасимов, Владимир Ерофеев

Н.А. ДМИТРИЕВ: КОНСПЕКТ БИОГРАФИИ И ЛИНИЯ СУДЬБЫ

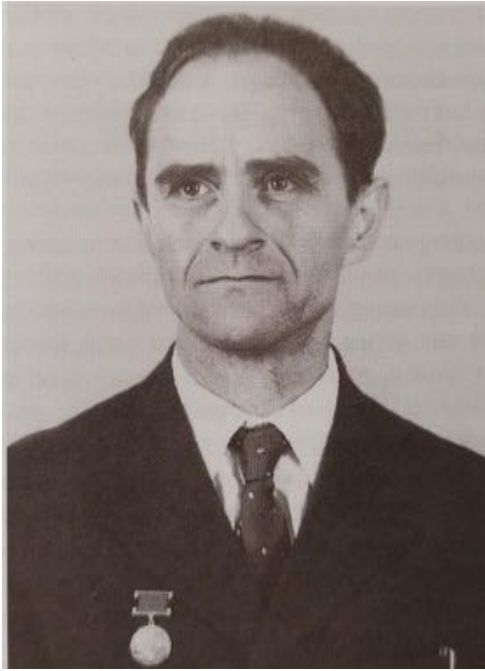
“Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики” (РФЯЦ – ВНИИЭФ) – так именуется прославленная организация, располагающаяся в городе Сарове Нижегородской области. Ключевые слова: ядерный центр, экспериментальная физика, можно еще добавить – прикладная физика, и эти приложения хорошо известны: именно здесь ковался ядерный щит нашей Родины, именно здесь он постоянно совершенствуется. Без сомнения, физики-экспериментаторы, физики-ядерщики, физики-прикладники – главные герои этого города-организации. Все верно, но перечень героев неполон без физиков-теоретиков и математиков. Кто они, главные теоретики ядерного центра?

По неформальному, но устойчивому мнению саровчан: “Николай Александрович Дмитриев – один из наиболее сильных теоретиков ВНИИЭФ (Я.Б. Зельдович, А.Д. Сахаров, Н.Н. Боголюбов, М.А. Лаврентьев, Д.А. Франк-Каменецкий, К.И. Щелкин) и, пожалуй, самый сильный в аналитических и вычислительных методах” [1, с. 84].

Всмотримся в этот список. Яков Борисович Зельдович, Андрей Дмитриевич Сахаров и Кирилл Иванович Щелкин – академики, трижды (!) Герои Социалистического Труда; Николай Николаевич Боголюбов – академик, дважды Герой Социалистического Труда; Михаил Алексеевич Лаврентьев – вице-президент Академии наук СССР, академик, Герой Социалистического Труда; профессор Давид Альбертович Франк-Каменецкий не стал академиком, но по весьма необычной причине: “академики-физики согласовали решение принять Франк-Каменецкого в Академию наук, но он отказался, попросив принять в Академию своего зятя Р.З. Сагдеева” [2]. И Роальд Зиннурович Сагдеев был избран действительным членом Академии наук СССР. Заслуженное избрание, без всяких сомнений, только тестя своего за заботу он отблагодарил специфически. Вот строчка из биографии академика Р.З. Сагдеева: “В конце 1980-х годов, будучи в командировке в США, познакомился с Сьюзен Эйзенхауэр, внучкой президента Дуайта Эйзенхауэра. В 1990 году он женился на ней. Живет в США” [3]. Но наш рассказ не о нем, а о Николае Дмитриеве – кандидате физико-математических наук. Что думали о нем сами академики, с которыми его сравнивали?

Слова Я.Б. Зельдовича о Н.А. Дмитриеве воспроизвел А.Д. Сахаров в своих “Воспоминаниях”: “У Коли, может, единственного из нас, искра Божия. Можно подумать, что Коля такой тихий, скромный мальчик. Но на самом деле мы все трепещем перед ним, как перед высшим судьей” [4]. А вот оценка самого А.Д. Сахарова: “Самым молодым был Коля Дмитриев, необычайно талантливый, в то время он “с ходу” делал одну за другой блестящие работы, в которых проявлялся его математический талант” [4].

На Объекте (предприятие п/я 975, КБ-11 Лаборатории № 2 АН СССР, ныне РФЯЦ – ВНИИЭФ) Н.А. Дмитриев появился в августе 1948 года, выбор был сознательным: “Когда в 45-м американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, я понял, что такое возможно, и понял, что мне нужно в этом поучаствовать. Я знал, что без атомной бомбы будет очень много крови. Мы только что вышли из войны, страшной и беспощадной. А после взрывов в Японии стало ясно, что следующая война возможна и реальна, если у нас не будет такого же оружия, как у американцев. Так что для меня это было чисто политическое решение” [1, с. 6]. До этого была учеба на мехмате МГУ, аспирантура у академика А.Н. Колмогорова, завершившаяся публикацией трех

*Главный математик Советского
атомного проекта
Н.А. Дмитриев*

ярких (впоследствии, классических) работ по теории стохастических матриц [5, 6] и ветвящихся случайных процессов [7]. Но расскажем о жизни Николая Александровича подробнее и от “истока”.

От “истока” до первой известности

Прадед Николая Александровича со стороны отца – болгарин. Он был священником, звали его Дмитрий (по болгарскому обычаю – поп Димитр), а фамилии тогда у болгар приняты не были. Жил он со своей большой семьей – три сына и две дочери – в городе Сливен, в собственном небольшом доме. Поп Димитр был не только служителем церкви, но и учителем, просветителем. Он перевел на болгарский язык Евангелие. До этого христиане-болгары читали его на греческом.

Много болгар, – а христианская Болгария входила тогда в состав Османской империи, мусульманского государства, – получило образование в России. Среди них был и Христо Ботев –

выдающийся поэт, революционер и политический деятель Болгарии, руководитель национально-освободительного движения против ига Османской империи.

Один из сыновей попа Димитра – Константин (дед Николая Александровича) – учился в Одесском юнкерском училище. Когда началось восстание, он вступил в отряд добровольцев, которым командовал Христо Ботев. Этот отряд прошел с боями от Дуная через горы и долины Болгарии почти до самой Софии. В неравном бою отряд был разбит, а Христо Ботев погиб. Константин получил серьезное ранение. Но его спасли и вылечили патриотически настроенные жители Софии. Константин эмигрировал в Россию, закончил там юнкерское училище и стал кадровым военным. Он служил офицером русской армии в царствование Александра Третьего и Николая Второго. В России он получил фамилию. Ему был предложен выбор: Дмитриев (по имени отца) или Попов (в соответствии с его профессией). Константин стал Дмитриевым. Он женился, у него родились сын Александр (отец Николая Александровича) и дочь Мария. Константин Дмитриевич участвовал в Русско-японской войне и, возвращаясь в 1907 году домой, умер в поезде от апоплексического удара (инсульта).

Его сын Александр Константинович Дмитриев (1893 года рождения) пошел по стопам отца: окончил кадетский корпус в Полоцке и военное училище в Петербурге, участвовал в Первой мировой войне. В Гражданскую войну воевал на стороне Белой армии. В 1920 году Александр Дмитриев во время эвакуации белых остался в г. Екатеринославе (Днепропетровске), после чего некоторое время служил писарем в Красной Армии, в отделе дивизионного инженера 25-й Чапаевской дивизии. В начале 20-х годов перипетии Гражданской войны забросили его в Киев, он хотел поступить на математический факультет университета. Но очередная смена власти, которые на Украине следовали одна за другой, помешала ему осуществить эту мечту. Вскоре он оказался в Таганроге, где и познакомился с будущей женой Валентиной Марковной Горьковой. Ее отец был из крестьян, но в детстве перебрался в Таганрог, сначала слу-

жил “мальчиком” (прислугой) в лавках, затем – приказчиком. Потом сумел стать хозяином небольшого обувного магазина. Его жена была портнихой. В семье было шестеро детей. Валентина (1897 года рождения) была четвертым ребенком. Все дети учились в гимназии. Валентина Марковна с отличием окончила гимназию и получила свидетельство, дающее право преподавать музыку (игру на фортепиано) и математику. В 1923 году Александр Константинович и Валентина Марковна поженились. Молодая семья поселилась в Москве, в одном из переулков Старого Арбата – Нащекинском, родились сыновья: Николай (Кока) – 27 декабря 1924 года и Борис (Боба) – 4 марта 1926 года. Родители уделяли много времени их воспитанию и обучению. Николай Александрович писал в своей автобиографии: “Я рано выучился читать, до четырех лет, а в возрасте неполных шести лет, во время полуторамесячной болезни (дифтерит и скарлатина) в больнице стал читать свободно, в том числе научно-популярные книги” [1, с. 16]. Но это было уже в Тобольске.

В 1927 году А.К. Дмитриев был арестован и выслан из Москвы на три года в Сибирь, на север Тюменской области (аукнулась служба в Белой армии). После ссылки он поселился в Тобольске, в 1930 году к нему приехала жена с детьми. В 1931 году в семье родился третий ребенок – дочь Елена. И снова обратимся к автобиографии Н.А. Дмитриева: “Родители не отдавали меня в школу до девяти лет, а учили дома – тогда это практиковалось – чтению, письму, немного французскому языку. Отец учил меня арифметике, в том числе давал трудные задачи... а я их более или менее успешно решал” [1, с. 17]. В 1933 году Николая отдали в одну из тобольских школ, его зачислили сразу в третий класс. Необычайные способности Николая поражали и учителей, и знакомых его родителей. Один из знакомых отца – инженер – написал письмо в Наркомпрос о том, что в Тобольске случайно встретился с необычайно одаренным мальчиком. Письмо было передано в школьное управление Наркомпроса РСФСР, откуда было направлено в областной отдел народного образования Урала для проверки сообщения.

Н.А. Дмитриев: “Из Свердловского (Уральского) облоно приехал представитель, поговорил со мной, согласился с письмом и организовал переезд нашей семьи в Свердловск, где меня посмотрела комиссия, и затем меня отправили далее в Москву” [1, с. 18]. В связи с этим было разрешено вернуться в Москву и отцу мальчика. В Москве на Николая посмотрела более высокая комиссия Наркомпроса, возглавляемая наркомом А.С. Бубновым и его заместителем Н.К. Крупской. Это событие немедленно получило освещение в прессе. В газете “За коммунистическое просвещение” от 1 ноября 1933 года появилась статья: “Явление, встречающееся раз в столетие. 9-летний математик Коля Дмитриев”. В газете был помещен портрет Коли. Профессор Чистяков, принимавший участие в экспертизе, заявил сотруднику газеты: “У ребенка чрезвычайно большой объем знаний. Он обладает громадной способностью соображения. Несомненно, мы имеем дело с исключительной одаренностью. За свою 40-летнюю деятельность я ничего подобного не видел. Приходилось встречаться с замечательными счетчиками, но, к счастью, он не является таким механическим счетчи-

*Портрет юного студента МГУ
Коли Дмитриева
(газета “Вечерняя Москва”,
8 сентября 1939 года)*

ком, он идет гораздо дальше. Такие явления встречаются раз в столетие. Этот ребенок – типа Паскаля”.

В Москве Колю и Борю определили в образцово-показательную школу имени Радищева: Колю – в четвертый класс, Борю – в первый. Школа располагалась в помещении бывшего Института благородных девиц (Елизаветинский дворец). Над школой шефствовал знаменитый институт ЦАГИ, который располагался недалеко от нее. Николаю назначили большую стипендию – 500 рублей. Это было намного больше, чем получал отец (его зарплата составляла примерно 200–300 рублей). Семье выделили три комнаты в пятикомнатной квартире на Садовом кольце (Земляной вал). Кроме занятий в школе, Николай должен был пройти и индивидуальную (дополнительную) программу обучения. Для этого к нему были прикреплены вузовские преподаватели. И какие преподаватели! Математикой с ним занимались академики Н.Н. Лузин и А.Н. Колмогоров. Кроме немецкого языка, изучавшегося в школе, Николай ко времени ее окончания хорошо владел еще двумя иностранными языками: английским и французским.

В 1938 году в семье родился еще один мальчик – Алеша.

В 1939 году Н. Дмитриев досрочно (в возрасте неполных 15 лет) с отличием закончил школу и был зачислен на механико-математический факультет Московского государственного университета, где проучился два года. В 1941 году учеба дополнилась дежурствами в народной дружине – во время бомбежек Николай поднимался на крышу дома и сбрасывал “зажигалки” в песок. Осенью университет эвакуировали. Николай оказался сначала в Казани, а затем в Ашхабаде. Мать с младшими детьми уехала в Башкирию; отец ушел в ополчение и погиб, защищая Москву.

При достижении 18-летнего возраста Николай попытался попасть в армию, но медкомиссия признала его “невоеннообязанным”. Пришлось смириться и продолжить учебу. В 1943 году университет вернулся в Москву. В 1945 году Н.А. Дмитриев стал аспирантом МГУ (научный руководитель – академик А.Н. Колмогоров). В выписке из зачетной ведомости (приложении к его диплому о высшем образовании) 26 оценок “отлично” и только две оценки “хорошо” – по военному делу и политэкономии.

Работа на Объекте

До появления на Объекте Н.А. Дмитриев уже около двух лет работал по атомному проекту – в октябре 1946 года он поступил в возглавляемый Я.Б. Зельдовичем теоретический отдел Института химической физики АН СССР. До получения допуска к секретным работам Николаю было поручено заниматься вопросами горения угольного шара, а когда допуск был получен, Яков Борисович объяснил, что шар был не угольный, а урановый – отдел занимался расчетами критических параметров урановых шаров (как “голых”, так и в оболочках), сжатых сходящейся ударной сферической волной.

В августе 1948 года Н.А. Дмитриев, вместе с большей частью отдела Я.Б. Зельдовича, переехал из Москвы в “Энск”, друзья проводили его стихами:

И я пойду, куда велят,
Чуть сдерживая стон.
Пойду туда, куда телят
Сгоняет Харитон [1, с. 36].

(Юлий Борисович Харитон – академик, один из руководителей советского атомного проекта; трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трижды – Сталинской премии).

Для Объекта 1948–1949-е годы были периодом очень интенсивной работы – решалась задача определения “начинки” для РДС-1 (первой советской атомной бомбы “Реактивный двигатель Сталина”), производился обсчет газодинамических экспериментов, выбирались конструктивные элементы заряда. “И, как правило, Я.Б. Зельдович в самые ответственные моменты не принимал решений, “не посоветовавшись с Колей” [1, с. 37].

29 августа 1949 года были проведены успешные испытания РДС-1, и весь мир узнал, что закончилась монополия США на обладание атомным оружием. Многие участники первого советского атомного проекта получили высокие государственные награды. Был среди них и 25-летний Н.А. Дмитриев. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. По значимости это была третья возможная награда за трудовой подвиг после Золотой звезды “Серп и Молот” – звания Героя Социалистического Труда и ордена Ленина. Впрочем, была среди атомщиков и такая примета, что “при представлении к наградам исходили из простого принципа: тем, кому в случае неудачи уготован расстрел, при успехе присваивать звание Героя; обреченным при провале на максимальное тюремное заключение в случае удачного исхода давать орден Ленина, и так далее по нисходящей” [8]. Можно при желании, воспользовавшись указанной шкалой, определить, какая альтернатива ожидала орденосца Н.А. Дмитриева.

Сразу после победных испытаний уникального изделия начались работы по его совершенствованию. Планировалось использовать более сложный состав для заряда. Новые идеи потребовали дополнительных расчетных и экспериментальных исследований, оригинальных конструктивных решений. Напомним, что и первая бомба РДС-1, и ее модификации разрабатывались в докомпьютерную эпоху, а это требовало такого аналитического аппарата, который был бы одновременно и надежным, и достаточно простым. Здесь очень пригодились развитый Н.А. Дмитриевым метод возмущений для уравнения переноса и проведенные им аналитические расчеты.

Усовершенствованная конструкция изделия была успешно испытана в сентябре 1951 года, а в декабре того же года вышло Постановление Совета Министров СССР “О награждении и премировании за выдающиеся научные работы в области использования атомной энергии, за создание новых видов РДС, достижения в области производства плутония и урана-235 и развития сырьевой базы для атомной промышленности”, в третьем пункте которого говорилось о присуждении Сталинской премии первой степени. В числе лауреатов был назван Н.А. Дмитриев.

Обладающий уникальными способностями к проведению аналитических исследований Н.А. Дмитриев был, тем не менее, одним из первых на объекте, кто начал разработку собственных компьютерных программ, ориентированных на решение одномерных, а затем и двумерных задач газовой динамики с учетом теплопроводности. Это потом, когда введут “сокращение числа натуральных испытаний, а вслед за ним мораторий на ядерные испытания” [1, с. 8], станет очевидной острота проблемы “организации массового производственного счета на ЭВМ” [1, с. 8].

А стартовала вычислительная деятельность Н.А. Дмитриева, по его словам, так: “Вначале я стал с большим шумом считать на арифмометре “Триумф”. Это были импортные арифмометры, похожие на наш “Феликс”, но отличающиеся от них в двух отношениях: на счетчике оборотов была передача десятков и подставка была заметно тяжелее, так что арифмометр не прыгал, когда я быстро крутил ручку. То и другое мне очень нравилось” [1, с. 33].

А через несколько лет для проведения вычислений по программам Н.А. Дмитриева во всем ВНИИЭФ (а это город!) порой не будет хватать машинного времени, и его

будут арендовать в тех организациях страны, в которых оно не полностью используется. Не обойдется и без курьезов: “Бывали случаи, когда Николаю Александровичу не выписывали пропуск в машинный зал. А решались в “чужих краях” задачи по его программам, и он все время, пока шел счет, сидел в проходной и консультировал математика, сидевшего за пультом ЭВМ в машинном зале, по телефону через окошечко бюро пропусков” [1, с. 40]. Воистину наш несокрушимый ядерный щит ковался одновременно по различным, порой неожиданным, технологиям и на разных “наковальнях”. В 1972 году Н.А. Дмитриев в составе авторского коллектива будет удостоен Государственной премии СССР в области прикладной математики за цикл работ по теме “Двумерные расчеты”. Но вернемся в своем повествовании к началу 1950-х годов.

В 1952–1953 годах на Объекте активно велись работы над РДС-6 (водородная бомба). Реализовывались сразу два проекта “Труба” (схема, в которой плутониевая бомба погружалась в жидкий дейтерий) и “Слойка” (схема, подразумевающая атомный заряд, окруженный несколькими слоями легких и тяжелых элементов). Работы считались чрезвычайно секретными, сотрудники, включенные в один проект, не допускались к информации о работе над другим проектом. Н.А. Дмитриев по особому распоряжению руководства был включен сразу в оба коллектива разработчиков. По признанию академика В.С. Владимирова, именно Николай Александрович предложил использовать “метод характеристик численного решения многослойной сферически-симметричной задачи для уравнения переноса для расчета “слойки” А.Д. Сахарова и метод факторизации для расчета РДС-6 в рамках усовершенствованного диффузионного приближения” [1, с. 43].

Нельзя не упомянуть и еще об одном чрезвычайно важном направлении деятельности Николая Александровича. Академик Р.И. Ильяев писал: “Появление атомного оружия потребовало разработки средств защиты от него. В начале 50-х годов остро встал вопрос о необходимости совершенствования системы противовоздушной обороны (ПВО). В 1954 году Н.А. Дмитриевым совместно с Я.Б. Зельдовичем, Д.А. Франк-Каменецким и В.Н. Родигиным было показано, что наиболее эффективным средством защиты от атомного оружия, транспортируемого самолетом, является высотный взрыв небольшой мощности. Выделяющиеся при этом взрыве нейтроны поражают атомный заряд. Эта работа легла в основу создания в стране защитной атомной управляемой ракеты и совершенствования системы ПВО” [1, с. 7].

Кроме упомянутых уже наград, Н.А. Дмитриев был в 1956 году удостоен второго ордена Трудового Красного Знамени, а в 1961 году – ордена Ленина. Но... По мнению всех, кто знал Н.А. Дмитриева, его заслуги недооценены. Над сонмом воспоминаний и высказываний о нем царит строка из стихотворения Арсения Тарковского, озвученная в “Сталкере”:

Только этого мало!

Так думали все, кроме, кажется, самого Николая Александровича, который (и с этим все согласны) был абсолютно равнодушен к наградам и почестям. Удивительный человек!

Академики о Н.А. Дмитриеве

Академик В.С. Владимиров: “Математик Божьей милостью. Я знал такого. Это был великий труженик науки Николай Александрович Дмитриев – математик и физик. Он ушел от нас и, тем не менее, не покинул нас совсем. С нами осталось самое ценное – его дух, его идеи, его дела. Это наследие нетленно, на него не распространяется власть смерти. Мы вспоминаем о математическом наследии Николая Александровича, о мощном интеллекте, о его влиянии как математика на ядерную физику, о его роли в созда-

нии советского атомного и водородного оружия. По моему мнению, талант и труд Коли оценены недостаточно. Он, конечно, награжден орденами и двумя Государственными премиями. Но он так и не удостоился докторской степени. Попытка представить его к почетному званию заслуженного деятеля науки России не увенчалась успехом опять же по причине отсутствия докторской степени. А Коля должен был по праву быть членом Российской академии наук!” [1, с. 41–45].

Академик С.К. Годунов: “Я имел удовольствие тесно сотрудничать с Николаем Александровичем. Именно он привлек мое внимание к методу сферических гармоник для кинетического уравнения. Случай двух гармоник обычно связывается с параболическим диффузионным уравнением. Заинтересовавшись случаем многих гармоник, я захотел установить, каковы характеристики у соответствующих дифференциальных уравнений. Результат получился неожиданным – эти уравнения оказались гиперболическими. Николай Александрович проверил мои выкладки и тоже удивился. Мы долго размышляли над этим парадоксом, разгадка которого оказалась спрятана в различии мировоззрений у математиков и физиков. Классификация для дифференциальных уравнений с частными производными основывается на учете только членов со старшими производными. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при адаптации физиками одних и тех же уравнений для использования их на разных стадиях физического процесса эти адаптированные уравнения не обязаны лежать в одних и тех же классификационных клетках, навязанных математиками. Выводы этих совместных с Николаем Александровичем размышлений оказали на всю мою дальнейшую деятельность в математической физике весьма существенное влияние” [1, с. 46–48].

Академик Ю.А. Трутнев: “Мне повезло – в том, что я после университета попал сюда, на Объект, в наш Институт. И не просто в Институт, а в его теоретические отделы. Долгое время мы вчетвером – Франк-Каменецкий, Дмитриев, я и один дипломник, Р. Сагдеев, – сидели в одной комнате. Обстановка была самая доброжелательная, творческая, демократичная. Говорили обо всем, не только о науке. Много смеялись, шутили. Николай Александрович был совершенно феноменальным специалистом. Полученные им результаты, собранные прежде всего в отчетах, – это классические труды. Строгие и очень ясные. Он умел самые сложные вопросы разработать и объяснить, казалось бы, просто. На самом деле все его суждения и выводы были очень глубокими. Его отличали феноменальная память и удивительная способность разбираться до тонкостей в самых сложных физических процессах. И математик он был отменный. Ю.Б. Харитон много раз консультировался с ним. Да и каждый знал: если спросить у Николая Александровича, он все объяснит. Поэтому, как только в нашей работе возникал тот или иной вопрос, я прямо говорил: пойдите к Николаю Александровичу и поговорите с ним. И решение будет зависеть от того, что он скажет. Как правило, те, кто взаимодействовал с Николаем Александровичем, всегда получали хорошие результаты. Он был для всех нас ходячей энциклопедией по любым вопросам” [1, с. 55–57].

Академик А.Н. Колмогоров (и в шутку, и всерьез в ответ на просьбу академика Ю.Б. Харитона посоветовать, какие ЭВМ стоит приобрести для Ядерного центра и как организовать их использование): “Зачем Вам электронно-вычислительные машины? У Вас же есть Коля Дмитриев!” [1, с. 63].

Академик Л.П. Феоктистов: “Первое мое знакомство с теоретиками отдела Я.Б. Зельдовича. У них принято, в порядке знакомства, устраивать для новичков не-

большой экзамен. Теоретики повторяли его из раза в раз. Выучить правильные ответы было несложно. Я, естественно, волновался, но действие в соответствии с театральными канонами выдержал. Далее началась работа. Интересная, увлекательная, насыщенная физикой, конкретными расчетами и приемами. Постоянно слышишь со всех сторон: “Спроси у Николая Александровича... Коля так не считает... Я думаю, лучше Дмитриева никто с этим не разберется...” – и т.п. С горечью думаешь о себе, сопоставляя: ничего ты не умеешь, ничего не знаешь. Разговариваешь с Н.А. – вроде бы всё ясно, точно, физично, а самостоятельно решить не можешь. Только позже становится ясно, что задача на самом деле сложна. И не абстрактная это задача, а жизненная, животрепещущая. Основным нашим увлечением, совместной работой во главе с Я.Б. Зельдовичем и Д.А. Франк-Каменецким, был вариант водородной бомбы “труба”. Мы должны были выяснить, существует ли стационарный процесс ядерного горения изотопов водорода, подобно тому, как это происходит в ВВ (взрывных веществах. – *Авт.*) или порохе. Оказалось, несмотря на внешнее сходство, почти ничего общего нет: какая-то помесь горения и детонации, огромное влияние стока энергии от вещества в излучение. Одной из теорий взаимодействия мягкого излучения с горячими электронами плазмы посредством обратного комптон-эффекта с успехом занимался Николай Александрович. Все наши труды с “трубой”, увлекательные, насыщенные интересной физикой, вскоре были вытеснены более совершенными конструкциями, как, впрочем, и знаменитая сахаровская “слойка”. Тем не менее обобщенная теория, включающая в себя ядерные реакции на все нюансы высокотемпературной плазмы, в значительной степени была создана именно в то время” [1, с. 48–50].

Академик Р.И. Ильяев: “Даже на блестящем фоне выдающихся ученых и ярких личностей, которыми богата история ВНИИЭФ, Николай Александрович Дмитриев выделялся особыми чертами своего уникального таланта и человеческих качеств. Этому способствовали редкие природные способности, полученное в юности прекрасное образование и неистребимая тяга к знаниям, сопровождавшая его всю жизнь. Сочетание природного дара и обстоятельств жизни привели к тому, что Н.А. Дмитриев уже в молодости сформировался как ученый-энциклопедист, тип редкий и в прошлые времена и совсем уже исчезающий в наши дни. При своей необыкновенной одаренности Николай Александрович всегда оставался удивительно скромным, бескорыстным и чистым человеком. Он очень любил свою семью, много времени и внимания уделял детям. Отпуск он обычно проводил в туристических поездках, в походах по глухим местам или путешествиях на байдарках по малым рекам, куда часто отправлялся вместе с семьей и друзьями. Любил он также путешествовать пешком, с большим энтузиазмом изучая таким образом окрестности. Николай Александрович прекрасно знал литературу, любил классическую музыку и поэзию. Всегда внимательный, доброжелательный, чуткий и в то же время непоколебимый в своих убеждениях и очень честный человек, словно освещенный отблеском собственного огромного таланта, – таким его запомнили даже те, кому пришлось всего лишь считанные разы общаться с Николаем Александровичем. Таким он сохранился в памяти его близких и коллег” [1, с. 6–11].

Политический оппонент А.Д. Сахарова

А.Д. Сахаров: “Коля всегда интересовался общими вопросами – философскими, социальными, политическими. В его позиции по этим вопросам ярко проявляется абсолютная интеллектуальная честность, острый парадоксальный ум. По убеждениям и постоянной позиции Коля – неконформист, он в равной мере противостоит офици-

альной идеологии и моей позиции. Он единственный с Объекта, кто открыто приходил ко мне после появления “Размышлений о прогрессе”, потом “О стране и мире” с просьбой дать их почитать и обсудить. Мои взгляды казались ему совершенно неправильными, но спорил он со мной по-деловому” [4].

Н.А. Дмитриев: “В институте он иногда заходил в мою комнату поговорить о политике. Что мне казалось неправильным в выступлениях Сахарова? Уже в первом меморандуме А.Д. (1968 г.) меня покорила не резкость критики им нашего строя, а использование штампов и языка западной пропаганды. Во-вторых, в меморандуме было утверждение, что наиболее эффективным строем является не капитализм и не социализм, а нечто среднее. Когда я спросил А.Д., откуда он это взял, он ответил, что оптимум всегда бывает посередине – утверждение для естественника несколько легкомысленное. Не менее правдоподобна ситуация, когда эффективность, как функция “расстояния” строя от социализма или от капитализма – вогнутая, обе крайние точки образуют относительные максимумы, т.е. и социализм, и капитализм устойчивы по отношению к малым возмущениям, а посередине имеется не максимум, а минимум эффективности, т.е. положение заведомо неустойчивое. Похоже, что и опыт, и логические рассуждения говорят за такую ситуацию.

В дальнейшем мне казалась неправильной и позиция А.Д. по колониальному вопросу. Хорошо, предположим, освободившись от марксистской идеологии и перейдя на общечеловеческую позицию, приходится отказаться от постулата, что восставшие колонии всегда правы, а колонизаторы всегда неправы. Но заменять его противоположным постулатом – колонизаторы всегда правы, – по-моему, нет никаких оснований.

Не нравилась мне и позиция А.Д. по еврейскому вопросу, слишком просионистская и, по-моему, антиеврейская. Например, когда палестинские террористы убили израильских спортсменов на Олимпиаде, израильтяне ответили на это возмездием – бомбардировкой палестинских лагерей. Государство, претендующее на цивилизованность и мораль, стало на одну доску с террористами. А.Д. тогда заявил протест против действий палестинцев. Я спросил у него, почему бы ему не подвергнуть критике заодно и действия Израиля? А.Д. сказал, что это излишне, желающих критиковать Израиль и без него достаточно.

Но таковы правила политической игры. Довести до властей свое мнение, скажем, меморандум, будь он даже вполне правилен, недостаточно. Прочтут с вниманием, скажут спасибо, и что дальше? Нужно найти способ произвести политическое давление на правительство. Оказалось, что единственный реальный путь для этого – использование иностранного радио. Конечно, опираться на западные средства массовой информации, получать Нобелевскую премию мира – значит идти на определенное унижение, а что делать? Чтобы делать политику вполне честно, надо стать на уровень Иисуса Христа, не только идти на любые жертвы, но стать выше духа борьбы, логики борьбы. Кто хочет быть гуманнее Иисуса Христа, рискует сильно ошибиться, а кто считает возможным предъявлять моральные требования ниже, чем предъявляет марксизм, рискует далеко зайти. Во время Второй мировой мы видели социализм чуть менее гуманный, чем марксистский, – национал-социализм” [1, с. 231–232].

В архиве Н.А. Дмитриева сохранилось несколько его писем к А.Д. Сахарову, на полях некоторых из них рукой автора оставлены комментарии, по смыслу все они идентичны тому, что датирован 11.IX.72: “С адресатом обсуждены вопросы и достигнуто полное разногласие”.

22 января 1980 года А.Д. Сахаров был выслан в г. Горький. А в конце следующего года “по Москве разнеслась весть, вызвавшая ужас и недоумение у множества людей: Сахаров объявил смертельную голодовку. Потом узнали, что голодает он вме-

сте со своей женой. Что он требует? Освобождения из ссылки? Заступается за кого-то из диссидентов? Нет, требует разрешения на выезд в США невесты сына Елены Георгиевны, Лизы Алексеевой. Кто это такая? Ведь разрешение на выезд вообще мало кому дают, и из-за этого легендарный Сахаров готов умереть?” [1, с. 228].

5 декабря 1981 года (в День сталинской Конституции) Н.А. Дмитриев направил в адрес Л.И. Брежнева письмо следующего содержания: «Глубокоуважаемый Леонид Ильич! Я хочу обратиться к Вам по делу академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Я не знаю подробно обстоятельств дела, из-за которого он объявил голодовку, т.е. угрожает совершить самоубийство. Я не знаю, законно ли требование, которое он предъявляет Советскому правительству (о разрешении выехать за границу невесте его пасынка), весьма возможно, что незаконно. И даже не вполне справедливо. Я не думаю, что в его положении – положении человека, затеявшего политическую борьбу против Советской власти, – вообще правильно и логично предъявлять какие-либо личные требования к Советскому правительству. Я призываю Вас подойти к этому вопросу с другой стороны, с человеческой, – отнестись к требованию Сахарова как к просьбе человека, который попал, видимо, по своей вине, в такое положение, из которого у него нет другого самостоятельного выхода, кроме самоубийства. Какой может быть вред, если Вы удовлетворите требование Сахарова, рассматривая его как просьбу? По всей вероятности, молодая женщина, о которой идет речь, действительно сильно хочет уехать к своему жениху, настолько, что это перевешивает ущерб от фактического изгнания с родины. И ясно, что, если здесь из-за нее погибнут Сахаров и его жена, ее положение здесь будет, по совокупности, только хуже. Можно было бы сказать, что, уступив Сахарову, Советское правительство покажет, что оно чего-то испугалось, какого-нибудь “мирового общественного мнения” и т.п. Но это было бы рассуждением труса. К Вам, вероятно, не может быть претензий, если Вы не помешаете самоубийству человека, которого Вы знаете в лицо, с которым Вы сидели за одним столом. Однако, если Вы этому помешаете, довольно много людей будут Вам благодарны, Вы облегчите им жизнь. Если же говорить о политике, то, я думаю, проявив великодушие в вопросе, маловажном для государства, но жизненно важном для Сахарова, Вы приобретете над ним определенное моральное преимущество, это может сказаться через некоторое время. Дмитриев Н.А. Кандидат физ.-мат. наук, член партии” [1, с. 228–229] (приводится в сокращении).

Лиза Алексеева получила разрешение на выезд за границу, и голодовка А.Д. Сахарова была прекращена.

Н.А. Дмитриев отмечал, что с А.Д. Сахаровым он “не был в близких приятельских отношениях, как некоторые другие теоретики”. Правда, так случилось, что диссертации свои (Андрей Дмитриевич – докторскую, Николай Александрович – кандидатскую) они защищали на одном заседании совета. Еще пили однажды в небольшой компании спирт с медом. Н.А. Дмитриев говорил потом, что “ни ему, ни мне этот напиток не понравился” [1, с. 230]. Хоть здесь, в отличие от полного разногласия в политических вопросах, их мнения совпали.

Но был еще в стародавние времена у них один важный разговор.

Н.А. Дмитриев: “А.Д. спросил: “Как Вы думаете, чем мне следует заниматься?” Это совсем не был чисто личный вопрос. Вопрос на самом деле стоял так: какой может быть (или должен быть) следующий шаг вперед после создания водородной бомбы? Мы без спора согласились, что термояд – это несерьезно, не практический вопрос. А.Д. выдвинул идею, что надо овладеть высокотемпературной сверхпроводимостью, чтобы потом строить сверхпроводящие линии электропередачи от угольных электростанций на Енисее в Центральную Россию. Я выразил сомнение. Сложная техника, основанная на большой науке, может быть хороша для оружия, но едва ли окажется прак-

тичной в большой экономике. “Поскольку Вас, А.Д., не интересует вопрос о построении классического истолкования квантовой механики, а интересует практическая польза, то главной практической нашей проблемой после создания водородной бомбы, даже более важной, является преобразование нашей политики, используя накопленный опыт научной работы, нацеленной на практику, и накопленный авторитет” [1, с. 230].

Сам ли А.Д. Сахаров избрал в итоге политическую стезю или прислушался к совету коллеги, теперь уже не установить, но старания академика (со товарищи) на этом поприще привели к тектоническим сдвигам, о которых Н.А. Дмитриев, разумеется, не только не мечтал, но и в страшном сне не видел. А проблемы управляемого термоядерного синтеза и высокотемпературной сверхпроводимости, невзирая на пышность “эполет” на плечах причастных, так и остаются неразрешимыми.

Л.В. и Н.А. Дмитриевы с детьми. 1964 год

* * *

Николай Александрович Дмитриев прожил на свете 75 лет. Он умер 20 сентября 2000 года. Похоронен в г. Сарове. У него, как и у его отца-фронтовика, было четверо детей. В 1948 году Н.А. Дмитриев женился на Тамаре Ивановне Поздышевой. Она умерла в возрасте 32 лет, оставив на руках мужа шестилетнего Сашу и четырехлетнюю Веру. Через пять лет после смерти жены Николай Александрович женился на Людмиле Васильевне Старковой (Дмитриевой). Вместе они прожили 40 лет, воспитывая уже четверых детей: в 1961 году в семье появилась дочь Катя, в 1963 году – сын Вася. Николай Александрович – дед восьми внуков. Род Дмитриевых продолжается.

Литература

1. Николай Александрович Дмитриев: воспоминания, очерки, статьи. – Саратов: Изд-во РФЯЦ – ВНИИЭФ, 2002. – 351 с.
2. Франк-Каменецкий, Давид Альбертович // Википедия.
3. Сагдеев, Роальд Зиннурович // Википедия.
4. Сахаров А.Д. Воспоминания: в 3 т. / Сост. Е.М. Боннэр. – М.: Время, 2006.
5. Дмитриев Н.А., Дынкин Е.Б. О характеристических числах стохастических матриц // Доклады АН СССР. – 1945. – Т. 49. – № 3.
6. Дмитриев Н.А., Дынкин Е.Б. Характеристические корни стохастических матриц // Известия АН СССР. Серия математическая. – 1946. – Т. 10. – С. 167–184.
7. Колмогоров А.Н., Дмитриев Н.А. Ветвящиеся случайные процессы // Доклады АН СССР. – 1947. – Т. 56. – № 1.
8. Щелкин, Кирилл Иванович // Википедия.

СХЕМА ПЛОТНИКОВА

В 1950-х годах началась, как тогда говорили, “космическая эра человечества”. Набирала скорость ракетно-ядерная гонка СССР и США. К работам по связанным с нею проектам привлекались самые выдающиеся ученые, в том числе математики. При математическом моделировании возникавших инженерных проблем отчетливо проявилась необходимость изучения задач на экстремум (то есть на минимум или на максимум) нового типа, названных задачами оптимального управления.

Отличительной чертой этих задач является наличие дифференциального (или иного) уравнения, описывающего некоторый управляемый физический процесс (говоря иначе, управляемую систему), с входящими в это уравнение функциями-управлениями. Каждой функции-управлению соответствуют свой ход процесса и некоторое число, характеризующее качество процесса, – значение функционала качества, экстремума которого и нужно добиться. Решение задачи, то есть та функция-управление, при которой функционал качества достигает экстремума, называется оптимальным управлением. Так как для любого управляемого физического процесса ресурс управления естественным образом ограничен, то функции-управления не могут принимать любые значения (например, для космической ракеты функцией-управлением может быть зависимость расхода топлива от времени, а ресурсом управления – запас топлива). Они принимают их из некоторого определяемого ресурсом ограниченного множества, включая и точки границы этого множества (таким множеством может быть, например, числовой отрезок с крайним левым и крайним правым предельно возможными значениями). Было замечено, что оптимальное управление чаще всего принимает как раз крайние (предельно возможные, граничные) значения. Эти обстоятельства не позволяли применять для решения возникающих задач оптимального управления методы вариационного исчисления – хорошо развитого классического раздела математики, в котором тоже изучаются задачи на экстремум функционалов, очень похожие на задачи оптимального управления, но с тем отличием, что искомые функции в них могут принимать любые значения. Требовались совершенно новые математические методы.

И такие новые методы были найдены. Наиболее мощный из них – метод, опирающийся на открытый в 1956 году советским математиком Львом Семеновичем Понтрягиным принцип оптимальности (условие оптимальности), позволяющий выделить оптимальное управление среди всех других функций-управлений. Быстро выяснилось, что этот принцип помогает эффективно решать самые разнообразные прикладные инженерные задачи. Он стал широко известен как Принцип максимума Понтрягина (ПМП).

*Владимир Иванович Плотников
(1922–1988)*

Это выдающееся открытие Понтрягина [1] быстро вызвало во всем мире лавинообразный поток разнообразных математических исследований, от чисто прикладных до сугубо абстрактных. Дело, в частности, в том, что управляемый процесс, о котором говорится в ПМП, описывается обыкновенным дифференциальным уравнением. Однако очень часто для адекватного описания управляемой системы таких уравнений бывает недостаточно и приходится применять более сложные дифференциальные уравнения с частными производными. Управляемые системы, описываемые обыкновенными дифференциальными уравнениями, принято называть *сосредоточенными управляемыми системами*, а те системы, для описания которых необходимы дифференциальные уравнения с частными производными, – *распределенными управляемыми системами* (или *управляемыми системами с распределенными параметрами*). Принцип максимума Понтрягина касался лишь сосредоточенных управляемых систем, и после его открытия сразу же встал важный вопрос: можно ли и как сформулировать подобный принцип оптимальности для распределенных систем?

Кроме того, после появления ПМП в математике возникло и стало активно развиваться направление, целью которого стало нахождение условий оптимальности для задач на экстремум общего вида, включающих как частный случай и задачи оптимального управления. В таких общих (абстрактных) задачах на экстремум функционалы качества определены на некоторых множествах, задаваемых с помощью разного рода условий (называемых обычно *ограничениями* задачи на экстремум); ограничения могут иметь вид некоторых равенств, неравенств, условий принадлежности решения задачи наперед заданному множеству и т.д.

Среди методов нахождения условий оптимальности в таких абстрактных задачах в первую очередь нужно назвать знаменитый метод (или схему) А.Я. Дубовицкого и А.А. Милютина (1963–1965 гг.). При применении этой схемы к задачам оптимального управления уравнение, описывающее управляемую систему, рассматривалось как некоторое ограничение, равноправное со всеми остальными ограничениями задачи. Первоначально схема была ориентирована на сосредоточенные управляемые системы, ее применения для распределенных систем появились гораздо позже.

Одним из первых теорию оптимального управления распределенными системами начал разрабатывать Владимир Иванович Плотников – тогда доцент Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ГГУ). В короткое время он получил глубокие результаты и к концу 1960-х годов создал единую конструктивную теорию оптимального управления распределенными и сосредоточенными системами. Ее ядром стал метод получения необходимых и достаточных условий оптимальности. Плотникову удалось найти тот уровень абстракции, который, возможно, является “золотой серединой” при изучении задач оптимального управления. С одной стороны, предложенная им схема рассуждений достаточно обща, чтобы охватить очень широкий круг самых разнообразных задач оптимального управления, а с другой – она ориентирована именно на задачи оптимального управления и в этом смысле не страдает излишней общностью, при которой путь от общего результата до конкретной задачи превращается часто в сложную самостоятельную проблему. (Позволим себе такое сравнение: для топографической съемки местности не стоит забираться на Луну – проще, надежнее и дешевле воспользоваться, в зависимости от целей, масштабов и бюджета проекта, самолетом или искусственным спутником Земли).

Владимир Иванович изначально не стремился к полной формализации своего подхода, но сформулировал основные его положения как своего рода руководство к действию. Как результат, создание “живой”, готовой к дальнейшему развитию “схемы Плотникова” – логически стройной совокупности теоретических конструкций и

приемов получения условий оптимальности в задачах управления сосредоточенными и распределенными системами. В частности, рассматривая уравнение процесса как ограничение особого рода, Плотников предложил получать необходимые условия оптимальности (например, принцип максимума) путем применения общих теорем отделимости в пространстве вариаций остальных ограничений и функционала качества. Это центральный момент схемы Плотникова.

Две первые статьи Плотникова с описанием его подхода к теории оптимального управления распределенными системами, напечатанные в журнале “Доклады АН СССР” в 1966 и 1967 годах, были представлены к публикации академиком Понтрягиным. Об основных идеях своего подхода Владимир Иванович сделал доклад в 1966 году на Международном конгрессе математиков в Москве. В общей форме основные положения своей схемы он доложил в 1969 году на Всесоюзной конференции по проблемам теоретической кибернетики в Новосибирске и опубликовал в центральных советских математических журналах в 1970–1972 годах.

За прошедшие десятилетия схема Плотникова проверена временем и доказала свою эффективность. Предложенные Владимиром Ивановичем принципы позволили единообразно исследовать широкий круг задач оптимального управления при естественных предположениях. Эти принципы были с успехом применены им, его учениками и его “научными внуками” при изучении распределенных управляемых систем, описываемых гиперболическими, параболическими, эллиптическими и разного рода интегро-дифференциальными уравнениями с частными производными, различными уравнениями с запаздыванием, а также интегральными, функционально-операторными, стохастическими и другими уравнениями. Для таких систем рассматривались различные задачи оптимального управления с самыми разнообразными ограничениями: функциональными, фазовыми, операторными (бесконечномерными) типа равенства и неравенства, типа включения, при различных условиях на входные данные задач (гладкие, негладкие, разрывные, приближенно известные) и различном понимании их решений (в классическом смысле, обобщенное решение, решение в смысле минимизирующей последовательности). При этом был получен целый ряд существенно новых результатов.

Подчеркнем, что в последовавшие за фундаментальным открытием Понтрягина годы повсюду в мире, и в первую очередь в таких ведущих “математических державах”, как СССР, США и Франция, наблюдался “взрывной” интерес к математической теории оптимального управления для систем с распределенными параметрами. Публиковались сотни научных статей, издавались десятки книг. Среди авторов работ по этой тематике – ряд выдающихся математиков. Достаточно назвать имя крупнейшего французского математика Ж.-Л. Лионса, внесшего фундаментальный вклад в развитие как теории уравнений с частными производными, так и собственно математической теории оптимального управления, автора ряда всемирно известных монографий.

В этой огромной, всемирной по масштабу работе по созданию и развитию математической теории оптимального управления распределенными системами Владимир Иванович Плотников одним из первых сказал свое весомое и убедительное слово.

* * *

Недалеко от старинного Муром в Оку справа впадает река Тёша, не спеша собирающая свои воды в лесах и лугах нескольких южных районов Нижегородской области. В 1578 году в среднем течении Тёши Иваном Грозным был основан город Арзамас как крепость для охраны недавно присоединенных мордовских земель. Судя по сохра-

нившимся документам, в это время чуть ниже по течению на левом берегу реки уже существовало “Обрамово на Тёше”. Сейчас это большое село Абрамово. Здесь 7 января 1922 года в семье Ивана Петровича и Анны Алексеевны Плотниковых и родился будущий известный русский математик, профессор ГГУ Владимир Иванович Плотников. В Абрамове, на берегах извилистой Тёши, прошло его детство.

Его брат Александр Иванович Плотников [2] вспоминал: “Наш отец был сельским умельцем, знаменитым в районе кузнецом, членом столичного общества сельских изобретателей. Изобрел для колхоза гвоздильный станок, сеялку для высева лука-чернушки, зерносушилку, конный культиватор. <...> До всего доходил собственным умом, все детали отковал своими руками. Отец был скуп на слова, никогда не терял время на пустые разговоры. Но уж если скажет слово, то как гвоздь забьет – с одного удара по самую шляпку. Володя перенял от отца внешний облик, характер и творческий склад ума. Читать выучился еще до школы – в нашей семье были и книги, и газеты. Учился легко, с охотой. <...> Начальную школу закончил с похвальной грамотой. В тридцатые годы в соседнем селе Каменке была открыта школа-семилетка – школа колхозной молодежи. Там учились и мы, ребята из села Абрамова. <...>

Учась в семилетке, Володя все больше и больше увлекался математикой. Порою он стремился уединиться, чтобы спокойно, без помех заняться своим любимым делом – решением головоломных задач. Однажды я его обнаружил на сеновале наедине со своей любимой математикой. Он удобно устроился, разложил учебники и тетради. Во взгляде – такая отрешенность от мира сего.

Говорю:

– Пойдем на улицу, ведь праздник.

– Подожди, найду ответ – приду.

Конечно, моему младшему брату были знакомы мальчишеские игры, забавы, увлечения. Особенно он любил рыбную ловлю. Накануне накопаем дождевых червей, приготовим удочки. Утром бежим луговой тропкой к речке Тёше, где нами уже заранее облюбованы песчаные пескаринные отмели. Засучим штаны выше колен, насадим червяка на крючок – и началось азартное действо. Только успевай снимать с крючка трепещущую удачу. Обыкновенно кукан у брата был самым тяжелым. Ловить рыбу удочкой – эта страсть владела им долгие годы.

С мальчишеских лет он всерьез увлекался игрой в шашки и особенно – в шахматы. В состязании мог обставить даже взрослых любителей шахматной игры. Помню, он в длительной, бескомпромиссной схватке сумел одолеть уже известную у нас в районе шахматистку односельчанку Анну Васильевну Ирхину. <...>

После семилетки Владимир поступил в Арзамасское педучилище и закончил его в 1940 году с отличием. <...> К этому времени его увлечение математикой переросло в одержимость. Меня всегда поражало его упорство в достижении поставленной цели”.

По окончании училища Владимир Иванович некоторое время работает учителем в школе села Тепелево Дальнеконстантиновского района Горьковской области, а в 1941 году поступает в Арзамасский учительский институт. Отсюда в феврале 1942 года его призывают в армию. Направляют в часть, охранявшую Горьковский автозавод от налетов немецкой авиации. После окончания Великой Отечественной войны и демобилизации в 1945 году Плотников поступает учиться на математическое отделение физико-математического факультета ГГУ.

Студентом он участвует в работе научного семинара Александра Григорьевича Сигалова [3], незадолго до этого приглашенного работать в университет. Благодаря увлеченности и незаурядным человеческим качествам Сигалова семинар объединил большую группу талантливых студентов-математиков. В это время Александр Григо-

рьевич как раз работал над докторской диссертацией, посвященной существованию решений задач вариационного исчисления. Диссертация была защищена в 1951 году и стала заметным математическим событием: в ней была решена одна из знаменитых проблем Гильберта [4]. Фактически в эти годы А.Г. Сигаловым была основана Горьковская (Нижегородская) научная школа вариационного исчисления.

В 1950 году, сразу после окончания ГГУ, Плотников поступает в аспирантуру Московского государственного университета (МГУ) к члену-корреспонденту АН СССР Лазарю Ароновичу Люстернику. Сигалов был его учеником и лично дал рекомендацию талантливому выпускнику. К сожалению, из-за начавшейся тяжелой болезни ему пришлось через год оставить аспирантуру. Сказались военные и голодные послевоенные годы, сильно подорвавшие здоровье. Врачи настоятельно советовали не заниматься научной работой. Довольно долго Владимир Иванович с женой и двумя маленькими дочерьми живет в городе Дзержинске Горьковской области, несколько лет работает там учителем математики средней школы.

Однако желание заниматься наукой неодолимо, и в 1955 году в возрасте 33 лет Плотников поступает уже в аспирантуру ГГУ, к своему учителю – профессору Сигалову. Темой его научной работы становится дифференцируемость обобщенных решений задач вариационного исчисления, то есть изучение вопросов, связанных с 19-й и 20-й проблемами Гильберта. Вот как впоследствии вспоминала это время жена Владимира Ивановича Клавдия Григорьевна Плотникова: “Даже по тем послевоенным меркам условия жизни были тяжелыми. С 1951 по 1960 год мы жили впятером, вместе с моей матерью, в комнате площадью 14 кв. м в деревянном, не имевшем каких-либо “удобств” доме первых строек города Дзержинска. Заниматься мужу приходилось все в той же комнатухе, где играли или занимались дети, где до глубокой ночи теща строчила на машинке, зарабатывая семье на хлеб, а за перегородкой шла кухонно-прачечная возня жены. Когда же наступали теплые дни, он часами ходил в садике под окнами дома, насвистывая или тихо напевая: “О, Марианна, крепко спишь ты, Марианна”, – и под эту музыку в его голове кружились проблемы Гильберта и прочие проблемы. Если же его настроение менялось, то менялась и мелодия: “Ревела буря, гром гремел”.

А вот что говорил друг Плотникова – Вадим Иванович Казимиров, бывший в те же годы тоже аспирантом Сигалова: “На кандидатском экзамене Володя должен был “сдать” книгу С. Сакса “Теория интеграла”. Ему достался вопрос про интеграл Беркиля. Он рассказывал так ярко и увлеченно, что я, забыв о своей подготовке, заслушался”.

Первые научные работы Владимира Ивановича были опубликованы в самых престижных советских математических журналах и сразу же привлекли внимание специалистов по вариационному исчислению [5]. В 1958 году Владимир Иванович успешно защищает в Совете МГУ кандидатскую диссертацию “Дифференцируемость решений квазирегулярных задач вариационного исчисления в непараметрической форме”.

Чрезвычайно высоко оценивал диссертацию своего ученика Александр Григорьевич Сигалов. Можно, видимо, сказать, что после относящихся к началу века основополагающих работ академика С.Н. Бернштейна это была одна из наиболее сильных работ, посвященных исследованию свойств гладкости решений двумерных регулярных вариационных задач. Предложенные Плотниковым оригинальные конструкции (обобщенно-седлообразные функции; мажорирующие последовательности функционалов; априорные оценки градиентов решений квазилинейных уравнений эллиптического типа, обобщающие соответствующие результаты Бернштейна) оказались плодотворными и при изучении гладкости решений многомерных вариационных задач. Цикл работ Плотникова, посвященных проблеме гладкости решений вариационных задач, завершает совместный с Сигаловым и известным ленинградским математиком Ниной Никола-

евной Уральцевой обзорный доклад “Квазилинейные эллиптические уравнения и вариационные задачи” на 4-м Всесоюзном математическом съезде (1961 г.). В это же время Владимир Иванович публикует серию статей (некоторые совместно с С.Ф. Морозовым [6]) о непрерывности и полунепрерывности функционалов вариационного исчисления, внесших существенный вклад в современное вариационное исчисление. Идеи, заложенные в этих работах, впоследствии были использованы им при исследовании проблем существования решений в задачах оптимального управления.

В шестидесятых годах, после открытия ПМП, научные интересы Плотникова постепенно перемещаются в область неклассического вариационного исчисления – математическую теорию оптимального управления. Первыми, кого Владимир Иванович знакомил с результатами своих новых исследований, были участники руководимого им научного семинара, исключительно активно работавшего в ГГУ, начиная с 1963 года.

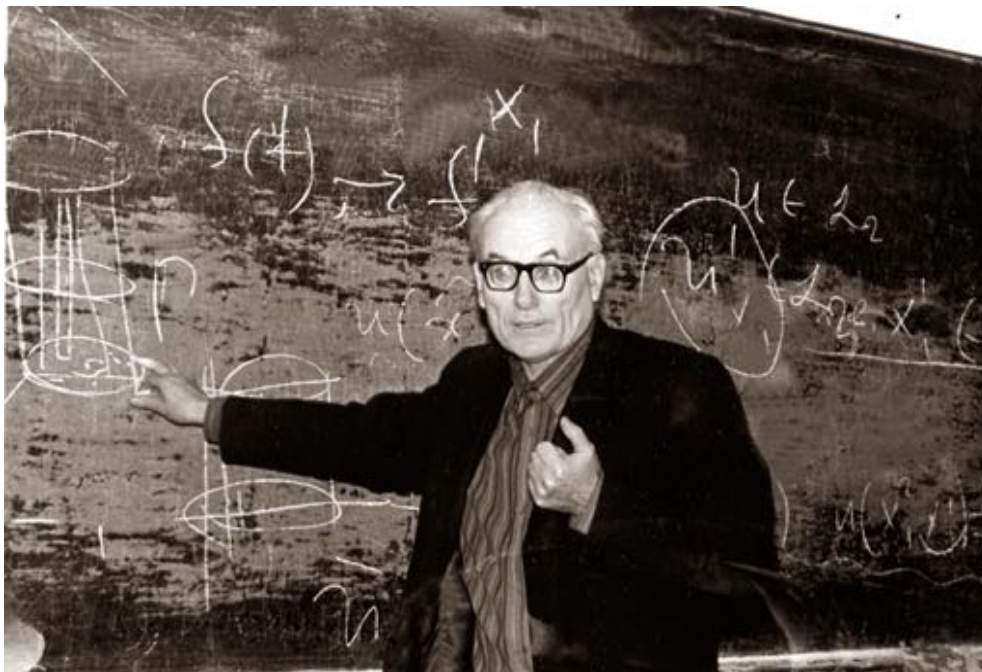
Сейчас, по прошествии более чем 30 лет со дня смерти Владимира Ивановича, совершенно ясно, насколько его идеи и исследования в области математической теории оптимального управления распределенными системами были плодотворны, находились “на острие атаки”, а часто и опережали время. В ряде интенсивно развившихся впоследствии и развивающихся ныне направлений этой теории им фактически были сделаны первые шаги. Прежде всего это, конечно, направление, связанное с построением различных вариантов так называемых “абстрактных” теорий оптимального управления. Первый вариант такой теории для распределенных систем, не потерявший своей актуальности и до сих пор, Владимир Иванович предложил еще в середине шестидесятых годов, по сути дела, сразу после публикации знаменитых первых статей Дубовицкого и Милютина по абстрактной теории принципа максимума для сосредоточенных управляемых систем. Эффективность схемы Плотникова, привлекательной своей неформализованностью и “свободой”, в полной мере прочувствовали и восприняли в свое время участники семинара Владимира Ивановича 60–70-х годов. Ее идейное богатство, видимо, еще не исчерпано до конца.

Опубликованная в 1982 году статья Владимира Ивановича (в соавторстве с его аспирантом М.М. Новоженовым) была первой статьей, посвященной теории принципа максимума в распределенных задачах оптимального управления с фазовыми ограничениями. Фактически она положила начало исследованиям по сложной проблеме, к которой и в настоящее время существует устойчивый интерес, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в наших и зарубежных математических журналах. Подобные замечания можно было бы сделать и в связи с другими активно изучающимися сейчас вопросами теории необходимых условий оптимальности, например, в связи с проблемой граничных управлений. Безусловно, ждут дальнейшего развития идеи, положенные Плотниковым в основу его теории существования решений в задачах оптимального управления, а также теории достаточных условий оптимальности.

В 1975 году В.И. Плотников защитил на математико-механическом факультете Ленинградского государственного университета докторскую диссертацию “Теория оптимизации управляемых систем с распределенными и сосредоточенными параметрами”. Впоследствии Владимир Иванович показал, что предложенная им схема получения условий оптимальности допускает широкие обобщения и приводит к аксиоматике метода вариаций, хорошо приложимой к самым различным классам задач на экстремум. Им был создан абстрактный метод вариаций.

В.И. Плотников работал в ГГУ с 1958 года сначала как научный сотрудник математического отдела Научно-исследовательского радиофизического института (НИР-ФИ) при университете (отдел возглавлял А.Г. Сигалов). С 1960 года Владимир Иванович начинает преподавать в университете как старший преподаватель кафедры вычис-

лительной математики и динамики машин механико-математического факультета. С 1963 по 1976 год он доцент кафедры математической логики и алгебры факультета вычислительной математики и кибернетики (ВМК). В 1967–1969 годах он заведовал кафедрой. С 1976 года Плотников – профессор кафедры численного и функционального анализа факультета ВМК.

У доски в университетской аудитории

Многие нижегородские, и не только нижегородские, математики с благодарностью вспоминали и вспоминают лекции Владимира Ивановича по общим и специальным курсам, школу его научных семинаров. Талант Плотникова, его научная одержимость привлекали к нему на семинары много способной молодежи. Семинары эти, кроме высочайшей квалификации руководителя, обеспечивались еще одним его качеством – даром душевного контакта, без которого их успех был бы невозможен. Удивительным образом такой контакт устанавливался с каждым, кто хотел узнавать и работать [7].

Научный авторитет Плотникова среди специалистов по математической теории оптимального управления был очень высок. Выступить у него на семинаре, узнать его мнение о своей работе стремились математики разных городов СССР. Каждый мог рассчитывать на доброжелательное отношение и квалифицированную консультацию.

Мощь математического таланта Владимира Ивановича поражала. Он не просто жил математикой – он “болел” ею. В то же время это был человек широчайшей эрудиции, которого глубоко волновали проблемы современного ему общества, интересовала окружающая жизнь во всех ее проявлениях. С ним было интересно быть рядом – слушать, разговаривать, спорить. Он хорошо знал литературу, историю. Шахматы и рыбная ловля были его страстными увлечениями.

Порядочность и исключительная скромность – черты Владимира Ивановича, хорошо знакомые всем, кто с ним общался. Его существо восставало при всяком проявлении бюрократии. Любая “бумага” вызывала в нем неприятие, отторжение. Однако довольно трудно представить себе Владимира Ивановича раздраженным, “вышедшим из себя”. Главным и почти единственным его недостатком был недостаток здоровья.

В.И. Плотникова не стало в апреле 1988 года. В ту весну Владимир Иванович был, как всегда, полон самых разнообразных планов. Активно обсуждал с учениками проект книги по оптимальному управлению. Однако его сильно беспокоило сердце. В ночь на 15 апреля, когда над городом Горьким прошел сильный атмосферный фронт, оно не выдержало.

Усилиями В.И. Плотникова основана получившая широкое признание Горьковская (Нижегородская) школа математической теории оптимального управления. Работы Владимира Ивановича стимулировали появление целого ряда исследований по математической теории оптимального управления как у нас в стране, так и за рубежом. Многие высказанные им идеи еще ждут своего осмысления и воплощения.

Примечания

При написании данной статьи использована, в частности, публикация, авторами которой являются Ф.П. Васильев, А.И. Егоров, С.Ф. Морозов, В.П. Савельев, С.Н. Слугин, В.И. Сумин, М.И. Сумин, В.М. Шашков, а также А.И. Плотников: К 80-летию со дня рождения В.И. Плотникова (1922–1988) // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Математика. Вып. 1. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2003. – С. 157–171.

1. В 1962 году академику Л.С. Понтрягину за цикл работ по обыкновенным дифференциальным уравнениям и их приложениям к теории оптимального управления и теории колебаний, опубликованных в 1958–1961 годах, была присуждена самая престижная в СССР – Ленинская премия.
2. Александр Иванович Плотников (1920–2012) – известный нижегородский поэт, член Союза писателей, заслуженный работник культуры России.
3. Александр Григорьевич Сигалов (1913–1969) – выдающийся советский математик; основные результаты – в области вариационного исчисления (решение 20-й проблемы Гильберта) и математической физики (теория атомных спектров). Работал в Горьковском государственном университете с 1946 года.
4. На II Международном конгрессе математиков, проходившем в Париже в 1900 году, знаменитый математик Давид Гильберт сделал доклад, в котором сформулировал наиболее интересные, по его мнению, математические проблемы, “исследование которых может значительно стимулировать дальнейшее развитие науки”. Изучение указанных проблем в значительной степени определило лицо математики XX века.
5. См., например, статью Л.А. Люстерника “Вариационное исчисление” в кн.: Математика в СССР за сорок лет. 1917–1957. Т. 1. Обзорные статьи. – М.: ГИФМЛ, 1959.
6. Станислав Фёдорович Морозов (1931–2003) – известный российский математик, специалист в области вариационного исчисления, оптимального управления и математической физики. Заслуженный профессор Нижегородского государственного университета, где в 1978–1984 годах заведовал кафедрой математики радиофизического факультета, а в 1984–2000 годах – кафедрой математической физики механико-математического факультета. Ученик А.Г. Сигалова.
7. Активными участниками семинаров Владимира Ивановича в разное время были: М.И. Гордион, Г.К. Захаров, В.И. Казимиров, О.А. Кузенков, М.М. Новоженев, В.П. Савельев, Е.Р. Сикорская, И.П. Смирнов, И.М. Старобинец, А.М. Стерлин, В.И. Сумин, М.И. Сумин, В.М. Шашков, В.Я. Якубов и другие.
8. Трое из учеников Владимира Ивановича – В.И. Сумин, М.И. Сумин и В.Я. Якубов – защитили докторские диссертации.

Михаил Лопатин

ЖИВОЙ КЛАССИК: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ М.Н. БОЧКАРЕВА

Среди известных личностей в мире ученых-химиков имя доктора химических наук Михаила Николаевича Бочкарева занимает особое место. Заслуженный профессор Российской Федерации, лауреат престижной премии имени академика А.Н. Несмеянова, в настоящее время он является заведующим лабораторией в Институте металлоорганической химии имени академика Г.А. Разуваева Российской академии наук (ИМХ РАН).

Профессор ИМХ РАН, докт. хим. наук М.Н. Бочкарев

Бочкарев принадлежит к когорте наиболее близких учеников академика Г.А. Разуваева, продолжающих традиции научной школы химии металлоорганических соединений. Производственная деятельность Михаила Николаевича началась в 1961 году, когда он окончил Горьковский политехнический институт. Область его нынешних научных интересов – получение и свойства органических производных непереходных и редкоземельных металлов. Научный стаж работы в этой области более полувека. Того, что им сделано за этот период, хватило бы на несколько жизней. М.Н. Бочкарев – автор более 350 статей в научных журналах, 11 патентов, 3 монографий и более 1000 тезисов докладов на конференциях всех уровней.

В течение прошедшего полувека исследования выполнялись им по трем основным направлениям: соединения с цепочками атомов различных металлов в молекуле (полиядерные соединения); элементоорганические дендримеры (полимеры с сильно разветвленными цепочками углеродных и неуглеродных атомов в шарообразных молекулах); комплексы редкоземельных металлов. Начальный этап исследований проводился под руководством профессора Н.С. Вязанкина и академика Г.А. Разуваева. На

начальном этапе научной деятельности М.Н. Бочкаревым был получен новый класс органических соединений германия. Развитие этого направления привело к формированию особого класса элементоорганических веществ – полиядерных соединений, что существенно расширило представления о возможностях и особенностях химических связей в органических производных металлах. Значимость работ в этой области для фундаментальной химии трудно переоценить. В частности, были получены соединения с цепочкой: германий – платина – ртуть – германий – германий – ртуть – платина – германий – самой длинной из всех известных гетероэлементных группировок. Полученные результаты докладывались на многих всесоюзных и зарубежных конференциях, опубликованы в более чем 80 статьях, обобщены в трех обзорах.

В 1987 году при изучении свойств соединений германия под руководством М.Н. Бочкарева была открыта новая, не имеющая прежде аналогов реакция полимеризации соединений германия, содержащих фторированные фенильные группы, которая приводит к образованию полимерных соединений нового типа, получивших позднее в русском языке обозначение сверхразветвленных полимеров. Следует отметить, что полифениленгерманы (ПФГ – закрепившееся в литературе обозначение нового полимера) являются новым соединением практически по всем параметрам: по способу получения, элементному составу, молекулярному строению, физическим и химическим свойствам. Было установлено молекулярное строение полученных веществ. С точки зрения практического применения эти материалы имели хорошую перспективу. Также было установлено, что открытая реакция присуща только соединениям германия. Важно отметить высокие антифрикционные свойства нового материала, превосходящие по эффективности традиционные смазочные материалы. Работы по синтезу и исследованию свойств ПФГ и его производных опубликованы в 60 статьях, двух обзорах и вошли отдельными главами в учебники по химии полимеров. Исследования нового материала послужили толчком для развития работ по дендримерам и сверхразветвленным полимерам в нескольких университетах и институтах России.

Естественным развитием работ в области полиядерных соединений явились исследования органических производных редкоземельных элементов. Попытка синтезировать полиядерные комплексы, содержащие лантаноид, привела к получению нового класса органолантаноидов – органомеркуратных комплексов. Соединения не содержали прямой связи лантан-металл (ртуть), но их значимость заключается в том, что это были первые новые органические комплексы редкоземельных металлов, полученные в СССР. Позднее были получены и целевые производные с группировками лантаноид – олово и лантаноид – германий, лантаноид – нафталин. Высокая реакционная способность последних позволила предположить их активность в реакциях восстановления молекулярного азота без применения высокого давления и высокой температуры. Предположение нашло экспериментальное подтверждение в совместной работе с сотрудниками Института элементоорганических соединений РАН (ИНЭОС, Москва). Эти работы стали первыми примерами фиксации азота комплексами лантаноидов при нормальных условиях, что позднее нашло значительное развитие в работах профессора Эванса (Калифорнийский университет, Ирвайн). В ходе исследований реакций с азотом были выделены и идентифицированы первые нафталиновые комплексы иттербия, самария и европия. Полученные нафталиновые производные показали исключительно высокую реакционную способность и каталитическую активность, что позволило открыть большой ряд новых реакций и синтезировать соединения ранее неизвестного типа. Результаты работ этого направления докладывались практически на всех международных конференциях по лантаноидной химии. По теме опубликовано более 150 статей и обзоров в центральных международных журналах.

Значительное место в цикле работ М.Н. Бочкарева занимают исследования по низковалентным производным лантаноидов. До этих исследований были хорошо известны органические комплексы двухвалентных Yb, Sm и Eu. Кроме того, для неодама (Nd), диспрозия (Dy) и тулия (Tm) были известны неорганические йодиды состава LnI₂, существующие только в растворах некоторых органических растворителей. Предпринимались многочисленные безуспешные попытки синтеза молекулярных двухвалентных комплексов этих металлов. Первое молекулярное соединение из этой серии – дийодид тулия, соединенный с молекулами растворителя – диметоксаэтана, TmI₂(DME)₃ – удалось получить и полностью охарактеризовать М.Н. Бочкареву.

Вскоре им с учениками был разработан простой способ получения двухвалентных йодидов неодама и диспрозия, что сделало эти соединения доступными и позволило получить первые молекулярные комплексы, содержащие тетрагидрофуран, – LnI₂(THF)₅.

Обнаружена исключительно высокая восстанавливающая способность этих соединений, превосходящая даже восстанавливающий потенциал нафталиновых комплексов. Для объяснения обнаруженной гиперактивности дийодидов была предложена схема реакций, включающая стадию образования промежуточных комплексов одновалентного металла.

Высокая восстанавливающая способность дийодидов неодама и диспрозия позволила реализовать многостадийные реакции с азотом и серой, в результате которых были получены беспрецедентные трехъядерные полициклические иодид-нитрид-сульфидные кластеры, обладающие, по-видимому, ароматичностью центрального кольца. Работы по двухвалентным соединениям неодама, диспрозия и тулия вызвали большой резонанс среди специалистов и послужили толчком для развития химии низковалентных органо-лантаноидных соединений во многих в университетах США, Канады, Франции, Англии и Германии. По этой теме М.Н. Бочкаревым опубликовано несколько обзорных статей и две монографии, получившие большую популярность в мире.

Уникальные люминесцентные свойства лантаноидов (f-элементов) стали причиной интенсивных исследований эмиссионных свойств лантаноидных материалов во всем мире. Разработка новых люминофоров на основе органических комплексов редкоземельных металлов, изучение особенностей их фото- и электролюминесценции, фотовольтаических свойств в последние годы занимает центральное место в работах М.Н. Бочкарева. В руководимой им лаборатории синтезированы десятки новых эмиссионных материалов, генерирующих излучение в ультрафиолетовом (УФ), видимом и инфракрасном (ИК) диапазонах спектра. Некоторые из полученных люминофоров показали рекордную по интенсивности электролюминесценцию. В частности, такими характеристиками обладают комплексы самария. Синтезированный в 2013 году комплекс иттербия с органическими кислород- и азотсодержащими лигандами (лиганд – органическая группа, связанная с атомом металла) показал люминесценцию в ИК-области, превосходящую по интенсивности в 10 раз все известные на тот период лантаноидные ИК-люминофоры. Для объяснения обнаруженного эффекта был предложен новый механизм возбуждения комплекса. Предложенный теоретический подход позволяет целенаправленно подбирать лиганды для синтеза эффективных электролюминофоров на основе других лантаноидов.

Одним из интенсивно развивающихся в настоящее время направлений в области люминофоров для биомедицины (диагностика, визуализация при обследовании внутренних органов) является поиск материалов, обладающих свойством люминесценции с обратно-стоксовым сдвигом, так называемые ап-конверторы. До работ М.Н. Бочкарева все известные на текущий момент ап-конверторы являлись неоргани-

ческим веществами, что создает трудности при использовании их в живых организмах из-за несовместимости с биологическими тканями. М.Н. Бочкаревым и сотрудниками удалось синтезировать первое органо-лантаноидное соединение, обладающее свойством ап-конверсии только на f-f переходах в центральных атомах редкоземельных элементов без включения лигандов.

По теме фото- и электролюминесценции органолантаноидов получено пять патентов и опубликовано более 120 статей и одна монография.

В последние годы научный интерес М.Н. Бочкарева обратился к исследованию взаимодействия металлоорганических соединений с излучениями и частицами высоких энергий – рентгеновское излучение, бета, гамма, нейтроны. И в этой области удалось получить новые неожиданные и важные данные – открыта высокая радиационная устойчивость металлокомплексов и высокая эффективность их люминесценции под действием рентгеновских и катодных лучей.

Приведенный выше обзор научных достижений Михаила Николаевича показывает разноплановость его научных интересов. Важной особенностью всех проведенных им научных исследований является тщательная проработка методик получения новых соединений, исследования их свойств, а также востребованность результатов в научном сообществе и обществе в целом.

При этом работы всегда проводились на высочайшем научном и экспериментальном уровне и обязательно доводились до логического завершения в виде понимания механизмов и перспектив применения изученных реакций. Этому очень способствовал его чемпионский характер (Бочкарев был чемпионом России среди юношей по метанию копья и молота).

Аспирант И.Л. Федюшкин, профессор Г. Шуман (Технический университет Берлина) и профессор М.Н. Бочкарев. 1983 г.

Особую роль в достижении поставленных задач в профессиональной деятельности играют организаторские способности, которыми профессор М.Н. Бочкарев наделен в полной мере. За время всей трудовой деятельности под его руководством сотрудниками лаборатории и аспирантами подготовлены и успешно защищены 22 кандидатских и три докторские диссертации. Его ученики трудятся во многих университетах, институтах и промышленных фирмах в России и за рубежом. При этом высокая требователь-

ность, предъявляемая им к сотрудникам, не пугает молодежь, поскольку результат всегда налицо. Достаточно сказать, что двое из его учеников стали директорами известных в научном мире академических институтов. Это член-корреспондент РАН профессор А.А. Трифонов – директор московского Института элементоорганических соединений имени А.Н. Несмеянова и член-корреспондент РАН профессор И.Л. Федюшкин – директор нижегородского ИМХ имени Г.А. Разуваева Российской академии наук.

Особо следует отметить зарубежные связи и контакты. Многолетнее творческое сотрудничество с профессором Гербертом Шуманом (Германия) привело к реализации многих научных планов, а некоторые молодые сотрудники получили уникальную возможность пройти стажировку в ведущих университетах Германии, Англии, США. Это, безусловно, отразилось на их последующей научной карьере.

Многолетняя дружба связывала Михаила Николаевича и с директором ИМХ РАН академиком Г.А. Абакумовым, сменившим на этом посту своего учителя академика Г.А. Разуваева. На фото ниже академик Г.А. Абакумов, профессор Г. Шуман и профессор М.Н. Бочкарев на конференции в Нижнем Новгороде.

Академик Г.А. Абакумов, профессор Г. Шуман и профессор М.Н. Бочкарев на конференции в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 1995 г.

Организаторские способности являются врожденной чертой характера, поэтому в настоящее время профессор М.Н. Бочкарев является организатором и бессменным руководителем постоянно действующего научного семинара ИМХ РАН, на котором выступают с докладами практически все научные сотрудники института, а также приглашенные гости из России и зарубежья. Им организован и постоянно действующий всероссийский семинар по химии редкоземельных металлов, имеющий международный статус.

И все же главное свойство его личности – стремление к новому и колоссальная работоспособность. Он не прекращал активные научные исследования и в проблемные девяностые годы. Даже на отдыхе он не расстается с ноутбуком, на котором работает с научной литературой и пишет новые статьи. Главную цель жизни и деятельности и тогда, и сейчас он формулирует так: “Мы производим научные знания”. К этому можно добавить, что добываемая им и его сотрудниками научная информация очень качественна и всегда актуальна в научном мире.

Галина Каурова

Открытие

Счастлив тот, кто познал радость открытия.

Открытие – неожиданность, которая долго и трудно подготавливается в науке. Сначала продуманная кропотливая работа, и вдруг – отдача, вспышка, потрясение. Всегда это кажется неожиданным подарком, а ведь он выстраданный и, наверное, заслуженный.

В нашей семье к науке меня и брата подвигли родители. А может быть, в нас сидел ген исследователя. Не знаю. Но мы всегда стремились познать глубже и понять. Этот ген передался моему сыну. Это какая-то страсть. Ею страдает и Валерий Витальевич – его папа.

Вот вам и триумvirат с одной направленностью.

Защитив кандидатскую диссертацию, я была насильно отторгнута от исследовательской работы, и очень этим мучилась. А домашние обсуждения продолжались. И в этой среде формировался наш сын. Даже его первые стихи не по годам мудры.

В наших головах продолжал вариться вопрос, поставленный в моей диссертации: каким образом провести операцию при кардиоспазме наименее травматично и наиболее эффективно.

И вот неожиданное везение: на кафедре оказались ненужными белые крысы, которых просто хотели уморить хлороформом.

Когда-то я услышала от хирургов об особых “странных” свойствах сальника – такого “фартука” с жировыми включениями, огромного органа, функция которого была неизвестна. Однажды, присутствуя на операции в клинике, я увидела, что его не удаляют из раны, и услышала ответ: “Да что Вы, Галина Николаевна! С сальником заживает еще лучше!” Оказывается, об этом таинственном свойстве сальника давно знали все хирурги, но привыкли к этому и принимали как данность.

Стали искать литературу. Обратились к медицинской энциклопедии, сборникам, нашли даже диссертации, посвященные сальнику, но нигде о функции сальника – ни слова. Просто предполагали, что он существует лишь для амортизации, а объяснения его “таинственности” нигде не было.

Вот этот-то орган мы и решили использовать для полноценности и скорости заживления дефекта мышц. Операции проводили на двух конечностях каждой крысы, одна конечность – опыт, другая конечность – контроль. Всего 120 операций. Оперирую я, ассистирует сын Ярослав.

На контрольной конечности проводили операцию по наиболее эффективной методике регенерации мышц к тому времени – методике Студитского: измельчение (как и всякая травма) способствует усилению регенерации, и на тот момент это был лучший способ ее стимуляции. Поэтому в дефект контрольной конечности мы вкладывали измельченные мышцы, а в опытную – измельченные мышцы, перемешанные с измельченным сальником.

Животных мы прооперировали, но на лето их должны были уничтожить. Вот и пришлось в воскресенье, в тайне от сотрудников кафедры, отвезти их домой (спасибо таксисту, что согласился везти такой груз) и содержать в клетках в саду.

Наши белые крыски были явно удивлены и смущены: вместо грязного, вонючего вивария – кругом зелень и солнце. Они оживленно и радостно сверкают красными глазами сквозь решетки клеток. Но – о ужас! – соседские кошки. Узнав про сладкие живые закуски, они толпами кружат вокруг клеток. Но наши подопечные защищены

стальными решетками и постепенно привыкают смотреть на хищников равнодушно. Снова в саду тишь и благодать, и кошки ходят на экскурсии просто ради любопытства.

В лабораторных животных проявляется какая-то особая сторона взаимоотношений человека и животных. Если к ним относятся с уважением, сытно кормят и по доброму общаются, они отвечают преданностью и любовью. Вообще наши животные всем на кафедре мешали, их даже однажды попытались отравить. Поэтому тайный вывоз животных к нам домой был единственным выходом.

На кафедре планово велась научная работа – одни и те же опыты повторялись по многу раз, по всем правилам и стандартным меркам писались диссертации, одно слово – конвейер. Темы диссертаций “высасывались из пальца”, они не были нужны ни науке, ни медицине. Работы защищались, и зарплата прибавлялась. На место защитившихся приходили новые соискатели. И не дай Боже сойти с этой дорожки!

После окончания нашего опыта мы сделали гистологические препараты. Было лето, яркое, солнечное, жара. В садовой беседке поставили на стол микроскоп, получилась лаборатория. И вдруг потрясение. В окуляре микроскопа мы увидели совершенно новые, незнакомые нам клетки, водянистые, прозрачные, скользящие, которые потоками устремлялись к ране и заполняли всё операционное пространство. Светлые прозрачные клетки, прижимаясь друг к другу и извиваясь, скользили к ране. Это у опытных животных, а у контрольных – обычное заживление: воспаление и формирование соединительной ткани, рубца. Это значило, что устранялись все дефекты предложенных не нами ранее операций.

На нашей кафедре изучали регенерацию печени, и только печени, все методики были отработаны. А тема регенерации на самом деле более широкая и нужная людям. Когда-то эту проблему начала талантливо разрабатывать М. Воронцова, но ее ученики растащили тему на “куски”, стали плодить диссертантов, движимые уже не жаждой познания, а узкими, местническими интересами. Как звезды, среди них блистали такие ученые, как Лев Владимирович Полежаев (1910 – 2000). Но они не вписывались в общий вал узких интересов “деятелей от науки”.

На одной из научных конференций мы познакомились с Полежаевым. Человек широчайших научных интересов, он во всем был первопроходцем. Только в XXI столетии были оценены его работы по регенерации, и все они получили продолжение. Ходили рассказы о феноменальной памяти Полежаева. Он мог, стоя рядом с проезжающим поездом, запомнить многозначные цифры, написанные на вагонах, и потом верно воспроизвести их. У него были глаза Христа: трепетные, чуткие, смотрящие тебе в душу. Он как бы извинялся перед миром за недостатки человечества и страдал от этого.

В науке легче всего идти во втором эшелоне. Открытие уже признано, за него не надо бороться, но оно еще в новинку. Именно этим научным деятелям достается слава первооткрывателей и материальные блага при жизни. Настоящих первооткрывателей либо игнорируют, либо уничтожают. Признают их только после смерти.

Полежаев был первооткрывателем. Он был единственным, кто мог бы беспристрастно оценить результаты наших исследований. Но лето, а с ним и отпуск кончались. Ехать к Полежаеву в Москву было поздно. Пришлось ждать зимних каникул...

И вот, я и Ярослав в поезде. За окном темнеет занесенный снегом лес. Редкие полустанки, постукивание колес усыпляет. Мы возем гистологические препараты. Пусть их оценит человек, не связанный по рукам и ногам интригами, большой ученый, способный без зависти оценить чужое открытие.

А за это время Полежаева уже разоблачили как псевдоученого. Разгромная статья в “Правде” и увольнение с работы. Ученый замахнулся на “святая святых”, утверждая, что могут восстанавливаться даже нервные клетки. Это теперь его работы полу-

чили признание, и только домохозяйки по-прежнему думают, что нервные клетки не восстанавливаются.

Найти Полежаева в Москве оказалось трудно. Его кабинетом стала крошечная комнатка под лестницей, куда постоянно сыпалась грязь и пыль с обуви идущих по лестнице людей. В этой комнатке без окна, с единственным столом, согнувшись над самым обычным микроскопом, работал великий русский ученый Лев Владимирович Полежаев. Встречая нас, он встал, обозначив свой высокий рост и худобу, изящно поклонился, а мне поцеловал руку. Элегантный и как-то по-старинному вежливый, Лев Владимирович смутился, засуетился, извиняясь, не зная, куда нас посадить (в комнатке помещался только один стул)...

Все было завалено каким-то хламом.

Он несколько не удивился нашему приезду. Я познакомила его с сыном, мы объяснили суть опыта, и он сразу, “с места в карьер”, стал смотреть привезенные нами препараты (результаты наших опытов).

Полежаев был счастлив, глаза его блестели, а руки даже дрожали. Его тоже поразило наше открытие.

Роль сальника в регенерации, как источника стволовых клеток, до нас была не известна никому в истории человечества.

А оказывается, это “покрывало”, этот кусок ткани, пропитанный жировыми клетками, сальник – наша молодость, наша жизнь, ее продление. До нас считали, что это просто амортизатор. Видимо, нет в организме ничего случайного и ненужного, а есть нераскрытое.

Это сейчас по всем телеканалам рассказывают о стволовых клетках были и небылицы.

Признание нашей работы Полежаевым было нам необходимо не для бумажного отчета. Оно давало нам уверенность в себе и силы работать дальше.

Почему-то считалось, что на нашей кафедре не может быть не только изобретений, но даже рацпредложений. Ничего нового, полный запрет, шаг вправо, шаг влево – расстрел. Поэтому слова Полежаева звучали для нас как бравурная музыка. Для всех на кафедре наша поездка так и осталась тайной. Там царило обычное занудство. Приходилось чаще опускать глаза, ведь они таили счастье победы.

И тут неожиданное везение – от института требуют изобретения, и с нашей кафедры тоже. Все в ужасе, привыкли отчитываться количеством истребленных животных, “вошедших в опыт”, и количеством гистологических препаратов, сделанных лаборантами. Срочно необходимо изобретение, и я решаюсь подать его. Взрыв негодования, зависти, ненависти. Как посмела? Как просмотрели? Кто просмотрел? Не пушать! Запретить! А уже поздно, оно сделано, и начальство заинтересовано в нем...

Меня вызывают в кабинет к заведующему кафедрой, и он при всех брызжет слюной и топает ногами. Потом, обессиленный, садится на диван. Куда деваться? Ведь это первое изобретение, сделанное на кафедре...

И снова Москва, теперь оформление изобретения.

Бережковская набережная. Комитет по открытиям и изобретениям. Холодок под сердцем, страшно, но я держусь. Какие-то две строгие женщины внимательно выслушивают меня и приходят к выводу, что это не изобретение, а открытие. Ну, уж этого-то я себе позволить никак не могу. Меня просто съедят не кафедрой, а всем институтом и, самое главное, прогонят, а без работы я в жизни уже была. На моем попечении – большая мама и сын.

А ведь на самом деле это открытие, и какое!

Это понимаем полностью лишь мы сами.

После утверждения изобретения отношение на кафедре ко мне еще хуже. Велено оставить эту тему и начинать, как все, истреблять лабораторных крыс и делать гистологические препараты. Препараты делать самой, не поручать лаборантам. Предоставлена узкая ниша – только регенерация печени, создание патологии только четыреххлористым углеродом CCl_4 и лечение удалением (резекцией) участка печени.

После работы долго хожу в институт профзаболеваний в поисках вещества, тоже вызывающего патологию печени, но с которым чаще работают на производстве и чаще отравляются. И вот оно найдено – дихлорэтан. Мне привозит его из Дзержинска мой студент. Тяжелая, неизученная патология, профзаболевание. На гистологических препаратах видно, что печень просто разрывается изнутри, кровоточит, и это же происходит у людей!

Шеф смотрит препараты и очень доволен. Вот он утрет нос всем, кто продолжает работать и плодить диссертации в других институтах с CCl_4 . Но две очень любящие друг друга сотрудницы “зеленеют” – и на следующий день все мои животные (и опытные, и контрольные, которым патология не воспроизводилась) мертвы.

С триумфом приносит их трупы из вивария лаборантка, она явно ждет подношения спиртом, который очень любит. Я понимаю, что кислород мне перекрыт. Беру и ставлю банку с дихлорэтаном на стол предполагаемой заказчице этих убийств Валерии Валентиновне Садистковой. Она спокойно начинает травить крыс дихлорэтаном.

Но в который раз судьба мстит за меня. У нее почему-то патология не воспроизводится.

А я пошла на кафедру судебной медицины, рассказала все как есть и получила ответ: “Это настоящее уголовное преступление”. Конечно, я простила Леру и не показала ей виду.

И снова поиск. На этот раз поиск стимулятора регенерации. Домашние обсуждения. И Ярослав предлагает физические воздействия малой силы. Выбирает малый постоянный электрический ток (МПЭТ). Опять работа с литературой, обсуждения, создание приборов, многочисленные опыты и успех.

* * *

Перестройку мы просто не заметили. Мы привыкли жить очень экономно, просто, жить радостью творчества, и нам как-то всего хватало и в это время.

Новые опыты вышли за пределы кафедры. Ярослав приходил на другие кафедры института и сельскохозяйственные фермы и просил разрешения поработать. И был счастлив. Пока другие студенты в каникулы грелись на курортах, он работал в полную силу, а работать бесплатно для нашей семьи было уже не в новинку.

Сотрудникам медицинского института в эти годы было не до науки, и конечно, их удивлял студент, просивший разрешения поработать. А поработал он на кафедрах кожных заболеваний, онкологии, хирургии, микробиологии, биологии и даже истории медицины. Начал с кафедры биологии.

Решили воздействовать малым постоянным электрическим током, начали с очень малой величины – микроампер. Эти токи не чувствительны для человека.

Патологию вызывали CCl_4 и вдыханием паров формалина.

С формалином во время учебного процесса работали на многих кафедрах, и подопытными, по сути, являлись сами сотрудники. Формалин уносил их здоровье и энергию.

А мы изучали действие МПЭТ на патологически измененную печень.

МПЭТ – это очень малые токи, настолько ничтожные, что не ощутимы органами чувств человека. Поэтому они не входили в расчет при изучении действия постоянного тока на человека в работах предыдущих авторов.

Но неожиданно эти токи оказались очень сильнодействующими, и действующими положительно. А ведь именно они продуцируются в организме.

Пока все на кафедре изучали действие на нормальную и патологически измененную печень резекции и исчисляли эффект увеличения количества митозов в тысячных долях процента, полученный нами эффект от применения МПЭТ был в **13 раз** выше, чем в контроле.

В поле зрения микроскопа митозов оказалось невероятно много.

Митоз – это способ деления соматической клетки, показатель здоровья и жизнеспособности клетки, а следовательно, и органа, и организма.

Но получить потрясающий результат опять оказалось легче, чем его отдать людям.

Как потом оказалось, открытие – это не только открытие объективных законов природы, существующих вне зависимости от человека, просто ранее ему не известных, но это и открытие человеческих отношений, открытие людей, снятие с них “паранджи”.

Пока ты работаешь, окружающие не видят твоей работы. Но, как только появляется успех, выявляется истинное лицо окружающих, и часто нелюбезное. Я не представляла, что успех, не сулящий материальных благ, может навлечь на тебя столько неприятностей и дать понять, кто есть кто. Нам приходилось при наличии лабораторий, обслуживающего персонала работать, скрывая свои усилия, чтобы не навлечь на себя тягчайшей зависти.

Действие МПЭТ проверялось на многих животных и растительных объектах. Как сыну хватило сил, просто не знаю. Но ему удалось проверить действие МПЭТ по восходящей: сначала на растениях (водоросли, лук, микробиологические объекты), потом на животных – лабораторные крысы, нутрии, телята. И везде потрясающий эффект.

Лето. Все студенты отдыхают, а он учится у альголога из университета делать сачок для ловли одноклеточных водорослей (альгология – наука о водорослях). На них также был доказан необыкновенный эффект действия малого постоянного электрического тока.

Перестроечный период оказался для нас очень благотворным. Все заняты своими личными делами, стремлением хоть как-нибудь наполнить свои желудки и кошельки. Лаборатории пустуют, но вся аппаратура еще в наличии. Реактивов много, и они не контролируются, а отчеты по-прежнему подавать надо. Вот этим счастливым периодом и воспользовался Ярослав. Он приходил на разные кафедры со своими приборами и просил дать возможность поработать. И его пускали, совсем не вникая в суть дела. К его услугам кафедры медакадемии, университета и института микробиологии, и фермы по разведению сельскохозяйственных животных, и даже клиники. Успех неизменен.

В этот период мы невероятно счастливы. Получив разрешение поработать на линдовской ферме, Ярослав каждое утро на электричке едет до станции Линда, а после идет пешком 12 км до фермы, где выращивают телят.

Я была там только один раз, меня подбросили на грузовой машине, пешком бы я не дошла.

Крепкое строение, в клетях – телята, к ним подсоединены проводки от прибора, подающего МПЭТ. Нежные животные тянутся к человеку, подставляя мокрые мягкие носики, а на соломе, закинув ногу за ногу, вальяжно развалился мой счастливый сын. И все ему нипочем.

Лето, погода прекрасная. Он мурлычет какую-то свою мелодию. Телят надо было каждый день взвешивать, а это значит таскать по 40–50 кг на весы и обратно в ясли. Но успех – это везде счастье. А когда солнце садится, опять та же “пушистая”, пыльная дорога и песня. И рождаются стихи – слава Линде. Позднее из них образуется целый сборник.

В это же время мы с мужем Валерием Витальевичем неудачно пытались изучать воздействие МПЭТ на кур на Линдовской птицефабрике. Мы тоже каждый день ездили на Линду с приборами, но куры слишком подвижны и строптивы. Они, заранее чувствуя, что мы идем, поднимали такой гвалт, предупреждая всех, что идут странные лю-

ди. Мы пытались привязать их, но они запутывались в проводах, возмущались и не хотели работать на науку. Пришлось бросить. Сотрудники относились к нам со странным уважением и удивлением, а может быть, с сочувствием.

Одно лето мы с Ярославом изучали действие МПЭТ тока на нутрий в Затонском лесхозе. Дома они с отцом сколотили огромные клетки с решетчатым полом. С ними мы на пароходе отплыли в затон. Там нас разместили в какой-то захолустной гостинице. Две узкие кровати в скучной побеленной комнате без окна. Чайник, поломанный стол, два стула, еда в каком-то ларьке. Но мы не чувствовали неудобств.

С утра – на работу. Ярослав работает, я наблюдаю. Нутрии – животные достаточно тяжелые и кусачие, со странными толстыми хвостами, незаметно переходящими в тело. Каждую в конце дня надо было взвешивать. Они, конечно, были недовольны и норовили укусить, выскользнуть. Привета от них никакого. Так, будущие шубы.

С работниками мы как-то сдружились, сроднились. Они удивлялись нашему терпению и упорству и не понимали, зачем мы так мучаемся.

Но постепенно складывалась общая картина значения МПЭТ в природе в процессе эволюции на разных уровнях организации.

Самый блестящий и, как всегда, тяжкий успех ждал Ярослава в Институте микробиологии. Договориться, чтобы пустили там поработать, не составило труда. Там работала моя институтская подружка Наташа Тамойкина. Она предоставила Ярославу стол и достала пробирки с культурами тканей различного происхождения. Интенсивный рост клеток в культуре (на питательной среде) под действием МПЭТ превзошел все ожидания. Подсчет, казалось бы, можно было и не проводить. Клеток было столько, что покровные стекла на препаратах просто приподнимались, а клетки громоздились друг на друга в поисках пространства. Мы уже разбирались в оформлении изобретений, и нам ничего не стоило написать протокол опыта. Но его нужно было после просмотра препаратов подписать, и подписывать надо было не моей знакомой, а ее начальнице – лаборантке с нежной фамилией Голубец. Вот тут-то и началось! Она посмотрела препараты, удивилась, не поверила своим глазам и захотела стать автором изобретения. Она даже не знала, как, чем, в каких параметрах Ярослав воздействовал на культуру клеток, но жадность и зависть вспыхнули в ней с невероятной силой. Чемоданчик с таинственным прибором пленил ее. Она все-таки подписала акт испытаний, но приписала, что полученные данные могут быть использованы только на студенческой конференции. Прекрасный отзыв на работу дал Л.В. Полежаев и рекомендовал подать заявку на изобретение. Но скандал уже разросся, Голубец не поленилась сходить в наш патентный отдел, и Ярославу “перекрыли кислород”.

Вступилась за него академик Ирина Николаевна Блохина, директор института. Ярославу дали возможность официально поработать в Институте микробиологии под руководством Новикова. Но культура ткани была уже иная. Если в первых опытах это были нормальные клетки, то в этот раз он пытался вырастить клетки раковые. И результаты получились неожиданными и изумительными. Те же параметры МПЭТ, которые стимулировали рост нормальных клеток в культуре, полностью уничтожали раковые клетки. А гибридомы (клетки, несущие и те и другие свойства) просто никак не реагировали на эти параметры тока. Пожалуй, это самый сказочный результат работы Ярослава. “Просите, и дано будет вам”.

Подать изобретение Голубец ему все-таки помешала, но не смогла перекрыть путь к открытию. Академик Блохина дала Ярославу, еще студенту, возможность напечатать две статьи в настоящих научных сборниках. И приоритет навсегда остался за нами.

Заседание кафедры проходит в кабинете заведующего кафедрой Солопова. Протокол пишет Бобылёва. Она счастлива. Мне велят встать, и начинается суд. Меня судят

за несоветское направление воспитания сына. Я стою, меня поносят, а я счастлива. Мой сын нашел средство лечения рака! Это же мировое открытие. Я действительно горда в первый раз в жизни. Я молчу в ответ на окрики и ликую про себя. Сотрудники опускают глаза, я вижу их сочувствие. Но все молча поднимают руки, голосуют за осуждение меня. Хорошо бы найти этот протокол.

А ведь было-то на кафедре только две молодые паршивые “овцы”, которые ненавидели друг друга и объединялись лишь против кого-нибудь. Они стремились к власти и, в конце концов, грызлись друг с другом. Одна была Нэля Александровна Бобылёба, другая Валерия Валентиновна Садисткова. В конце концов Бобылёба загрызла Садисткову, которая обессилела в этой драке и ушла на “заслуженный отдых”. А третья старая “овца” Нина Васильевна Елисеева когда-то предала великого генетика Четверикова, а потом всю жизнь рассказывала студентам, что была его ученицей. И все это наиболее простым древним подлым женским способом (оружием). А другие были обычными порядочными людьми, но тон задавали “передовики”.

* * *

Результаты наших исследований были настолько интересны, что необходима была новая поездка в Москву.

Теперь нас поддержал Московский государственный университет.

Пока Ярослав вел переговоры, я ходила по магазинам.

Вернулась усталая, жду сына в вестибюле. Слышу разговор:

– Откуда этот гений?

– Откуда-то из провинции.

– Вот это работа!

Наконец приходит какой-то смущенный Ярослав.

– Ну, как?

– Да меня пригласили на работу.

– Но ты сказал, что пока еще студент?

– Ответили, что раз так, то когда закончишь...

Г.Н. Каурова с сыном Ярославом

У нас накопился огромный материал по влиянию малых постоянных электрических токов на различные уровни организации живого. Ярослав успел поработать в Горьковском научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии, в Нижегородском университете на кафедре низших растений, на ферме по разведению нутрий в Затонском лесхозе, на многих кафедрах Нижегородского мединститута (кожных заболеваний, онкологии, нервных болезней, терапии, биологии, хирургии).

Однажды к нему пришел сокурсник. Они запретили мне входить в комнату. Я слышала только смех, видела, как они принесли в комнату созданные сыном приборы. Под присмотром приятеля Ярослав испытывал действие электропроцедур на себе.

В то время любое воздействие электричеством на сердце, да еще через сосудистую систему, было запрещено. И хотя подаваемые токи были ничтожно малы, все же риск оставался. Ярослав же придумал, как вводить нужные ионы, при их недостатке, прямо в сердечную мышцу, в клетки сердца. И не мог, по моральным соображениям, идти в клинику, не испытав метод на себе. Только после этого он мог позволить себе применить в клинике прибор, дающий МПЭТ.

На кафедре нервных болезней, зная результаты его экспериментов, заведующий кафедрой попросил применить наш метод.

Женщина перенесла тяжелейшую операцию на головном мозге. Двигательные рефлексы вернулись, но осталась полная слепота. После проведенных процедур она воскликнула: “Доктор, я вижу Вас, Вы в белом халате”, – это вполне могло быть плодом ее воображения. Но уже через неделю он пришел домой невероятно счастливый: “Мама, она видит!” Женщина была счастлива, просто не знала, как его отблагодарить. Но он уже тогда твердо поставил себе барьер – никогда ничего не брать с больных. А она настаивала, просила разрешить привезти жареного “молочного поросенка”. Ведь была перестройка, я могла на свою зарплату купить лишь пачку сливочного масла. Он отказался, и я поддержала его. Но через несколько дней – звонок в дверь. Слава выглядывает в окно. У двери стоит его больная со свертком. Он отскочил от окна: “Мама, не открывай, это она!” Так мы в голодные годы и не попробовали редкого лакомства.

Но не все больные были так благодарны. Следующий больной, юноша, которому Ярослав тоже вернул свет жизни, отблагодарил его по-другому. У Ярослава была коллекция старинных монет, среди них были и серебряные. Их он использовал как электроды, соприкасающиеся с кожей больного. Когда юноша прозрел и увидел эти монеты, он их просто-напросто украл. Это Ярослава не расстроило, а скорее позабавило. Эффект достигнут!

Великолепный результат дали электропроцедуры в клинике и при лечении заболеваний печени. У больных проходили боли, проходила желтизна кожи, нормализовались биохимические показатели. Было вылечено много больных. На этом этапе очень помогла Ярославу профессор Антонина Федоровна Учугина. Видя великолепные результаты нового метода лечения, она предложила ему оформить работу как диссертацию, а метод как изобретение, хотя он был еще студентом. Великолепный клиницист, подтянутая, очень красивая женщина, Антонина Федоровна была любима больными и относилась к ним как к детям – строго и с любовью. Так же она отнеслась и к Ярославу. Антонина Федоровна поговорила с заведующим кафедрой хирургии, разместившейся в седьмой хирургической больнице, Владимиром Ивановичем Кукошем, и они совместно решили поговорить с моим шефом, так как тот занимался именно лечением печени в эксперименте (явно с меньшим успехом).

И вот наступил день, когда они должны приехать на кафедру. Я очень волнуюсь, постоянно выхожу из класса, стою в коридоре у окна напротив двери в кабинет шефа.

Об их приходе под большим секретом говорю лишь Садистковой. Идут по коридору торжественно, решительно. Входят в кабинет с вежливого приглашения. Дверь закрывается, и, к сожалению, разговора не слышно. Я, вся взволнованная, напряженная, стою у окна. Слышны лишь звуки, тон разговора, слова не слышны. Сначала светский, мирный разговор, потом на повышенных тонах и, наконец, визг шефа. Учугина и Кукош, красные и потные, просто выскакивают из кабинета и почти убегают с нашей кафедры. Шеф открывает дверь в коридор и визгливо кричит им вслед. Садисткова явно счастлива. Так закончилась эта попытка лечить людей. Спустя некоторое время Ярослав задал Кукошу вопрос: “Ну как же так, ведь больные излечивались?” В ответ прозвучало: “Ну так и что?”

А на работе под моим столом в ассистентской был посажен репчатый лук. В полутемном пространстве удивительно зеленел лук, подключенный к МПЭТ, и только-только наклеывался контрольный. В ассистентскую приходили сотрудники других кафедр, дивились, просили отщипнуть перышко.

* * *

В начале XXI века в прессе, по радио, на телевидении начали пропагандировать стволовые клетки. Почти каждый человек в стране о них что-либо слышал, верил или не верил, но с интересом и надеждой прислушивался. Видано ли, чтобы эти клетки возвращали людям здоровье и молодость. К проблеме в погоне за сенсацией примазалось много шарлатанов. Предлагались (и предлагаются) кремы со стволовыми клетками, возвращающие молодость (как в креме могут присутствовать живые клетки?). За это особенно уцепились дряхлеющие женщины, нажившие славу и богатство, но потерявшие молодость.

Но в 1982 г. мы уже предложили метод использования стволовых клеток именно жировой ткани. Однако наше решение проблемы “не замечали”. Оно не давало прибыли. А ведь именно оно решало все нерешенные проблемы со стволовыми клетками.

Самое страшное состояло (и состоит!!!) в том, что для получения стволовых клеток предлагалось использовать эмбриональный материал человека. Именно в эмбрионе содержится огромное количество стволовых клеток, и они могут преобразовываться в любые клетки любых человеческих органов. У человечества просто “сорвало крышу”, ведь это значит, что можно, пусть за огромные деньги, пусть путем страшного преступления, купить жизнь и молодость. По закону в нашей стране это запрещено. Но чем труднее путь, тем он дороже стоит. И потекли страшные слухи об убиении младенцев. Может быть, на какое-то время молодость и возвращалась, но старость снова настигала человека, так как использовались стволовые клетки чужого организма, а с ними борется наш иммунитет, не разбирая, что это: микробы, бактерии или, в данном случае, чужеродный белок. Процедуры необходимо повторять и повторять. Несоблюдение заповедей “не укради” и “не убий” встало на пути этих постоянно молодящихся, растолстевших, срезающих лишний жир людей.

Наконец нервы у нас не выдержали, и вот через 25 лет, когда все наши утверждения были подтверждены, мы заявили об открытии, сделанном нами еще в 1982 г. Если бы мы сделали это раньше, сначала нам никто бы не поверил и промолчал, потом все хором стали бы опровергать, и нас также бы “разоблачили”, как в свое время Полежаева. Но время было уже другое. Решено было, что я пойду к ректору медакадемии Борису Евгеньевичу Шахову.

Очень волнуюсь. А ведь он мой бывший ученик. Помню, спокойный, внимательный, какой-то отзывчивый. Он из династии врачей. Именно его отец – профессор-уролог – спас меня от ужасной боли (почечной колики), когда шли камни. Я почти бе-

гала от боли по коридору больницы, ничего не видя и не замечая. Вдруг меня пригласили в кабинет профессора. Помогли лечь на стол, и он сделал мне паранефральную блокаду. Сейчас это почти разучились делать. Боль, не проходившая ни от каких процедур и лекарств, моментально прошла совсем. Я вновь почувствовала мир. А он, мой спаситель, исчез, как ангел.

Спокойный, рассудительный доброжелательный человек, Борис Евгеньевич внимательно выслушал меня, вник в проблему и сказал, что институт сделает всё, чтобы открытие было утверждено: “Мы будем бороться за Вас. Ведь мы отстаивали приоритет Н.П. Синицина в пересадке сердец (к сожалению, это произошло только после его смерти)”.

Взявшись за это трудное дело – доказать порой строптивым и непоколебимым в своем мнении ученым как абсолютную новизну, так и объективность нашего открытия, Борис Евгеньевич собрал у себя в кабинете совещание. Пригласил заведующую ЦНИЛ, председателя проблемной комиссии института по патофизиологии, заведующую патентным отделом. Мы пришли вместе с Ярославом. Докладывала работу я. Волновалась очень. Слушали внимательно, но как-то недоверчиво. Я считала, что мы уже прошли этап понимания нового “этого не может быть”:

– Если всё так просто и ясно, как вы излагаете, то почему до этого не додумались другие? Почему никогда в истории медицины не определялась роль сальника как органа регенерации?

Ну как объяснить, если это непреложная истина. Всё новое когда-то выявляется впервые.

В воздухе висит напряженность, под ложечкой у меня холодеет. Но у меня два верных защитника – Ярослав и Борис Евгеньевич, спокойный и доброжелательный. Приходится шаг за шагом отстаивать тезисы работы, это уже не очень сложно, за 25 лет разные ученые всё проверили и утверждают то же, что и мы ранее. Но следует вопрос: “Так в чем же тогда новизна работы, если это уже всем известно?”

К нашему счастью, никто до сих пор не сложил эти данные вместе, не сопоставил и не “обнаружил”, что сальник – это орган регенерации, то есть не выявил функцию сальника. По существу работа признается, и начинаются технические мытарства.

Борис Евгеньевич помог нам подготовить все документы и отдал их нам в полностью оформленном виде. Оставалось только отправить их в Москву. И тут мы столкнулись с неожиданным препятствием. В патентном отделе от обыкновенной зависти продвижение документов затянулось на год. В конце концов нам пришлось отправлять документы самим. К нашему счастью, в Москве открытие очень быстро утвердили и торжественно выдали нам дипломы.

Тому, кто хочет проникнуть в суть нашей работы, мы предлагаем прочесть несколько следующих абзацев. Они, быть может, сложноваты для понимания, но без них не будет той точности определений, которая, собственно, и характерна для научных работ.

Стволовые клетки представляют собой те клеточные элементы, которые могут превращаться в любую ткань и формировать любой орган. Некоторое время стволовыми назывались только клетки – предшественники различных клеток крови. Позднее значение этого термина было расширено, и стволовыми стали называть все недифференцированные клетки, которые способны превращаться в клетки любой ткани организма.

В 1982 году мы выдвинули гипотезу основной функции сальника – стимуляции регенерационных процессов, и обосновали ее экспериментально. К тому времени было известно, что стволовые клетки существуют, но не был известен основной их источник

в организме взрослого человека. Мы установили, что в сальнике есть все условия для образования стволовых клеток, и их наивысшая концентрация в организме именно в сальнике. Сейчас это подтверждено многими учеными и врачами. Иными словами, в 1982 году мы раскрыли основную функцию сальника, до того времени не известную и даже “таинственную”. Бум применения стволовых клеток в медицине для усиления процессов регенерации начался лишь в нашем веке, но до сих пор в медицинской практике и экспериментальной биологии используют чужие (донорские) стволовые клетки. Их предварительно выделяют из возрастной их среды, помещают в искусственно созданную и там культивируют.

Лишь в 2007 году Международная академия авторов научных открытий и изобретений на основании результатов научной экспертизы заявки на научную гипотезу № А-436 от 6 марта 2007 года зарегистрировала научную гипотезу “О свойстве сальника организма человека и животных стимулировать регенерационные процессы” и выдала авторам Ярославу Валерьевичу Каурову и Галине Николаевне Кауровой свидетельство № 24-Н.

То, что нам удалось официально оформить открытие, посвященное стволовым клеткам жировой ткани, было плодом невероятных усилий, сражений, везения и неопределимой помощи многих честных и хороших людей. Нужно понимать, что означает в науке термин “открытие”. За 70 лет существования Горьковского медицинского института в нем было зарегистрировано семь открытий. В институте Ярослава открытие есть только у него. Сейчас, получив всероссийское и мировое признание, мы с удовольствием смотрим на пройденный нами путь. А ведь закончиться все могло и по-другому.

Итак, в результате многолетней работы:

1. Найден основной источник стволовых клеток в организме человека и млекопитающих – сальник, обладающий колоссальным запасом энергии.

2. Найден также новый источник энергии для организма – малый постоянный электрический ток, подаваемый нами извне, параметры которого равны параметрам токов, создаваемых организмом.

3. Найден механизм действия и точки приложения этих источников энергии в организме, которые во многом схожи:

– оба источника, как внутренний – жировой запас сальника, так и внешний – малый постоянный электрический ток, обладают колоссальной энергией, реализующейся с наименьшими потерями;

– оба источника обладают бактерицидными свойствами;

– схожа ответная реакция – возрастание количества двуядерных клеток.

4. Установлено, что одни и те же параметры малого постоянного электрического тока способствуют регенерации паренхиматозных клеток, стимулируют резкое увеличение числа здоровых нормальных стволовых клеток в культуре, но не действуют на гибридомы и уничтожают клетки миеломы в культуре.

5. Созданы предпосылки возможности создания полноценных органов человека из стволовых клеток собственного сальника, выращиваемых в организме животных, с использованием найденных нами новых источников энергии.

Об авторах

Анатолий Александрович Абрашкин – докт. физ.-мат. наук, профессор кафедры математики НИУ–ВШЭ (Нижний Новгород). Автор книг по древнейшей истории русского народа, исследования “Тайнопись в романе “Мастер и Маргарита” (в соавторстве с Г.В. Макаровой) и трех сборников стихов. Печатался в журналах “Молодая гвардия”, “Наш современник”, газете “Литературная Россия” и др. Член Союза писателей России.

Виктор Степанович Блинов родился 19 сентября 1965 года в деревне Огибное (Семеновский район Нижегородской области). Закончил Горьковский сельскохозяйственный институт по специальности “Инженер-механик”. Работал в колхозе “Путь к коммунизму”. Живет в родной деревне. Увлечение – быт и история старообрядцев.

Анатолий Сергеевич Петряшин. В 1982–1999 и 2004–2014 годах главный архитектор Арзамаса. Руководитель и разработчик пяти генеральных планов микрорайонов, генплана города, проекта возрождения и благоустройства реки Тёша. Создатель и директор Арзамасской реставрационной мастерской (1985), творческого производственного кооператива “Этюд” (1988). С 1991 года – преподаватель Арзамасского педагогического института, кандидат исторических наук (2000). Автор 19 научных работ, а также книг “Арзамасские купола” и “Черный день” (о взрыве в Арзамасе в 1988 г.).

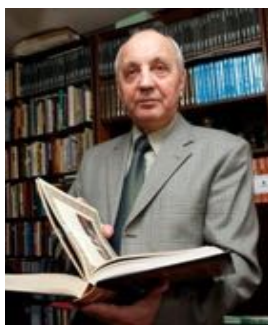

Алексей Владимирович Малышев родился 25 февраля 1971 года в селе Саконы (Ардатовский район Горьковской области). Учился в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете, строитель, в свободное время – исследователь прошлого родного края. В круг увлечений входят история, ономастика, культура и фольклор народов Среднего Поволжья. Автор научно-популярных книг и научных статей по истории Нижегородского Поволжья, лауреат премии имени П. Еремеева в номинации “Краеведение” (2019).

Михаил Павлович Чижов – действительный государственный советник Нижегородской области I класса, инженер-электрохимик. Член Союза писателей России. Автор сборников прозы и публицистики. Биографическое исследование “Константин Леонтьев” отмечено Международном Славянском литературном форуме “Золотой Витязь” 2016 года и вошло в шорт-лист Бунинской премии. Дважды лауреат премии “Болдинская осень”, неоднократный обладатель премии Нижнего Новгорода.

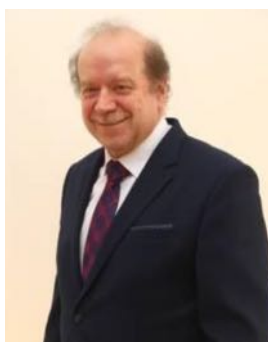
E-mail: mihailchizhov@mail.ru. Личный сайт: www.mihailchizhov.ru.

Евгений Иванович Галкин родился 10 апреля 1947 года в деревне Малахово (Гагинский район Нижегородской области), с 1962 года живет в Горьком. Окончил ВЮЗИ (факультет советского строительства) и четыре курса ГГУ (историко-филологический факультет). Занимался юридической практикой. Известный пушкинист. Автор 11 книг и более сотни публикаций в газетах, журналах и коллективных сборниках. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Сергей Васильевич Скатов родился в Горьком. Закончил истфил и финансовый факультет ННГУ. Работал журналистом (“Ленинская смена”, “Горьковская правда” и др.). Соучредитель еженедельника “Биржа” и газеты “Дело”, один из организаторов “Народного Собора” (Москва). Член Союза журналистов России (1987). Лауреат премий им. Н.Н. Страхова (2006), Русской православной церкви (2007), Международного фестиваля “За жизнь” (2010). Академик Славянской академии наук (2015). Исполнитель собственных песен, лауреат Всероссийских фестивалей. Удостоен медали им. академика Б.А. Рыбакова и др.

Владимир Иванович Ерофеев – 1959 года рождения, доктор физико-математических наук, профессор, директор Института проблем машиностроения РАН (Нижний Новгород). Автор монографий, научных статей, изобретений в области нелинейной механики и физической акустики. Опубликовал книгу “Толстой-Американец”, повести “Иван да Марья. Семейные предания”, цикл рассказов “Третий путь”.

Сергей Иванович Герасимов – 1962 года рождения, доктор физико-математических наук, профессор, начальник отдела Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (Саров). Автор монографий, научных статей и изобретений в области механики, оптико-физических методов регистрации и измерений. Многолетний автор местных периодических изданий (“Городской курьер”, “Новый город”).

Михаил Александрович Лопатин – 1950 года рождения. Окончил ГГУ. Защитил кандидатскую диссертацию по специальности “Физическая химия” (1982). С 1978 года работал в Институте химии Академии наук СССР, с 1989 года по настоящее время – в Институте металлоорганической химии имени Г.А. Разуваева. Автор 115 статей и 4 патентов.

Ярослав Валерьевич Кауров родился 7 июня 1964 года. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом “скорой помощи”, на кафедрах патологической анатомии и токсикологии. Доктор медицинских наук. Автор 32 изобретений, двух монографий и одного открытия. Член Союза писателей России, Международного Литературного фонда. Один из создателей “Театра поэтов”. Шеф-редактор журнала “Холм поэтов”. Автор 13 стихотворных сборников, печатался в журналах “Наш современник”, “Москва”, “Юность”, “Молодая гвардия” и множестве других изданий. E-mail: Jaroslav-kaurov@yandex.ru.

Галина Николаевна Каурова – преподаватель Горьковского медицинского института. Кандидат биологических наук. Заместитель председателя Областного научно-технического совета по охране природы. Соавтор открытия стволовых клеток жировой ткани и роли сальника (вместе с сыном Ярославом).

Владимир Иосифович Сумин родился 25 августа 1946 года в Дзержинске. В 1969 году окончил механико-математический факультет ГГУ им. Н.И. Лобачевского. Преподаватель ГГУ, ННГУ (1970–2018). Доктор физико-математических наук (1999), профессор (2001). Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2005). Член Правления Нижегородского математического общества. Известный специалист в области математической физики и теории оптимального управления. Автор более 160 научных работ и монографий (1992). Живет в родном городе.

Михаил Иосифович Сумин родился 18 октября 1949 года в Дзержинске. Окончил мехмат ГГУ по специальности “Прикладная математика” (1973). Научный сотрудник НИРФИ (1973–1986), преподаватель ГГУ, ННГУ (1986–2018). Доктор физ.-мат. наук (2000), профессор (2010). Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2009). Известный специалист в области теории оптимального управления и анализа некорректных задач. Автор 320 научных публикаций и шести коллективных монографий, изданных в США (2009–2017). Живет в родном городе.

Алексей Евгеньевич Савинков – инженер-строитель, закончил Тульский политехнический институт. Служил на Урале. Женат, двое детей. Проживает в Тульской области.

Автономная некоммерческая
профессиональная
образовательная организация
«Нижегородский колледж
теплоснабжения
и автоматических систем
управления»

www.nktsnn.ru

г. Нижний Новгород,
ул. Нартова, 23
Тел.: 8(831) 217-17-16

г. Нижний Новгород,
ул. Горная д. 56А
Тел.: 8(831) 217-14-44

info@nktsnn.ru

Автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Нижегородский колледж теплоснабжения и автоматических систем управления» как никто другой осознает важность патриотического воспитания молодежи, связанного с исторической тематикой. Мы вполне понимаем, как всю важность осознания своего прошлого, связанности всех его частей, так и ответственность за пропаганду тех или иных взглядов среди молодёжи. В этом смысле нас по-хорошему вдохновила идея Анатолия Александровича Абрашкина издать сборник историко-публицистических статей, посвящённых истории Нижегородского края.

Директор колледжа

Ю. А. Комиссаров

Содержание

Об альманахе (слово редактора)	3
--------------------------------------	---

Стихи

Абрашкин А. Память рода	4
Блинов В. Монолог сына	12

К 800-летию Нижнего Новгорода

Абрашкин А. О древней истории Нижегородского края	13
Савинков А. Битва Кощея с Иваном (глава из “Иван-сказки”)	58
Мальшев А. Арса-Русь Нижегородского Поволжья	74
Петряшин А. Ранние годы Арзамасского края. Пургасова Русь	90
Мальшев А. “Поганые князья мордовские”	102
Петряшин А. От Муромы до Свияжска: военный поход Ивана Грозного на Казань в 1552 году	107
Кауров Я., Максимова Д., Мурзинский С., Родионова Т., Тремасов А. Башни Кремля (стихи)	122
Чижов М. Об именах и названиях	129
Кауров Я. Величальная... Нижнему Новгороду (отрывки из семейных хроник)	132
Скатов С. Наш праздник! К предыстории Дня народного единства... ..	141
Кауров Я. Нижегородский Холм поэтов	147

Вспоминаем Юрия Адрианова

Галкин Е. Занимаемая должность – поэт	151
Кауров Я. Юрий Андреевич Адрианов	152

Научный Нижний

Абрашкин А. Горьковская радиофизика: этапы становления	157
Ерофеев В., Герасимов С. Н.А. Дмитриев: конспект биографии и линия судьбы	165
Сумин В., Сумин М. Схема Плотникова	177
Лопатин М. Живой классик: штрихи к портрету М.Н. Бочкарева	185
Каурова Г. Открытие	190

АЛЬМАНАХ

**РУССКОЕ
МЕЖДУРЕЧЬЕ**

Выпуск 1

Макет и вёрстка: *Анастасии Кожановой*

Подписано к печати 24. 09. 2020. Формат 60*84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,7. Уч.-изд. л. 14.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Print-room» ИП Тимков В.С.
603087, г. Нижний Новгород, ул. Верхне-Печёрская, 14 Б.
Тел.: +7 (831) 410-40-72, 288-00-72.